

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

ежемесячный научный журнал

ГОМОЛОГИЧЕСКИХ РЯДОВ
В НАСЛЕДСТВЕННОЙ ИЗМЕНЧИВОСТИ.

Доклад на 3-ем Всероссийском Селекционном Конгрессе
в г. Саратове 4 июня 1920 г.

САРАТОВ,
Губернский отдел 3 с октября
1920 г.

БОТАНИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ СЕЛЕКЦИИ

Н.И.Вавилов

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ
СЕЛЕКЦИИ

ГОМОЛОГИЧЕСКИЕ РЯДЫ НАСЛЕДСТВЕННОЙ ИЗМЕНЧИВОСТИ В СЕМЕЙСТВЕ...

	Наследственно варьирующие признаки	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Пшеница	Сорго
Плен-...	Пленчатое (плотное, заключено в дольковых чешуях) ...	+	+	+	+	+	+
	...	+	+	+	+	+	+
	...	+	+	+	+	+	+
	...	+	+	+	+	+	+
	...	+	+	+	+	+	+
	...	+	+	+	+	+	+
	...	+	+	+	+	+	+
	...	+	+	+	+	+	+
	...	+	+	+	+	+	+
	...	+	+	+	+	+	+

ОТКРЫТИЕ ПРОФЕССОРА Н. И. ВАВИЛОВА.

Профессору Н. И. Вавилову удалось сделать выдающее открытие ...
Это открытие является ...
Важнейшее значение имеет ...
Н. И. Вавилову удалось ...
Саратовский Губернский отдел ...

16
2014
Часть IX

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Ежемесячный научный журнал

№ 18 (77) / 2014

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметова Галия Дуфаровна, *доктор филологических наук*

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Лактионов Константин Станиславович, *доктор биологических наук*

Сараева Надежда Михайловна, *доктор психологических наук*

Авдеюк Оксана Алексеевна, *кандидат технических наук*

Алиева Тарана Ибрагим кызы, *кандидат химических наук*

Ахметова Валерия Валерьевна, *кандидат медицинских наук*

Брезгин Вячеслав Сергеевич, *кандидат экономических наук*

Данилов Олег Евгеньевич, *кандидат педагогических наук*

Дёмин Александр Викторович, *кандидат биологических наук*

Дядюн Кристина Владимировна, *кандидат юридических наук*

Желнова Кристина Владимировна, *кандидат экономических наук*

Жуйкова Тамара Павловна, *кандидат педагогических наук*

Игнатова Мария Александровна, *кандидат искусствоведения*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук*

Коварда Владимир Васильевич, *кандидат физико-математических наук*

Комогорцев Максим Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Котляров Алексей Васильевич, *кандидат геолого-минералогических наук*

Кузьмина Виолетта Михайловна, *кандидат исторических наук, кандидат психологических наук*

Кучерявенко Светлана Алексеевна, *кандидат экономических наук*

Лескова Екатерина Викторовна, *кандидат физико-математических наук*

Макеева Ирина Александровна, *кандидат педагогических наук*

Мусаева Ума Алиевна, *кандидат технических наук*

Насимов Мурат Орленбаевич, *кандидат политических наук*

Прончев Геннадий Борисович, *кандидат физико-математических наук*

Семахин Андрей Михайлович, *кандидат технических наук*

Сенюшкин Николай Сергеевич, *кандидат технических наук*

Ткаченко Ирина Георгиевна, *кандидат филологических наук*

Яхина Асия Сергеевна, *кандидат технических наук*

На обложке изображен Николай Иванович Вавилов (1887–1943) — российский и советский учёный-генетик, ботаник, географ, создатель современных научных основ селекции.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Художник: Евгений Шишков

Верстка: Максим Голубцов

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Во Ван Лак

Скульптура в гробницах в нагорьях
Вьетнама..... 763

Стадникова Л. А.

Художественное творчество — фактор
воспитания личности..... 765

Ташматова К. А.

Реформы, проводимые в Узбекистане по
вопросам нематериального культурного
наследия..... 769

Фатеева А. С.

Преодоление текста: семиотико-
герменевтическая традиция и феномен
мифологизма в культуре XX века 773

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Долгова А. И.

Особняк Г. П. Петрова. Интерьер модерна
в купеческом вкусе 787

ФИЛОЛОГИЯ

Агаева Н. И.

Из истории периодики на русском языке
в Азербайджане..... 791

Борисова М. К.

Основные критерии выделения совокупности
терминов международной безопасности
в современном русском, английском
и французском языке 793

Ганихина Н. Н.

Формы и методы работы с литературным
произведением..... 799

Ганихина Н. Н.

Формы и методы работы, применяемые на
уроках литературного чтения. Формы работы
с компонентами художественного
произведения..... 803

Головина Е. В.

К вопросу о методике работы с тестом на
занятиях по филологическому анализу текста.... 810

Комарова Е. В., Милотаева О. С.

Стихотворение А. — Ч. Суинберна «Рококо»
в переводах Н. А. Васильева и Г. Е. Бена..... 811

Комарова Е. В.

Стихотворение А. — Ч. Суинберна «Прощание»
в восприятии русских переводчиков..... 813

Ноздрин О. И.

Заимствование как один из способов пополнения
словарного запаса в немецком языке..... 815

Сабитова Д. Р.

Методическая целесообразность использования
технологии проблемного обучения на уроках
русского языка и литературы..... 817

Сайфеева К. М.

Коннотативное цитирование как форма речевой
агрессии (на материале текстов сторонников
движения чайлдфри в сети Интернет)..... 819

Скородумова Я. А.

Функции диалектной лексики
в автобиографической прозе В. П. Астафьева..... 823

У Лижу

Проникновение китайской культуры в ходе обучения русскому языку..... 825

Фатыхова Ф. И., Маматова Н. А., Муратова Э. Р., Мажидова З. А.

Abu Ali ibn Sino is a Founder of the East Cardiolologic Terminology 828

Хеммат-заде Шахрам

О хронологии деепричастий в русском языке830

Цибанова Н. Н.

Классификация основного контента телеканалов по периодичности выхода в эфир..... 833

Шахназарян Н. О.

Сравнительная характеристика выражения негативных эмоций персонажей романов Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Идиот» 838

ПРОЧЕЕ

Анучкина Е.

Осенний интенсив «Биотехнологии будущего — 2014» 841

Бахурова Е. П.

Причины коммуникативных неудач в межкультурном общении 844

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Скульптура в гробницах в нагорьях Вьетнама

Во Ван Лак, аспирант

Московский государственный академический художественный институт имени В. И. Сурикова

Изображения и скульптуры в гробницах нагорного Вьетнама отражают простое когнитивное человеческое мышление, восприятие художником социального, природного и духовного мира. Посредством этого люди выражают чаяния трудящихся. Кроме того, этнические меньшинства нагорья в резных изображениях передают связь живых людей с миром мертвых, формирование определенной духовной жизни и т.д. Образы содержательны и богаты символами. В них отражен талант художников.

Рождение и художественная ценность скульптуры гробниц связано с легендами этнических меньшинств в центральном нагорье о богатых вождях. Когда они умирали, их хоронили вместе с их слугами, но со временем, стали использовать деревянные резные изображения, которыми стали заменять живых людей. Поэтому, каждый раз на фестиваль «БоМа» — фестиваль традиционное культурное мероприятие характерное для этнических меньшинств в Центральном нагорье Вьетнама; включает такие мероприятия, как: жертвы животных, жертвы и распределение материала для мертвых, музыка, танцы, кулинарные сообщества и т.д. Люди вырезают статуи для поклонения. Вторая легенда повествует о девушке, которой многие восхищались и были тайно в нее влюблены. К несчастью, девушка умерла, и парень плачет над ее могилой. Затем, парень умирает, чтобы сидеть у ее могилы в лесу и говорить с ее хранителем каждый день. С тех пор люди из этнических меньшинств стали использовать резные статуи, расположенные вокруг могилы, это символ отношений с миром мертвых. Так, каждый год, во время этнического фестиваля «Бо Ма» появляются новые статуи, содержащие оригинальный знак духовной и умственной ясности.

Темы: Гробницы скульптур представляет собой уникальную скульптуру этнических меньшинств в Центральном нагорье Вьетнама. Скульптура родилась на фестивале «Бо Ма», с целью служения мертвым (духам). «Бо Ма» это праздник, связанный с меньшинством Да Рай, Бана, Эде, Мнонг, Хо Данг — с подсечно-огневой культурой, кочевым образом жизни в Центральном нагорье Вьетнама. Считалось, что, когда праздник «Бо Ма» будет завершен, душа вернется к мертвым, и они начнут новую жизнь в ином мире. С тех пор отношения

между живыми и мертвыми осуществлялись уже на расстоянии. Гробницы скульптур представлены как выразительные обобщения массивных блоков. Положение тел очень разнообразно, композиции сцен из жизни отличаются яркостью и богатством. Существуют сцены: водноносцы, плачущая, бьющая в барабан, гонги, дележ риса, обнаженные женщины, любовь молодых людей, то есть воспроизведение действительной жизни, живой и богатой. Скульптуры в гробницах раскрашивались в разные цвета — синий, красный, желтый, черный, белый и т.д., что создавало еще более яркое впечатление. Краски готовились из корней, листьев, древесной коры. Гробница скульптур этнических меньшинств в Центральном нагорье несут в себе глубокий социальный и духовный смысл. В живет душа народа. Тематика скульптур этнических меньшинств в Центральном нагорье является отражением действительной жизни людей, поэтому очень богата и разнообразна.

Изображения скульптурных гробниц на могилах Центрального нагорья многочисленны и разнообразны по своим символическим значениям. Этнические меньшинства часто используют в гробницах яркие цвета, такие как красный, желтый, которые часто встречаются в девственных лесах. Скульпторы при создании изображений на могилах Центрального нагорья использовали визуальные методы обобщения, геометрию массива и пластику сильных диагональных линий. Они часто использовали круглое цельное дерево, из которого вырезают статуи. Иногда достаточно нескольких прекрасных ударов топором по дереву, чтобы создать плоский, овальный объект, обладающий символическими формами. Мастерство скульптора здесь определенно достигает уровня виртуозности, воплощая одновременно эстетическую ценность и духовной тайну.

Рис. 1. Статуи в гробницах в нагорьях Вьетнама. Материал: дерево

Скульптурные изображения людей в гробницах содержат множество символических элементов. Изображения «барabanщиков» синтетическое изображение, вобравшее в себя музыку и танцы этнических меньшинств. Издавна этнические общины традиционно использовали гонги, барабаны и другие музыкальные инструменты. Вместе с музыкой присутствовал танец. Таким образом, барабанщик символизирует не просто присутствие барабана в оркестре, часто выступающего в роли ведущего инструмента на открытии фестиваля, когда оркестр играет, а люди в такт гонги танцуют вокруг могил, но символизирует должность музыкального руководителя.

Музыкальный фестиваль «БоМа», стал бурным, ярким событием, и потеря его грустна и горька. Скульптура барабанщика сильно преувеличена, он сосредоточен, у него очень эмоциональное выражение лица, большие застенчивые глаза. Этот образ отражает деревенские представления о красоте и эстетической ценности образа. В процессе создания скульптуры мастер далек от натурализма: он акцентирует внимание на значимых деталях и избавляется от ненужных. Барабанщики стали типичным изображением и появляется почти во всех гробницах. Статуя «Плач»: выступает как типичный образ выражения горя.

Рис. 2. Статуи: «Секс-партнеры». Материал: дерево

Блоки массива создают эмоции, символизируют настроение глубокого горя. Изображение «Беременных»: также построено на преувеличении в изображении огромного живота и пухлости означают жизненную силу. Расположение объектов обычно дается в вертикальном положении. Вся статуя проникнута единым чувством, гармонично вписана в пространство. Лицо выражает невинность и чистоту. Беременные женщины — яркие символические изображения, в типичных формах отражающие повседневную жизнь людей. В скульптуре «Молодая женщина, набирающая воду» внимание мастера сосредоточено на невинном лице женщины. Изображение «Девушка стучит рис»: представляет собой эпизод повседневной жизни. Девушка молотит по рису в гармоничном ритме кубических массивов, линии легко и гармонично сочетаются, давая статуе сексуальное и мощное выражение. В статуе символически показано богатство примитивных качеств. Работа «Женщины сидят на голове

слона» отражает современное мышление. Слоны показаны ярко, в деталях, отражает современное мышление. Внимание сосредоточено на молодой женщине со строгим, значительным лицом строгим. Работа «Секс-партнера», половые органы мужчины и женщины изображены в деталях, является знаковым для репродуктивной деятельности — это стремление этнических меньшинств. Изображения, где матери прижимают детей, мужчины и женщины занимаются любовью, девочки, молодежь, футболисты, слоны, птицы и т.д. расположены вокруг гробницы создают яркую в духовном плане картину.

Система изображений, высеченных на могилах, обладает высокой эстетической ценностью, достигающей уровня художественной виртуозности. Кроме того, в скульптурах гробниц отражен наивный, примитивный характер сельских жителей, они содержат глубокие духовные образы, создают сильное эмоциональное воздействие на зрителя своей визуальной новизной.

Литература:

1. Во Ван Лак, Изображения — символы в произведениях народной графики Донг Хо во Вьетнаме // Перспективы науки, Тамбов, 2013. № 3 [42] 2013. с. 59–55.
2. Во Ван Лак, Изображения — символы в произведениях народной графики Ханг Чонг во Вьетнаме // Глобальный научный потенциал, С, 2013. № 6 [27] 2013. с. 38–43.
3. Во Ван Лак,, «Скульптура в общинных домах Вьетнамма» // Глобальный научный потенциал, С, 2014. № 10 [43] 2014.
4. Во Ван Лак, «Изображения — символы Богов в народный художественных произведения этнических меньшинств горного Вьетнама» // Перспективы науки, Тамбов, № 10 (61) 2014.
5. До Тх. С (11/2005), «Народная скульптура гробниц в нагорье» // Культурно искусствоведческий журнал, № (81), с.43–44.
6. Ле, Н. К (1999), Вьетнамская народная культура — элементы // Культурно-информационное Издательство. В городе Хошимине.
7. Нгуен, К. — Фан К.Х. (1991), Искусство в деревне // Художественное издательство. Ханой.
8. Нген, В.К — Луу.Н (2002), Скульптурные гробницы в нагорье. Мировое издательство. Ханой.
9. Фан, К. Х И Нгуен Ч. К (1995), Скульптура гробниц в нагорье // Художественное издательство. Ханой.

Художественное творчество — фактор воспитания личности

Стадникова Лариса Анатольевна, соискатель
Орловский государственный институт искусств и культуры

Богатейшая мудрость и духовная красота наших предков до наших дней сохранились в памятниках древнего зодчества, в сказках, былинах и песнях, в старинных предметах быта, костюмах, игрушках и многом другом.

В последние годы постепенно возвращаются из прошлого праздники народного календаря, старинные свадебные обряды, народные игры. С их помощью современное общество может передаваться важнейшая информация о том, как наши далёкие предки представляли себе мир, как умели жить в гармонии с природой, как

ценили они домашний очаг, как поощряли честный труд на земле.

Нельзя забывать, что в течение многих веков в народной художественной культуре отражались наиболее целесообразные для выживания, проверенные опытом многих поколений стереотипы поведения в природной среде и социуме. Они обеспечивали выживания народа, помогали ему сохранить духовное и физическое здоровье. Возрождение традиций народной художественной культуры сегодня — это путь духовно-нравственного ис-

целения и обновления нашего общества. Особая роль в сохранении и распространении в обществе традиций русского и других народов отводится сегодня сфере общего и специального образования.

Особое место в распространении знаний о народной художественной культуре и воспитании детей и подростков на основе воплощённых в ней духовно-нравственных ценностей и идеалов должны занять дошкольные учреждения, школы, центры дополнительного образования. В настоящее время для таких учреждений созданы различные программы по народной культуре, разрабатываются современные методики этнокультурного образования. С древних времён народное художественное творчество было синкретичным. Особенно ярко и самобытно были представлены художественно-творческие элементы в традиционных народных календарных праздниках и обрядах, связанных с циклом земледельческих работ. В этих праздниках, сопровождавшихся пением, игрой на народных музыкальных инструментах, танцами и другими видами художественной деятельности, воплощалось в художественной форме миропонимание и мироощущение народа.

Единство многих видов искусств даёт основания для того, чтобы строить программу для вхождения в мир искусства, как в детском, так и во взрослом возрасте с такого же синкретического действия. Этот подход мы видим в лучших программах эстетического воспитания. Поэтому на ранних стадиях театрализованное музыкально-хореографическое действие, включающее в себе элементы всех видов искусств, является наиболее адекватным методом приобщения ребёнка к искусству. Воспитание умения видеть, слышать, глубоко чувствовать и понимать прекрасное — все это обеспечивает художественную деятельность в наиболее актуальном для личности период, которым является подростковый возраст. Ибо в подростковом возрасте художественная деятельность ребенка носит ограниченный характер и почти невозможна в зрелом возрасте. Подросток стремится к активному действию в области искусства, его не удовлетворяют занятия лишь созерцательного характера.

Развитие творческих способностей в одном виде деятельности влияет на общее развитие личности. Привыкая приводить в движения все умения и умственные силы в процессе занятия искусством, подросток впоследствии и распространяет эту способность и на другие виды деятельности. У подростка достаточно развит объем памяти, активно работает логическое и образное мышление.

Подростки активно участвуют в празднично-обрядовой деятельности проводимые школой, вузом, регионом. Посещают, фольклорные студии в домах творчества, участвуют в фестивалях народного творчества. Развитие фольклорных форм творчества предполагает наличие определенного отношения к народной мудрости, принятие ее знаний, ценностей, норм, образцов, а также включение в деятельность по их освоению на уровне хранения, распространения, потребления и творчества. Таким об-

разом, все выделенные виды интересов тесно взаимосвязаны и обуславливают включение подростка в творчество в фольклорных и других формах художественной деятельности.

Формирование личности через различные жанры и виды художественного творчества. Приобщение школьников к русским народным традициям основано на формировании эмоционально окрашенного чувства причастности детей к наследию прошлого, в том числе, благодаря созданию особой среды, позволяющей как бы непосредственно с ним соприкоснуться. В основе человеческой культуры лежит духовное начало. Поэтому приобщение школьников к совокупности культурных ценностей народа несомненно способствует развитию их духовности, — представляющих собой интегрированное свойства личности, которое проявляет себя на уровне человеческих отношений, чувств, нравственно-патриотических позиций, то есть в конечном итоге определяет меру его общего развития и самосознания в целом. Именно родная культура, как отец и мать, должна стать неотъемлемой частью души подрастающего поколения, началом становления личности. Заложенные в традиционной культуре высокая духовность и нравственность выступает гарантом ведения здорового образа жизни населения, гармонизированной организации бытового уклада, уважение к традициям, доброжелательных отношений с окружающими, любви и бережного отношения к природе. Воспитательная роль народной культуры и прежде всего — культуры традиционной проявляется через воздействие народных праздников — на каждого, будь это младший школьник или подросток. Таким образом, она активно влияет на весь уклад жизни социума.

Успешная и наиболее полная реализация преобразующего, созидательного и воспитывающего потенциала народной культуры осуществимо только при благоприятствующих этому условиях: сохранение, возрождение, и ее традиционных составляющих — воспитание населения, особенно детей и подростков, на наследии народной культуры, посредством ненавязчивых форм приобщения к её богатству; активизация участие всех желающих в различных видах народного творчества.

Русские народные традиции можно подразделить на несколько приоритетных направлений:

1) Создание атмосферы национального быта. Известно, что окружающие предметы оказывают большое влияние на формирование душевных качеств ребенка — развивают любознательность, воспитывают чувство прекрасного. Окружающие предметы, впервые пробуждающие душу подрастающего поколения, воспитывающие в нем чувство красоты, должны быть национальными. Это позволяет детям с самого раннего возраста понять, что они — часть великого русского народа.

2) Традиционные и обрядовые праздники. Обрядовые праздники тесно связаны с трудом и различными сторонами общественной жизни человека, во всей их целостности и многообразии. В них присутствуют тончайшие на-

блюдения людей за характерными особенностями времен года, погодными изменениями, поведением зверей, насекомых, растений. Такая народная мудрость, сохраненная в веках, должна быть передана детям. Много красивых обычаев традиционно существовало на Руси. Они помогали людям не терять веры и оптимизма наперекор всем жизненным неурядицам. Жизнь наших предков была пронизана поверьями, обрядами, приметам, а будни чередовались с празднествами. Они понимали праздники как период таинственности и священнодействия, в отличие от повседневности и прозаичности будней. Верили, что в это время исчезает граница между миром людей и миром чудес и магии. Традиционная празднично-обрядовая культура — неотъемлемый элемент народной культуры, имеющей, как правило, региональный оттенок. Праздники существовали всегда, во все времена, трансформируясь по содержанию и форме, соотносясь с духовным и эстетическим развитием общества. Они несут большую эмоциональную и воспитательную нагрузку, обеспечивая передачу традиций из поколения в поколение.

Таким образом, танец позволяет человеку на внешнем невербальном уровне через движения выразить всё то, что он чувствует и ощущает внутри себя. Через танец возможно выражение морально-этических понятий — добро и зло, справедливость и неравенство, низость и благородство. Занятие танцами, как показывает практика, углубляют самопознание, меняя восприятие человеком самого себя и отношение к своему собственному телу в лучшую сторону. Танец способен освободить сознание от негативных переживаний и наполнить его положительным мироощущением. Почти все танцы всегда сопровождаются музыкой и ритмом, задающими скорость и структуру движений. Ритмические танцы оздоравливают человека, обогащают его сознания, придают уверенность в себя.

Музыка важна для музыкально-творческого развития личности. Музыка, как и танец, представляет невербальную форму выражения. Музыка — есть искусство интонируемого смысла. Обучаясь в музыкальной школе ребёнок развивает не только слуховую и музыкальную память, развивает чувства ритма, вокальные данные, но и главное познаёт историю музыкальной культуры, что так важно для развития гармоничной личности.

Устойчивой формой художественного творчества является народная песня, ведь песенное творчество отражает черты национального характера народа, отношение людей к окружающей действительности. Однако исконно народную музыку в науке принято называть музыкальным фольклором.

Знакомство с историей фольклора/*мудрости народной*/ обогащает знания ребёнка, воспитывает в нём любовь к национальной культуре. Начальной формой к знакомству с песенным творчеством у ребёнка являются «потешки» — забавы взрослых с детьми это первая ступень лестницы, ведущая к познанию богатств русского языка, к усвоению народного музыкально-поэтического творчества.

Практическая педагогика и искусство сочетаются в народных играх

Многие игры крестьянских детей 19 в. Имитировали работу взрослых людей, производственные процессы: посев льна, мака, жатву. Их цель привить детям уважение к существующему порядку вещей, подготовить к труду, познакомить с традициями и обычаями. Игры-Образец жизни широких народных масс, существенное основание человеческого бытия (М. М. Бахтин) По толкованию современного ученого Г. Грачева, игра — категория мировоззренческая, она дает человеку ощущение бытия. В. Н. Всеволодский-Генгросс (1) народные игры делит на три типа: *драматические, круговые, хороводные*/ включают в себя различные виды народного творчества: музыку, диалоги, ритмизованную речь, движения, они разнообразны по своему содержанию, игровому и хореографическому оформлению. В драматической игре основой является художественный образ, психофизическое действие и диалог участников на производственные (охотничьи, скотоводческие и земледельческие) и бытовые темы (среди бытовых игр исследователь выделяет общественные, воспроизводящие исторические события и семейные: девичьи, любовные и т.д.); спортивные (совершенствования навыков); орнаментальные — с передвижением участников (круговые — внутри хоровода сюжет иллюстрируется жестами, мимикой и движениями, некруговые — игроки делятся на 2 партии). Через игру ребёнок познаёт окружающий мир; игра учит его чувству справедливости и уверенности в себе. Игрой в традиционной народной культуре назывались пляски, хождение под песни, шалости, забавы, развлечения, подвижные игры и собрания молодежи. Игры песни, игры-хороводы, игры-сценки создавали в русском празднике атмосферу радости и веселья яски. Так во многих драматических и хороводных играх имитируется повседневная работа взрослых забота о детях и животных, семейные взаимоотношения, производственные процессы: посев, уборка урожая — что дает возможность с малых лет приучить детей к существующему порядку вещей и подготовить их к труду и самостоятельной жизни. Заложённая в раннем возрасте любовь к национальной культуре, способствует развитию всесторонней гармоничной личности подростков, становлению истинных патриотов страны. Русские народные игры. С момента рождения ребенок устремлен в будущее. Он овладевает культурой взрослого мира, в котором он живет. Одной и, возможно, наиглавнейшей составляющей этого процесса является участие детей в тех играх, которые в своем содержании фиксируют исторически сложившиеся универсальные (общечеловеческие) и этнические (национальные) ценности бытия. Народные игры вызывают активность мысли, способствуют расширению кругозора, уточнению представлений об окружающем мире. Кроме того, они совершенствуют все психические процессы — внимание, память, воображение,

мышление, а в дальнейшем влияют и на самосознание. Нравственные качества, сформированные в игре, влияют на поведение ребенка и его характер.

Устное народное творчество — /сказки, былины, поговорки, пословицы, загадки, песни, притчи/ составляют сокровищницу нашей культуры. Русские народные праздники и обряды — одна из наиболее ярких и самобытных составных частей традиционной художественной культуры и в тоже время одно из наиболее сложных и многогранных явлений самого раннего ее типа фольклора. Фольклор выделился из единой культуры первобытного общества в результате разделения труда к русскому народному устному фольклору относятся: сказки, песни, частушки, пестушки, пословицы, поговорки и т. п.. В этом виде фольклора как нигде отразились черты русского характера, присущие ему нравственные ценности — представления о добре, красоте, правде, верности, храбрости, трудолюбию. Особое место в таких произведениях занимает уважительное отношение к труду, восхищение мастерством человеческих рук. Знакомая детям с поговорками, загадками, пословицами, сказками, мы тем самым приобщаем их к общечеловеческим нравственным ценностям. Адресованные детям потешки, прибаутки, заклички звучат как ласковый говорок, выражая заботу, нежность, веру в благополучное будущее. В пословицах и поговорках метко оцениваются различные жизненные позиции, высмеиваются недостатки, восхваляются положительные качества людей. Благодаря этому фольклор является богатейшим источником познавательного и нравственного развития детей.

Постигая законы жизни с помощью малых жанров устного народного творчества, человек узнавал о мире не только серьёзную но и весёлую правду, учился думать, радоваться и шутить. Например, в сказках рассказываются о самых существенных вечных, волнующих каждого человека во все времена проблемах: о жизни и смерти, о любви и ненависти, о благородстве и предательстве, о борьбе добра со злом. Сказочные образы яркие и запоминающиеся. Мотивы поступков просты: герои идут к цели не ведая сомнений и побеждают. Сказка — это забавная поучительная история. Воспитательные возможности сказки достаточно велики. Сказка учит оптимизму, вере в будущее; счастливый конец почти обязателен. Пе-

реосмыслив старую сказку, человек подключается к грандиозному источнику духовной энергии разных наций и поколений. Детский календарный фольклор представлен песнями календарно-земледельческого круга: калядки, щедровки, веснянки, купальские, различный закличник: дождю, радуге, солнцу — с просьбой мочить, обогреть; считалки; игры (драматические, спортивные и хороводные). Спортивные игры способствуют физическому развитию детей, усвоению тех или иных спортивных навыков. Например: «прятки», «салки», «волк и гуси», и многие другие. Так разнообразные варианты игры в прятки содержат в себе отзвуки старинных приемов воспитания детей, формирования и развития личности ребенка, когда существовали школы подготовки их и боям и охоте. С одной стороны, детский фольклор представляет собой самостоятельное коллективное творчество детей, с другой стороны — выступает как творчество для детей. Детский фольклор вызван к жизни «едва ли не исключительными потребностями народа» (1), писал Г. С. Виноградов.

Знакомство с художественным творчеством у ребёнка начинается с детства.

Важной составной частью воспитательной работы в детских учреждениях супруги Шацкие считали развитие у детей эстетического начала, эстетизацию жизни воспитанников. В своей воспитательной системе С. Т. Шацкий приводит пример гармоничного воспитания личности на базе 1-й детской станции, где проводилась большая работа по физическому и интеллектуальному развитию детей, был интересный опыт организации «детского сообщества», основанного на коллективизме. Красочные театральные зрелища: инсценировки событий жизни, пьес, массовые праздничные действия — всё это осуществлялось на педагогической станции педагогами и детьми совместно, основываясь на их творчестве и выдумке.

Передвижным театром руководил А. А. Фортунатов. В этом театре ставили произведения М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, В. Гюго и других авторов. Театральные постановки способствовали их общему развитию детей, так и повышению культуры их местного населения. Театр был звеном связывающих детей и взрослых, а также формированию у воспитанников посредством театрального искусства чувств к прекрасному.

Литература:

1. Белозерова, В. В., Празднично-обрядовая культура орловского края/ В. В. Белозерова — Орел, 2007.
2. Малая Н, Празднуем Ивану Купалу/ Н. Малая — Воспитание школьников, 2001 г. № 4.
3. Мехова Т, Роль народной игры в формировании характера ребенка/ Т. Мехова-Воспитание школьников, 2001. № 3.
4. Морфология обряда. Святочные игры и святочные гадания. Сборник докладов научно-практической конференции Заповедника народного быта Иваново. Январь 2010. — Иваново: Роща Академии, 2010.
5. Наумова Т, Что за Масленица без тройки/Т. Наумова. — Учительская газета., 2001. № 14.
6. Петров, В. М. Летние праздники, игры, забавы для детей/В. М. Петров-М., 2001.
7. Пропп, В. Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. — М.: Лабиринт, 2000.

Реформы, проводимые в Узбекистане по вопросам нематериального культурного наследия

Ташматова Камола Абдурашидовна, учитель
Государственный институт искусств и культуры Узбекистана (г. Ташкент)

Каждый народ или национальность духовно отличается от других, своими тысячелетними традициями, обрядами и культурными ценностями. Этот список можно продолжить, исчисляя ряд понятий по духовности человека. Но есть духовные, религиозные обряды и мероприятия, которые присущи только этому народу и которые сложно найти у других. Именно исходя из этого, все наследие народа издавна было включено в состав устного народного творчества и фольклора. Именно это наследие, встречаемое у каждого народа, служило основой для межкультурного разнообразия, с большой терпимостью к другим народам. Интенсивное развитие мира привело к изменениям, как в материальной, так и духовной отраслях. В итоге развитые общества проявляли свои возможности во всех сферах жизни. Именно в этот период ЮНЕСКО вышел с новой инициативой. Начался новый процесс по сохранению, пропаганде и передаче, из поколений в поколение, народного наследия, которое является уникальным для каждого народа, служит отличием от других, объединив их под понятием «Нематериальное культурное наследие». Позже принятая Конвенция стала огромным шагом в этой сфере.

Само понятие «Нематериальное культурное наследие» включает в себя обряды, традиции, уникальных форм выражения, диалекты, знания и навыки, а также связанные с ними предметы, инструменты, артефакты и культурные очаги. В свою очередь они признаны частью культурного наследия сообществ, групп людей и в отдельных случаях, определенных личностей. Это нематериальное культурное наследие, передаваемое из поколения в поколение, создаются определенными сообществами и группами в тесной связи с природой, окружающей средой и собственной историей. Это формирует чувство уникальности и преемственности, тем самым содействует уважению разнообразности творчества и культуры всего человечества [1].

На сегодняшний день в нашей стране ведется 4 списка нематериального культурного наследия. Это:

1. Список объектов нематериального культурного наследия, нуждающегося в незамедлительной охране.
2. Список рекомендуемых кандидатов, на включение в Репрезентативный список мирового нематериального культурного наследия.
3. Национальный список нематериального культурного наследия.
4. Региональный список нематериального культурного наследия [2].

Внесения в список объектов нематериального культурного наследия проводится министерством по делам культуры и спорта Республики Узбекистан. Основой

для включения в список является прошение от органов государственной местной власти, а также от юридических и физических лиц. Проводится историко-культурная экспертиза для выяснения к какому списку включается данное нематериальное культурное наследие. Экспертиза организовывается Республиканским научно-методическим центром народного творчества при Министерстве по делам культуры и спорта Республики Узбекистан. А проведение экспертизы возлагается на научно-методический совет, организованный при центре. В состав совета входят государственные органы, научные институты и учреждения, представители негосударственных, некоммерческих организаций, деятели, соискатели и квалифицированные специалисты, ведущие деятельность по сохранению и использованию нематериального культурного наследия. В связи с принятием международной Конвенции, объекты нематериального культурного наследия, вошедшие в ранее созданный «Список жемчужин устного и нематериального наследия человечества, вошли в вновь созданный «Репрезентативный список нематериального культурного наследия». В этот список в 2009 году вошла «Катта ашула» («Большая песня»), рекомендованная Узбекистаном и «Навруз», рекомендованный вместе с шестью другими странами. Таким образом, на данный момент, в Репрезентативный список включены 4 объекта нематериального культурного наследия, связанных с Узбекистаном, что является самым большим количеством, среди стран бывшего СССР. В целях организации работ по нематериальным культурным наследиям на национальном уровне, 7 октября 2010 года было принято специальное решение Кабинета министров Республики Узбекистан. Этим решением была одобрена «Государственная программа по защите, охране, пропаганде и использованию нематериального культурного наследия на 2010–2020 год»

Государственная программа состоит из девяти глав.

1. Усовершенствование нормативно-правовой базы, направленной на защиту, охрану и передачу нематериального культурного наследия следующему поколению, а также системы административного управления.
2. Научное изучение и организация исследования нематериального культурного наследия.
3. Регистрация и документирование данных о нематериальном культурном наследии.
4. Подготовка специалистов и организация повышения квалификации.
5. Практические меры по охране объектов нематериального культурного наследия.

6. Агитационно-пропагандическая деятельность об организации защиты и охраны нематериального культурного наследия.

7. Развития сети сотрудничества по охране нематериального культурного наследия.

8. Широкое использование программ культурного туризма в агитации охраны нематериального культурного наследия.

9. Усовершенствование системы финансирования охраны образцов нематериального культурного наследия [7].

На 57 пункте Государственной программы определены основные направления защиты, охраны, пропаганды и использования нематериального культурного наследия на 10 лет. В главе «Научное изучение и организация исследования нематериального культурного наследия» предусмотрено проведение Республиканских и международных научно-практических конференций, каждые два года, начиная с 2011 года. 25 июня 2011 года была проведена первая Республиканская конференция. В ней были рассмотрены вопросы о юридических основах защиты нематериального культурного наследия, порядок ведения списков, организации регистрирования, международное сотрудничество, укрепление связи между государственными и негосударственными организациями, организации фольклорных экспедиций и принятие соответствующих постановлений. В феврале 2012 года в Ташкенте был организован Республиканский учебный семинар, в котором в основном были рассмотрены вопросы по организации регистрирования нематериального культурного наследия. По результатам экспедиции, организованной в Ферганскую долину в апреле 2012 года, была проведена очередная конференция. Из этого видно как выполняется государственная программа — запланированная, на каждые два года конференция, почти за один год было проведено три раза и организовано обсуждение основных вопросов, указанных на ней. В этой главе возлагается обязанность на Комитет по согласованию развития науки и технологии по обеспечению выделения грантов по всем направлениям нематериального культурного наследия, усиления научно-исследовательской деятельности, привлечения молодых ученых на исследовательские работы.

На Академию наук Узбекистана возлагаются следующие обязанности:

— Тщательное изучение исторических рукописей, фонограмм раскрывающие историческую сущность нематериального культурного наследия и издания на разных языках в печатном виде и на современных носителях.

— Исследования истории восстановления Навруза в Узбекистане и обогащение формы и содержания в годы независимости.

— Подготовку сто томного издания «Узбекские памятники народного творчества» с включением текста произведения, нот и примечаний.

— Организацию деятельности специального отделения занимающейся вопросами нематериального культурного наследия.

На данный момент начались работы по подготовке сто томного издания. По плану, разработанному отделом фольклористики института Языка и литературы имени Алишера Навои академии наук, готовится к изданию сборник самых ярких образцов народного творчества по всем жанрам.

В данной главе Министерство по делам культуры и спорта обязывается:

— Организация комплексной фольклорной экспедиции по областям Сурхандарё, Кашкадарё, Самарканд, Навои, Бухара, Хорезм и по Республике Каракалпакстан и по Ферганской долине.

— Организация записи фольклора узбеков живущих на территории Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана, Афганистана и Китая.

— Усиления деятельности по фундаментальному научному исследованию народных эпосов «Гуругли», «Алпамыш» и др.

— Организация издания полного собрания и сбор данных по традиционной узбекской музыке.

На данный момент разработан план по организации экспедиции на регионы страны и ближайших государств. Текст эпоса «Алпамыш» на узбекском, русском и английском языке переданы для включения в цифровой архив организованный комитетом «Сказательное творчество Центральной Азии и Кореи». В 2011 и 2012 году были объявлены конкурсы сценариев на основе произведений включенных в этот архив. Лучшие сценарии были переданы на постановку. Так же запланированы работы по подготовке к изданию многотомной антологии «Узбекская традиционная музыка». В антологию войдут «Шашмаком», макамы Харезмского и Ферганско-Ташкентского направления, макамы дутара и сурная, «Феруз» и «Ушшок». А также планируется создания мультимедийных средств, с записью современных исполнителей для использования в образовательных программах. На данный момент привлечены ведущие специалисты для сбора и записи макома Ферганско-Ташкентского направления. Записаны более 300 песен и мелодий в исполнении более 100 певцов и музыкантов в рамках проекта ЮНЕСКО по документации каракалпакской традиционной музыки. Первые образцы выпущены во Франции виде аудиодисков.

Обязанности по регистрации и документации данных о нематериальном культурном наследии (3 глава) полностью возложены на Министерство по делам культуры и спорта. На данный момент разработаны модели по документации, архивации и организации базы данных и по четырем спискам созданным в нашей стране, включаются объекты нематериального культурного наследия и организовано регулярное обновление базы данных.

Самая большая глава Государственной программы — «Подготовка специалистов и организация повышения квалификации». Вот основные задачи, сформулированные в тринадцати пунктах этой главы:

— Внедрение в процесс образования проблем нематериального культурного наследия.

— Достижение популярности нематериального культурного наследия среди молодежи.

— Воспитание молодого поколения на основе образцов нематериального культурного наследия.

— Подготовка кадров в сфере нематериального культурного наследия.

— Повышение квалификации и переподготовку кадров сферы нематериального культурного наследия.

Для решения этих задач необходимо достичь освещения вопросов нематериального культурного наследия с средних школ до всех уровней высшего образования; внешкольных образовательных программах; привлечения молодежи в процесс сбора и документации нематериального культурного наследия; организация смотр-конкурсов с их участием; организация выставок; поощрения и поддержка научно-исследовательской деятельности в области нематериального культурного наследия.

В главе «Практические меры по охране объектов нематериального культурного наследия» основные задачи распределены главным образом между Академией наук Узбекистана, Национальным информационным агентством, национальным агентством «Узбеккино», Министерством по делам культуры и спорта, Национальной компанией «Узбектуризм» и др. Основные задачи этой главы могут быть сформулированы следующим образом:

— Издание сборников пословиц, поговорок, легенд, притчей и сказаний;

— Обеспечение создания сценических произведений воспевающие национальные ценности и традиции;

— Организация деятельности специализированного научно-популярного журнала «Мерос» («Наследие»);

— Организация реализации и существенная поддержка создания печатных изданий, аудио и видео материалов, предметов ремесленничества;

— Проведение народных гуляний и фестивалей.

Шестая глава направлена на вопросы Агитационно-пропагандической деятельности, по организацию защиты и охраны нематериального культурного наследия. В ней шесть пунктов и основными исполнителями пропаганды в средствах массовой информации указаны:

— Национальная телерадиокомпания, Национальная ассоциация электронных средств массовой информации Узбекистана, агентство печати и информатизации Узбекистана, национальное информационное агентство Узбекистана. На них возлагается ответственность по широкой пропаганде в средствах массовой информации деятельности по охране, защите и использования объектов нематериального культурного наследия, а так же освещение проводимых работ и передового опыта. Из этого следует: освещение деятельности государственных и негосударственных организаций; новых инициатив; роль нематериального культурного наследия в обеспечении социального взаимодействия; отдельное внимание уделять на участия экспертов и специалистов в телевизионных и радио программах. Вместе с этим рекомендуется обратить внимание на широкое освещение в печатных информационных изданиях.

— Министерству по делам культуры и спорта Республики Узбекистана в сотрудничестве с Национальной телерадиокомпанией Узбекистана возлагается ответственность организация проведения ежегодных фестивалей нацеленных на пропаганду нематериального культурного наследия; в сотрудничестве с фондом «Махалля» организация конкурса «Самый активный участник и агитатор нематериального культурного наследия» с районными, областными и Республиканскими этапами.

— Национальному агентству «Узбеккино» возлагается ответственность за создания и организацию показа, по меньшей мере, двух художественных, четырех мультипликационных и пяти документальных фильмов где основной темой будет история и культура нашего народа, патриотизм и героизм народных героев, национальные духовные ценности и традиции.

Не смотря на то, что основным исполнителем указано Министерство по делам культуры и спорта Республики Узбекистан, для выполнения задач требуется сотрудничество многих государственных и негосударственных организаций и учреждений. Именно в этих целях одна глава Государственной программы посвящена вопросам развития сети сотрудничества государственных, негосударственных организаций и учреждений. Самыми главными задачами в этой главе указаны:

— Создание ассоциации негосударственных организаций и учреждений, занимающихся вопросами нематериального культурного наследия;

— Содействие и координация проводимых конкурсов, фестивалей, смотров и выставок в области нематериального культурного наследия организованных государственными и негосударственными организациями и учреждениями.

Исполнителями данных задач указаны Министерство по делам культуры и спорта Республики Узбекистан, Академия наук Узбекистана, Художественная академия Узбекистана, ассоциация ремесленников, международный фонд «Золотое наследие», Республиканский фонд «Махалля».

Роль туристических организаций в пропаганде существующих образцов нематериального культурного наследия в нашей стране очень велика. Только при помощи деятельности этих организаций имеем возможность в полный рост показать духовное наследие нашей страны, как иностранным туристам, так и нашему населению. Расширение возможностей этих компаний предусмотрено в восьмой главе Государственной программы «Широкое использование программ культурного туризма в агитации охраны нематериального культурного наследия». Естественно основным исполнителем является национальная компания «Узбектуризм». Мероприятия, указанные в данной главе:

— Пополнения туристических программ примерами нематериального культурного наследия таких как «Шашмаком», «Катта ашула», «Улан», «Дастан», «Бахши», «Лапар», «Тановар», маскарабазы, канатоходство, ку-

кловодство, «Купкари», разные национальные игры, национальные танцы;

— Включения в туристические программы таких регионов как Байсун, Нурата, Чуст, Кармана, Шеробод и т.д.

— Широкая пропаганда предметов национального ремесленничества, народных инструментов, традиционных нарядов среди туристических групп;

— Усиления широкой пропаганды образцов нематериального культурного наследия среди учеников и студентов.

По данным туристических организаций в последнее время повышается интерес к национальным традициям и обрядам, природе нашей страны, образу жизни нашего народа среди иностранных туристов, посещающих Узбекистан. Туристические организации в свою очередь проявляют большой интерес к открытию новых мест, людей, групп и сообществ, пропагандирующих нематериальное культурное наследие нашего народа. Эффективно используя эти возможности можно материально-финансово заинтересовать хранителей и пропагандистов нематериального культурного наследия. Для этого необходимо создания связи сотрудничества между туристическими организациями и учреждениями, ведущими деятельность по вопросам нематериального культурного наследия. По данным только в городе Ташкент каждый день пребывает 2000 туристов. По информации полученных от туристических организаций большая часть этих гостей хотели бы посетить национальную концертную программу по вечерам. На данный момент, к сожалению, нет площадок для регулярного представления концертной программы, и в следствии туристические организации не имеют возможности включить их в программу.

Последняя — седьмая глава направлена на усовершенствования системы финансирования. В ней наряду с вопросами по финансированию специальных фольклорных экспедиций, финансовыми поощрениями студентов и учащихся, привлеченных на сбор образцов нематериального культурного наследия, рассматривается привлечения капитала спонсоров и международных организаций, специализирующихся на сотрудничестве по нематериальному культурному наследию на вышеуказанные цели. В данный момент организовано включения финансирования фольклорных экспедиций в годовом плане ответственных организаций. Но полное финансирование вопросов привлечения учащихся и студентов направления нематериального культурного наследия пока не решены. Для этого необходимо соответствующим учебным организациям включить в свою ежегодную смету расходы по финансовому обеспечению данного процесса и обосновать их. Только после этого станет возможным выполнения задач поставленных в этой главе Государственной программы. С момента утверждения Государственной программы по нынешний день проделан ряд работ по привлечению капитала спонсоров и международных организаций. В частности, Республи-

канским научно-методическим центром народного творчества при спонсорской поддержке отдела Духовности и просвещения района Шурчи, Сурхандарьинской области, было издано пособие «Сурханская школа танца». Для приобретения технических средств, в вновь созданный отдел Документирования этого центра привлечены средства ЮНЕСКО в размере восемнадцати тысячи долларов США. А так же для разработки модели документирования и организации комплексной экспедиции были привлечены средства центра ЮНЕСКО по Азиатским и Тихо океанским государствам — ICHCAP (Республика Корея) в размере десяти тысяч долларов США.

Если взглянуть на деятельность регулярных фестивалей, конкурсов, смотров проводимых Министерством по делам культуры и спорта Республики Узбекистан, то можно заметить широкомасштабное разнообразия организованных мероприятий всего одного учреждения. Только Республиканским научно-методическим центром народного творчества регулярно проводится мероприятия включающих в себя следующие:

— Республиканский смотр-конкурс аскии и острословия;

— Республиканский смотр-конкурс исполнителей Катта ашула и ансамблей макома;

— Республиканский фестиваль народных и кукольных театров;

— Праздник кукловодства и куклопроизводства;

— Республиканский смотр-конкурс исполнителей Алла, Лапар и Ялла;

— Республиканский фестиваль фольклорно-этнографических ансамблей;

— Республиканский смотр-конкурс исполнителей исторических музыкальных инструментов;

— Республиканский конкурс ансамблей песен и танцев;

— Республиканский фестиваль народных канатоходцев и традиционных цирковых коллективов;

— Традиционный фестиваль фольклора «Мы пришли петь улан»;

— Поезда «Народное творчество» и «Нематериальное культурное наследие»;

— Телефестиваль «Мелодии древнего края» и т.д.

Вышеуказанные мероприятия только те, которые тесно связаны с нематериальным культурным наследием. Кроме этого Министерством высшего и средне-специального образования, Министерством народного образования и другими министерствами и учреждениями проводится ряд мероприятий связанные с нематериальным культурным наследием.

Эти мероприятия помогают выявить талантливых исполнителей, неизвестных доселе произведений и популяризации ценностей нематериального культурного наследия. Много мероприятий проводятся Республиканским комитетом женщин, международным фондом «Золотое наследие», Республиканским фондом «Махалля»,

Молодежным социальным движением «Камолот» и органами местного самоуправления.

Большим достижением можно считать создания законного основания по охране нематериального культурного наследия, принятия Государственной программы, разработка право-нормативной документации, и четкое опре-

деление учреждений, координирующие деятельность на Республиканском и местном уровне.

7 октября 2010 года — день принятия Государственной программы, является началом нового этапа в вопросах защиты, охраны и использования нематериального культурного наследия в Узбекистане и служит резким толчком вперед!

Литература:

1. Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия. Статья 2.
2. <http://www.nmm.uz>
3. <http://www.unesco.org> (YUNESKO)
4. http://www.wikipedia.org/wiki/Intangible_cultural_heritage
5. portal.unesco.org/culture/en
6. wn.com/intangible_cultural_heritage
7. «Государственная программа по защите, охране, пропаганде и использованию нематериального культурного наследия на 2010–2020 год»

Преодоление текста: семиотико-герменевтическая традиция и феномен мифологизма в культуре XX века

Фатеева Анастасия Сергеевна, аспирант
Московский государственный лингвистический университет

В статье рассматривается категория художественного текста с точки зрения ее культурфилософского потенциала и функциональных особенностей в парадигме мифологизма первой половины XX столетия. Акцент делается на феномене рецепции, что прослеживается как в пространстве культуры XIX — XX вв., так и во взаимосвязи концепций отдельных ученых XX века.

Ключевые слова: текст культуры, художественный текст, миф, мифологическое мышление, неомифологизм, В. И. Иванов, М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман

Слово это дух, и спорными становятся вещи в духе.

(Томас Манн «Иосиф и его братья», 1933–1943)

Интеллектуальное, эмоциональное, мистическое эхо преддверия и начала XXI века, хоть звучит уже глуше и привычнее, сегодня остается тем культурным фоном, в тон которого встраивается ряд наиболее актуальных проблем современного гуманитарного знания. Закономерно, что вдумчивый и требовательный интерес к эпохе, минувшей не более столетия назад, обнаруживает себя с известной частотой в философско-культурологической, филологической и социально-политической мысли. Переходный период XIX — XX вв. во многом определил дальнейший тернистый путь «бездомного века», как поэтически окрестил свое время Александр Блок, время, что поныне из завесы прошлого продолжает предсказывать завтрашний день как русской, так в отдельных плоскостях и мировой культуры.

В августе 1881 г. близ швейцарского озера Сильваплана Фридриху Ницше, по его собственному признанию, открылась «высшая форма утверждения, которая вообще

может быть достигнута», мысль о *Вечном возвращении*. Предположим, что, будучи решительно оригинальной или возвращением в возвращении, эта мысль — противоречивая, неясная, очень личная, персонологически детерминированная, слишком литературная, возмоздорная — стала своего рода эмблемой всей грядущей эпохи. «Я обещаю трагический век: высшее искусство в утверждении жизни, трагедия, возродится, когда человечество, без страдания, оставит позади себя сознание о самых жестоких, но и самых необходимых войнах»... [61, с. 114]. Упоминание имени автора самой парадоксальной и таинственной философии жизни открывает данную статью не потому, что неизбежность Ницше в подходах к культуре XX века стала общим местом, а потому, что его текст уже таит в себе топологию мифа, которым будет одержима культура непережитого пророком столетия. В нем одновременно возвращение и преодоление Гераклита; в нем непреодоленная на сегодняшний

день мифологема XX века; в нем истовая нигилистическая вера с «мертвым богом» и дионисийская религия, древняя и грядущая...

В культурфилософской парадигме понятие «текст культуры», впервые сформировавшееся в рамках семиотической школы, активно разрабатывалось на протяжении полувека. Природа его порой неизбежно далека от риторического, филологического и собственно лингвистического раскрытия текста. Современная наука под текстами культуры понимает все явления культуры как таковые [72, с. 256]. Это базовая и чуть ли не единственная позиция, с которой исследователь может анализировать культуру, поскольку креативно-онтологическая сущность так называемых «текстов» всегда вписывается в неясно очерченное предметное поле культурологии. При общей неоспоримости широта данного взгляда неизбежно вызывает к конкретизации, а также уточнению подходов к пониманию и интерпретации столь разнопланового набора артефактов. Попробуем применить к вышеуказанному тезису инверсию: имея в виду под явлениями творческую событийность культуры, положим, что каждое из них, чтобы стать фиксируемым, значащим, должно быть текстом. В таком виде утверждение соприкасается с позицией М. М. Бахтина, которая в дальнейшем получила всеобъемлющее развитие в направлении диалогического подхода к изучению культуры в целом, что отчасти было задано известной общегуманитарной широтой взглядов ученого как на объект исследования, так и на собственное дело. М. М. Бахтин избавляет текст от сугубо филологической или лингвистической монополии, определяя его довольно расплывчато как первичную данность (реальность) и исходную точку всякой гуманитарной дисциплины [17, с. 292]. Наличие текста является обязательным условием для понимания как такового. Вообще же, исключая сугубо текстологические направления, в не такой уж длинной истории толкования «текстов культуры» можем условно выделить три самостоятельных, но неразрывно связанных блока: философско-герменевтический, структурно-семиотический и постструктуралистский.

Для начала попробуем сузить рассматриваемую в статье область текста: речь пойдет не обо всех текстах культуры, а лишь об артефактах, произведенных креативно-эстетическим движением духа. Одна из актуальных тенденций культурологической аналитики, зародившаяся в эпоху ««пугающей широты синтеза» (С. Н. Рерих), апеллирует к понятию «художественный текст», подразумеваемая под такого рода текстом весь универсум искусства (все языки искусства) или, иными словами, тексты, обладающие художественной значимостью, произведения художественной культуры. Прежде чем указать на путь формирования этой идеи в рамках герменевтики и семиотики, заметим, что круг интересующих нас «текстов» прекрасно очертил и даже структурировал еще Платон. В диалоге «Ферд» в уста Сократа вложено объяснение «божественного неистовства», природу которого греки последовательно относили к четырем богам: «Вдохно-

венное прорицание мы возвели к Аполлону, посвящение в тайнства — к Дионису, творческое неистовство — к Музам, четвертую же часть (любобное неистовство — А.Ф.) к Афродите и Эроту» [62, с. 177]. Если перенести эту греческую схему на культуру первой половины XX в. и природу отдельных ее творений, то должно признать ту точность, с которой Платон обозначил область бытия художественного текста. Не будь наука столь сдержанна в определениях, мы бы назвали его земными дарами божественного неистовства.

В. Дильтей, рассматривавший культуру как адекватную эпохе символизацию исторической жизни, включил в круг понимания герменевтики («понимающей психологии») новый текст (как текст себя определить не позволяющий): человеческую жизнь — мир свободного бытия личности. Тем не менее, уже тогда в противовес вектору на толкование всех проявлений культуры, по которому и развивалась философская герменевтика в XX в., отмечается особое расположение к художественному тексту, *выраженному в слове*. За «философией жизни» В. Дильтея выстраиваются определенные переходные ступени между философией и религиозностью, литературой и поэзией [33, с. 288]. Из всех искусств, согласно В. Дильтею, именно поэзия (в широком понимании) отличается наибольшим проникновением в историю культуры [33, с. 291—304]. Несмотря на то, что начало XX века, особенно для русской действительности, сегодня все чаще связывают с преодолением литературоцентризма, слиянием искусств в полифонию, выходом на некий единый синестетический уровень, оспорить приоритет и надстоящую сущность словесного творчества для этой эпохи вовсе не так просто.

Преклонение перед поэзией встречаем у М. Хайдеггера (опять же следует проникнуться тем «прапоэтическим» смыслом, который автор вкладывает в это понятие). Для поэзии характерен принцип набрасывания, замышления, принцип, присущий всему художественному творчеству: «Искусство как творящаяся в творении истина есть поэзия» [73, с. 209]. В «Истоке художественного творения» М. Хайдеггер отмечает, что тайна художественного текста не сводится к миру автора-художника и интерпретатора: «Художественное творение всеоткрыто возвещает об ином. <...> С вещью, сделанной и изготовленной, в художественном творении совмещено и сведено воедино еще нечто иное. <...> Творение есть символ» [73, с. 87]. У Г.-Г. Гадамера, поддерживающего идею изначального поэтического творения бытия, априорности языка, в продолжение мысли М. Хайдеггера есть интереснейшее заключение: «Мышление, способное мыслить все искусство как поэзию, раскрывая языковое бытие всякого художественного творения, само еще находится на пути к языку» [27, с. 253]. О каком же мышлении идет речь? Ни один маститый мыслитель не дерзнет претендовать на свободное обладание таким мышлением, но нет сомнений в том, что оно существует; следует полагать, это мышление *сакрально*. Символическое «иное» (по М.

Хайдеггеру) Г.-Г. Гадамер структурирует по принципу коммуникативной модели и называет *духом*: «...у художника дело обстоит так, что его “изобретение”, его произведение по самому своему существу возводится к духу, духу, который творит, а также и к тому, который выносит суждение о произведении и наслаждается им» [28, с. 97].

Отметим, что о духе как первопричине и предсказывающей силе творчества в ключе, не противоречащем лингвистической герменевтике, писал и М. М. Бахтин: «Дух (и свой и чужой) не может быть дан как вещь <...>, а только в знаковом выражении, реализации в текстах и для себя самого и для другого» [17, с. 284]. Дуализм в подходах к пониманию художественного текста в известной мере выступает сближающим фактором для герменевтической методологии и диалогического мышления М. М. Бахтина, видевшего за вещностью любого произведения свободное откровение личности, вписанное в подвижный контекст познающего. Дуализм же сводится к движению в направлении двух безусловных полюсов: языку (во всей его потенциальной глубине) и «неповторимому событию текста». По М. Бахтину, за текстом стоит язык, состоящий из слов, но текст в отличие от языка¹ «не может быть переведен до конца, ибо нет потенциального единого текста текстов» [17, с. 285]. Для исследователя текст-произведение есть объект реального интереса, точнее его символическая оболочка, которую необходимо преодолеть для приближения к неуловимой вне материальности художественного творения сущности объекта: *человеку* как цели, форме и инструменту духа. Неверно усматривать в этом подходе чистый психологизм или интуитивную теологию; это прежде всего *подход к культуре*, не принимающей столь покладисто структуры текста, но в то же время живущей в текстах. Структура, код, деконструкция — любая смысловая анатомия художественного произведения по праву остается ведомством специальных, безусловно интересующих нас, направлений гуманитаристики. Различие кроется в том, что для этих направлений культура — фон, контекст, архивированная память рождения текста, в которой лишь следует найти верные связи для действительной цели: интерпретации текста, интерпретации сколь угодно философской, глубокой.

Философия культуры, как бы четко ни формулировалась цель конкретных изысканий, не может не страдать от абстрактности объектно-предметного поля. Ее диалог с художественным текстом не сводится к постижению авторского языка; он направлен на иную, неавторскую, подчас молчаливую и куда менее связанную, чем текст, реальность. Что это за реальность? О ней и в науке при-

нято высказываться скорее в метафорах, нежели давать безапелляционные определения. В дальнейшем мы неоднократно будем обращаться к положениям герменевтики, в ее феноменологической традиции, ориентированной на взаимодополняющий принцип поиска целостного знания, понимая сам поиск как диалог интерпретаций и соответственно принимая «сократический принцип» бытования истины «между людьми» [12, с. 123–127]. На той грани, где герменевтика, стремится уйти от иррациональности, сближаясь со структурной лингвистикой, нас опять же привлекает внелингвистический слой языка, вероятно, то, что М. М. Бахтин называл *металингвистикой*², а также то, что находится за ее пределами. Углубляясь до уровня первофеноменов, вряд ли стоит претендовать на методологическую рациональность, лишённую интуитивизма. Впрочем, вопрос может ставиться лишь о границах методологии; о границах интуиции и познания в науке ставить его опрометчиво. «Действительность познания не завершена и всегда открыта <...>, — отмечает М. М. Бахтин, — Все, что есть для познания, определено им самим <...> все, что упорствует, как бы сопротивляется познанию в предмете, упорствует лишь для познания...» [11, с. 28].

Как уже было замечено выше, начало текстологического подхода к прочтению всех феноменов культуры положено фундаментальными исследованиями структурно-семиотического направления. В отечественной традиции условно можно выделить лингвистически-текстологическое направление (оно вполне независимо и представлено в рамках теории текста), а также направления, ориентированные преимущественно антропологически, литературно-эстетически или социокультурно. Однако в общем плане философии культуры это разделение стирается. В зарубежной науке ситуация, как известно, в таком же условном срезе представляет собой эволюцию взглядов (методологическое движение от структурализма к постструктурализму, имевшее место и в отечественных гуманитарных науках) отдельных крупных мыслителей, в основном представителей семиотической и психоаналитической школ. Признавая колоссальную силу влияния культурного контекста, вероятно, рассматривать европейскую и отечественную линии следует не изолированно, но все же с позиций индивидуального пути каждой, ведь они в силу известных обстоятельств были лишены прямой коммуникации, и, если советская запретная семиотика, оставаясь, по горькому замечанию Б. М. Гаспарова, «смесью структуральной поэтики, социальной психологии и антропологии» [Цит. по: 4, с. 213], в 70-е гг. вошла в фазу своего лингвистического и текстологического апогея, то представители французского структурализма в то же время уже

1 Ср. с лингвистической теорией глоссематики.

2 Поздний термин М.М. Бахтина, появляющийся впервые в заметках 1959-1961 гг. «Проблема текста»; «Вопросы литературы», № 10, 197; публикация В. В. Кожина . [17, с. 293] Под металингвистикой понимается особая (несуществующая) филологическая дисциплина, призванная изучать диалогические отношения в высказываниях и между ними, анализировать «степень *чужести* чужого слова». Наиболее полное обоснование термин получает в переработанных новых частях «Проблем поэтики Достоевского», а именно в методологических замечаниях к главе «Слово у Достоевского» [12, с. 203-205]. По предположению Л. А. Гоготишвили, сам термин мог быть взят у американского ученого Б. Уорфа, основные сочинения которого вышли в русском переводе в начале 60-х, и для М.М. Бахтин, вероятно, представляли интерес.

отказали языку и тексту как опоре науки да и науку из своего творчества начали изгонять.

Особого внимания в сфере исследований художественного текста и культурной памяти заслуживают труды отдельных представителей московско-тартуской семиотической школы (Ю. М. Лотмана, А. М. Пятигорского, В. Н. Топорова, М. Л. Гаспарова, Вяч. Вс. Иванова). Известная конфронтация концепций этих авторов с школой М. М. Бахтина, которой в статье отведено центральное место, не входит непосредственно в проблемное поле нашего рассуждения. Нас привлекает тот идейный план, в котором ученые писали, опираясь на разные теоретические позиции, но, словно молящиеся разным богам, за «кодами» (Ю. М. Лотман) или «голосами» (М. М. Бахтин) чаяли одной истины, т. е. важны общие точки диалога между ними.

Отмечая стадии структурного усложнения текста, Ю. М. Лотман, говоря о памяти текста в канале коммуникации, утверждал, что вступая в сложные отношения с культурным контекстом, художественный текст способен не только накапливать информацию, но и выступать в качестве сверхиндивидуальной интеллектуальной субстанции, приобретающей черты модели культуры, самостоятельно актуализирующей смыслы, сочетая аспекты внутреннего синхронизма с внешней обращенностью к внетекстовой памяти [51, с. 22]. Культурологическое понятие текста, по Ю. М. Лотману, начинается с того порога, когда «сам факт лингвистической выраженности перестает восприниматься как достаточный для того, чтобы высказывание превратилось в текст <...> утрачивается обязательность графической выраженности текста» [55, с. 133–134]. Так, всей культуре логично подчиниться структуре: читаться как сложно построенный текст, «единный, но *многоголосый* (курсив наш. — А.Ф.) текст», который «в своей синхронности может опираться разными своими частями на память различной временной глубины, что делает его неоднородно зашифрованным» [55, с. 143]. В этой тонкой единственности культуры и текста неловко не вспомнить о таких теоретических ключах, как язык, код и диалог.

Язык различает только *знаки*. Определяя культуру как иерархию семиотических систем, погруженную в многослойное пространство внекультурного, концепция Ю. М. Лотмана и его сподвижников допускает два взаимопроникающих подхода к текстам культур: переориентированный лингвистический и подход, рассматривающий текст как целостный знак, как *непрерывность* (свойство общее для современных звукозрительных систем передачи информации и таких искусств, как танец, живопись, скульптура). Тексту свойственно авторство и обращенность, что выводит на первый план проблему «говорящего» и «слушающего». В данном случае была предложена интересная типология культур: ориентированная на говорящего, когда общество стремится достичь высоты поэта, художника, и ориентированная на слушающего, когда автор старается соответствовать ин-

тересам и запросам публики. В пределах полюсов типологии движение возможно в любом направлении. Текст культуры — это всегда текст на вторичном языке (т. е. языке автора). «Состояние, в котором все тексты возвращаются только к своему языковому значению, — писал Ю. М. Лотман, — соответствует разрушению культуры» [55, с. 135]. В словесном тексте отношения между языком и формой выстраиваются тремя способами: 1) культура может не признавать текстами незначительные для нее высказывания; 2) любой художественно-литературный текст остается одновременно текстом на естественном языке; 3) текст может воплощаться на ином языке (переводимом или являющимся продуктом креативной природы) [49, с. 504–525]. Как раз пример последнего, как мы видим, наиболее близок к монолитности других текстов культуры, несловесных. В их отношении язык интерпретатора все меньше может следовать законам какой-то определенной науки (структурной лингвистики), он скорее сам выходит на мета-уровень и, будучи вторичным по отношению ко вторичному языку произведения, будет создавать лишь новый слой символизации, новый текст культуры. Это может происходить на протяжении всей жизни текста, *непрерывно, незавершимо, открыто*. Отметим, что метаязык, в свою очередь, не есть заданный код: он равновелико обязан событию текста и сознанию познающего.

Понятие кода в семиотике (или даже отдельно взятой семиотике культуры Ю. М. Лотмана) эволюционировало. Нельзя сказать, что под «кодом» у всех ученых, использующих этот термин, когда-то раз и навсегда подразумевалось что-то строго определенное, лишнее индивидуальных посвящений в обосновании понятийного аппарата. Скорее этот элемент остается «кодом в коде», за которым «посвященные» якобы увидят *все*, а «непосвященные» увидят не больше, чем можно увидеть, например, за постмодернистскими трюизмами массовой культуры, так же активно привлекающими «кодовый» термин к своему *ничто*. Возможно, именно благодаря концептуальной подвижности «кода» в структурализме (движение то было от мертвого к живому) вышла из записей М. М. Бахтина широко известная критика методологии и самого термина [14, с. 380, 431–434]. Однако Б. Ф. Егоров, друг и коллега Ю. М. Лотмана, указывает, что идеи последнего после 1977 года как раз развивались в сторону сближения с бахтинскими, а М. М. Бахтин, в свою очередь, был очевидно недостаточно знаком с поздними работами Ю. М. Лотмана [34, с. 244]. При этом роль кода в структуралистском понимании коммуникации в системе культуры была велика. В «Культуре и взрыве» Ю. М. Лотман видит код уже не как самодостаточную единицу — код должен рассматриваться в динамике, в своей истории, потому что структура не беспамятна, и ее «многоязычие» не механический обмен сообщениями, а живой диалог [51, с. 15]. Здесь о том, что «каждое слово пахнет контекстом и контекстами, в которых оно жило своею социально напряженной жизнью...» [15, с. 106] (М. М. Бахтин) вспоминается поневоле.

Отталкиваясь от классической модели Р. О. Якобсона [79, с. 198], Ю. М. Лотман совместно с А. М. Пятигорским [64, с. 149–150] обосновали особый тип коммуникации (автокоммуникации), где текст выполняет мнемоническую или рефлексивную функции, и подчеркивали его важность в изучении истории культуры [50, с. 164]. Диалог, по Ю. М. Лотману, категория, трактуемая вполне светски: «элементарный механизм перевода», требующий как семиотических различий, так и сходств участников, а также их взаимного интереса [50, с. 268]. Принципиальное различие языков и культур уже есть неизбежность диалога и стимул познания: диалог культурной памяти с субъектом культуры, диалог искусств, диалог вербального с невербальным и т. д.

В критике Ю. М. Лотмана и его школы последних десятилетий встречаются разного рода упреки и сравнения, противоречивые и подчас явно субъективные. Ю. М. Лотмана то неожиданно сближают с М. Хайдеггером и герменевтической традицией, то противопоставляют ему более «продвинутых» выходцев из тартуско-московской семиотической школы, а именно: В. Н. Топорова с его историософским и эстетическим подходом, Б. М. Гаспарова, перешедшего в веру постструктурализма, А. М. Пятигорского, преодолевшего в феноменологии онтологизм структурно-семиотического метода³. Стало хрестоматийным указанием на движение поздних идей Ю. М. Лотмана «от структурализма» [20, с. 327–329]. Энциклопедическая любовь к анализу атрибуции и маркированию, возможно, не порочна сама по себе, но совершенно не полезна в нашем случае. Вслед за Н. С. Автономовой считая, что по факту морали (не по верности методу) структуралистская доминанта никогда не уходила из научной позиции Ю. М. Лотмана, а лишь подстраивалась в нужном тоне и ключе под объект исследования⁴, мы подходим к установке на методологически интегративный принцип. У Ю. М. Лотмана (особенно в последних трудах) этот принцип просматривается, а терминологическая оболочка его вполне может оставаться за рамками этой статьи. В защиту тезиса «о верности» структурализму будет уместно напоминание о вовсе не поздней, но непреходящей априорной направленности Ю. М. Лотмана на историю культуры («структурализм не противник историзма»), на изучение «художественных структур (произведений) как элементов более сложных единств: “культура”, “история”» [52, с. 94] — установка сегодня, быть может, неисчерпанная, культурологически воспеваемая, но и мало кем воплощенная. Ю. М. Лотман, по словам М. Л. Гаспарова, «не занимался методологией ради методологии», а был ученым необычайно широкого, подлинно гуманитарного идеала, т. е. ориентированно-

го на мир человека во всей его бесконечности: «именно здесь скрещиваются структурализм и постструктурализм, пафос закона и пафос свободы» [30, с. 10].

Делом Ю. М. Лотмана прежде всего были поэтика и история литературы; через эти сферы и *ради* них он выходил в бескрайнее поле культуры, с ее мифами, многоязычием, кодами... Напрашивается вопрос культурфилософский: есть ли мост в обратную сторону? Можно ли из лабиринта культуры, затрудняясь определить его пределы и свои координаты в нем, проникать в произведение (текст), в мир человека, а оттуда как бы сквозь слои-потоки материи, духа вновь попадать в культуру — новый лабиринт, и читать его, и *возвращаться*? Остросузетная перспектива, но структурная методология не о ней, а скорее вокруг нее (например, тернарная модель Ю. М. Лотмана). В «Культуре и взрыве» Ю. М. Лотман в самом начале обозначает одну из сложнейших проблем семиотической системы (отношение статики к динамике) и там же далее утверждает, что «вечное движение» между семиозисом и внесемиотической сферой «не может быть исчерпано — оно не поддается законам энтропии, поскольку постоянно воссоздает свое разнообразие, питаемое незамкнутостью системы» [51, с. 102]. Выше мы уже останавливались на позднем варианте подхода к коду культуры и пониманию диалога у Ю. М. Лотмана; в синтезе этих идей наблюдаем максимальное продвижение взглядов ученого к тезису о многоязычии культуры, *обращенности вовне*: «...наступает время принципиально открытой модели. Окно культурного мира никогда не затворяется» [54, с. 416]. Методологический «мост» в этом видит Н. С. Автономова, вводя понятие «открытой структуры». Это мост, прежде всего, между филологией и философией, для которых текст — общий материал, но, если «для филолога почти все наиболее важное в тексте выразимо словами, для философа — ничто важное в тексте словами не выражается» [4, с. 368]. Открытая структура не порождение фантазии, а то, что открывается в предмете; это структура в путешествиях и метаморфозах, «разомкнутая ко всему, что не структурно» [4, с. 12]. Данное обновленное видение структуры представляется потенциально уместным и в настоящей статье. Ведь отчасти можно сказать, что ее методологическую основу мы называем *постструктуралистской* по соображениям терминологической (морфологической) недостаточности. Подход Н. С. Автономовой вполне самостоятельный и заявлен как выводимый из Якобсона, Лотмана, Гаспарова [4, с. 13]. Однако М. М. Бахтин (антагонист структурализма) все же витает в нем где-то между строк, да и лексика, стоит признать, здесь звучит бахтинская: «Смысловая структура внутренне убедительного слова не завершена, открыта,

3 Любопытная иллюстрация нео-восприятия представлена в монографии *Чередищенко И.* Структурно-семиотический метод тартуской школы. СПб.: Золотой век, 2001. — 200с.

4 Вопрос полемики о сближении Ю.М. Лотмана с духом постмодернизма, в его версии не теряющем облик науки, тем не менее остается спорным, ведь, строго говоря, по изначальным установкам методологический аппарат структурализма должен был как раз-таки сохраняться неизменным вне зависимости от параметров объекта, что вступает в противоречие с позицией Н.С. Автономовой. См.: [5, с. 342].

в каждом новом диалогизирующем его контексте оно способно раскрывать все новые смысловые возможности» [15, с. 158].

Для филологов его очень «личный язык» (С. Г. Бочаров) действительно может обращать весь потенциал наследия в ненауку, в «роман» (М. Л. Гаспаров), в «плодотворный научный миф» (А. В. Михайлов), однако именно плодотворность, вероятно, как следствие того самого платоновского неистовства, «одержимости» очень значима для пересмотра бахтинских идей в русле философии культуры, там, где постижение М. М. Бахтина, его «слова» или анти-метода во всех пределах не может быть самоцелью. Первостепенно осознание трех давно не требующих развернутого доказательства тезисов: 1) онтологическое неприятие М. М. Бахтиным взгляда на все гуманитарное знание как множество «знаковых систем»; 2) понимание диалога как уровня коммуникации значительно более глубокого, чем текст; 3) неограниченность, разноречивость, идеолого-диалогическая природа художественной коммуникации как магистральная идея концепции современности и насущная проблема современной науки.

Что до постструктуралистских (в том числе и постбахтинских) теорий эстетики слова, аллюзий на жизнь и распад текста, то для русской культуры первой половины XX века можно допустить, что уже по чисто хронологическим и архетипическим соображениям обращение к западной философии постмодерна избыточно. Русская культура отстранена от конкретных, прежде всего социально-политических подтекстов, ставших предпосылкой, а впоследствии и контекстом постструктурализма как методологического сдвига и постмодерна как философской парадигмы. Априорная светскость, иное восприятие телесности, прагматизм духовного мира и другие грани опыта постмодерна не очень ловко вплетаются в канву русско-европейского мистицизма, который во многом определял творческий и идеологический сценарии культуры особенно в первой трети прошлого столетия. При том в европейское пространство некоторые интуитивные схемы постмодернистской философии все же встраиваются правомернее, работают не только как методы, но и как символы исхода и предела культуры XX века. Так или иначе художественные тексты указанной хронологии готовили почву для идей деконструкции и шизоанализа, более того, вопреки логике истории, сегодня мы вынуждены признать, что по логике культуры модернизм пережил постмодернизм. Последний оказывается иллюзией колодца, который «мертвые авторы» «больных текстов» переносят в жаждущее сознание культуры, и культура, а вместе с нею и наука испытывают галлюцинацию или изучают ее, но с движением времени наступает абсолютное забвение и небытие колодца. Наследие же модернизма (в т. ч. русского) утверждает себя как колодец вполне реальный, к которому ходили и авторы-постмодернисты, до дна которого не добралась и философия постмодерна.

Безусловно, данный факт не мешает изящно применять конкретные постмодернистские или смешанные

технологии к текстам любой эпохи. Скажем, «литературные лейтмотивы» Б. М. Гаспарова повернуть к текстам А. С. Пушкина, структурный психоанализ Ж. Лакана и Ж. Делеза, приравнивая само производство текста к практике психоанализа и определяя весь XX век как среду невротическую и психотическую, — к русской культуре Серебряного века, доказывая, что, к примеру, поэзия А. А. Ахматовой и О. Э. Мандельштама родом из «невротического дискурса», что и осуществляет в своих работах В. П. Руднев [65, с. 254, 278, 283]. Если с чем-то в подобных подходах можно не соглашаться, то «диагнозу», сводящемуся к тому, что художественный текст не только опережает всякие теоретические построения вокруг себя, но и генерирует их [65, с. 73–74], сложно подобрать контраргументацию. Во взгляде В. П. Руднева на текст встречаются структурализм и постструктурализм, психоанализ и аналитическая психология, семантика возможных миров и диалогизм М. М. Бахтина [25, с. 15–16]. Однако в этой связи куда большего внимания заслуживает совсем другой диалог: в конце введения в книге «Философия языка и семиотика безумия» В. П. Руднев приводит фрагмент беседы с Т. А. Михайловой. Ключевым извлечением этой беседы является тезис об отделении текста от реальности как следствии распада мифологического мышления; этот распад и породил проблемное поле текста, «болезнь текста», если угодно [66, с. 35]. Данная мысль во всей ее глубокой простоте и становится отправной в цепочке наших рассуждений, посвященной отношению категорий: *миф — мифологическое мышление — архетип — текст — диалог — неомиф*.

Отделение творческой мысли, слова от мифологического мышления — суть *онтофании* искусства и соответственно текста — это путь исторически огромный и механически труднейший. С принципиальной трудности начинается всякий разговор о мифе, что закономерно, при том, что в отличие от того же языка, слова, текста, художественного произведения, миф не дает безоговорочной монополии на изучение себя ни одной конкретной науке.

Если европейская ремифологизирующая установка восходит к романтической традиции XIX века, когда по сути еще не существующая теория мифа была неотделима от теологии, но в «сакральном тождестве» Ф. В. Й. Шеллинга уже сквозило осознание того, что позже К. Г. Юнг назовет «коллективным бессознательным», то русская мысль, апологизирующая мифологические основания культуры и поступка человека, ведет к творчеству Ф. М. Достоевского, а в научной ретроспективе — к работам А. А. Потебни. Тема философской преемственности, принятия-непринятия, но так или иначе «продолжения» Ф. М. Достоевского в русской культуре начала XX столетия справедливо заслуживает отдельного внимания⁵, но в отношении к мифу нас привлекают те духовные начала, что в ином *одухотворении* стали истоком русской религиозной и мифо-теургической философии. Из генеалогии двух известных подходов (ремифологизирующего и демифологизирующего) должна следовать

если не ненаучность, то «инонаучность» первого, и сугубая, деятельная (структура, коды, деконструкция) научность второго. Строго говоря, так бы и было, если бы не потенциальная невозможность полного противопоставления мифа науке. Как мифу чужд мир ирреальных объектов науки и ее незавершенной истины, так и наука не выводится из мифа, из абсолютного бытия, однако, «если брать реальную науку, т. е. науку, реально творимую живыми людьми в определенную историческую эпоху, то такая наука решительно всегда не только сопровождается мифологией, но и реально питается ею, почерпывая из нее свои исходные интуиции» [47, с. 42]. Тон мифологизации не только религиозного сознания, поэзии, но и философии XX века, заданный Достоевским и йенскими романтиками, находит продолжение у Ф. Ницше — в западной культуре и у Вл. Соловьева — в русской. Развитие этого явления в его апогее 1900–1920-х гг. и затем возвращении на протяжении столетия современные философы называют «мифопоэтической инженерией» [41, с. 93], «опытом топологической рефлексии» [46]. В свете этого феномена вряд ли можно переоценить значение фигуры Вяч. Иванова как «человека универсального» [18, с. 154]: ученого, поэта-философа, вдохновителя столь многого и столь многих, «Фауста XX века», как назвал мыслителя его современник Андрей Белый.

Начиная с работ С. С. Аверинцева, тема русской герменевтической традиции и первостепенной роли Вяч. Иванова в ее формировании поднималась многократно⁵. Более того, исследователи указывают на влияние программы мифопоэтического искусства и теории мифа Вяч. Иванова на становление русского структурализма [59; 63, с. 443, 191], а также психоаналитического направления в философии и литературоведении [76; 71 с. 41–79, 116]. О связи идей Вяч. Иванова с философским ядром воззрений М. М. Бахтина, символическим подтекстом кон-

цепций Я. Э. Голосовкера, А. Ф. Лосева, и О. М. Фрейденберг написано немало, однако здесь должно согласиться с Н. А. Богомоловым, утверждающим, что методология самого Вяч. Иванова и объекты его полемики исследованы недостаточно [21, с. 148]. Между тем, известно, что даже филологические работы ученого представляют прежде всего культурно-исторический интерес; они проникнуты духовным напряжением эпохи, мир личных религиозно-философских исканий превалирует в них над научностью в строгом смысле. В общих чертах методологический принцип Иванова голландский ученый Ф. Вестбрук не без основания называет дедуктивным, а подход к прарелигии, в целом синкретический, сложный, все же тяготеет к «реартикуляционному» [24, с. 27, 267], т. е. теистическому, сосредоточенному на сущности религиозного переживания Священного. В филологических и культурно-философских работах Вяч. Иванова существенных методологических изменений не наблюдается⁷; его герменевтическая концепция представляется обязательной для понимания той неразрывной преемственности философии мифа и текста, которую мы стремимся проследить в данной статье.

Герменевтику Вяч. Иванова, следуя определению Лены Силард, можно назвать «четырёхмерной» [69, с. 16]. Современные авторы сходятся на том, что основа ее, несмотря на недостаточность соответствующих ссылок у Иванова⁸, принадлежит Августу Бёку, хотя неясно, действительно ли «лучший русский эллинист» этой основе следует, ибо очевидно, что подход Иванова во многом оригинален [68; 24, с. 147, 37]. Итак, за «четырёхмерной герменевтикой» стоит традиционное для позиции неоплатоновского дуализма Вяч. Иванова противопоставление «низшей» и «высшей» герменевтик. Под низшей герменевтикой имеется в виду базовый принцип филологической критики, по сути семиотический, близкий методам

5 См. напр.: Кузнецова И.В. Интерпретация философских идей Ф. М. Достоевского представителями «нового религиозного сознания» в России (начало XX века). М., 1990.; Фриндлендер Г.М. Пушкин, Достоевский, «Серебряный век». — СПб.: Наука, 1995. — 525 с.; Исупов К. Г. Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культура Серебряного века / К. Г. Исупов. — СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2010. — С. 7-160; Шипунова Н.Ф. Достоевский в русской культуре конца XIX — первой трети XX века: Дис. ... канд. культурологических наук: 24.00.01 Москва, 2006. — 257 с.; сборник Ф.М. Достоевский в культуре Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации: К 190-летию со дня рождения и 130-летию со дня смерти Ф.М. Достоевского / [Отв. ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи. Сост. Е.А. Тахо-Годи]. М.: Водолей, 2013. — 592 с.

6 См. напр.: Бёрд Р. Символизм Вячеслава Иванова: от романтики к герменевтике // Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII Междунар. Симпозиум. Вена 1998. — С. 99-111. *Он же*: А.Ф. Лосев и В.И. Иванов: корни религиозной герменевтики // Образ мира: структура и целое. Лосевские чтения. Москва 1999. — С. 225-233; *Самохвалова В.И.* Вяч. Иванов и русский постмодернизм. «Вопросы философии», 2001, № 8. — С. 66-77; *Силард Лена.* Проблемы герменевтики в славянском литературоведении XX в., *Studia Slavica* 38 (1993) — С. 173-183; *Она же*: Русская герменевтика XX века // Силард Л. Герметизм и герменевтика, СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. — С. 13-26; *Титаренко С.Д.* Теоретическое наследие Вячеслава Иванова и литературоведение XX века // Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы: взгляд из России — взгляд из зарубежья. Материалы Междунар. научно-практич. конференции 7-9 окт. 2010 г., Санкт-Петербург 2010. — С. 366-379; *Исупов К.Г.* Герменевтика Вячеслава Иванова // Символизм и герменевтика. — Siedice, (Opuscula slavica sedlcensia. - 2012. — Т. I), 2012. — С. 47-98. Здесь важно учитывать и исторический контекст науки: в отличие от философской экзистенциально-феноменологической герменевтики (М. Хайдеггер, Г.Г. Гадамер) герменевтика для Вяч. Иванова и его современников, прежде всего — основной метод классической филологии. Разрыв между традиционной герменевтической традицией и философской онтологической категорией герменевтики можно определять как разрыв между филологией и философией в современном понимании. Цель первой — смысл; цель второй — опыт, мировоззрение. Пример Вяч. Иванова, на наш взгляд, являет живой синтез обеих.

7 Здесь важно учитывать и исторический контекст науки: в отличие от философской экзистенциально-феноменологической герменевтики (М. Хайдеггер, Г.Г. Гадамер) герменевтика для Вяч. Иванова и его современников, прежде всего — основной метод классической филологии. Разрыв между традиционной герменевтической традицией и философской онтологической категорией герменевтики можно определять как разрыв между филологией и философией в современном понимании. Цель первой — смысл; цель второй — опыт, мировоззрение. Пример Вяч. Иванова, на наш взгляд, являет живой синтез обеих.

8 В методологической главе диссертации Вяч. Иванова «Дионис и Прадионисийство» ссылки на А. Бёка отсутствуют. См.: [37, с. 253-287].

точных наук. Высшая герменевтика сближается с «науками о духе» (Geisteswissenschaft)⁹, гипотетичными, требующими интуитивного элемента [37, с. 255]. Второй уровень оппозиций — «факты быта и действия», реальность исторического процесса, т. е. выход к *обряду* и «факты сознания», опыт субъекта в духовном постижении, т. е. выход к *парарелигиозному* сознанию [37, с. 257–263]¹⁰.

Четырехмерность указывала на неприятие догматов, на необходимость *размыкания* всякой *структуры*, за пределами которой неизбежно остаются смысловые пласты, в систему не укладываемые. Так, «открытая структура», конечно, не без необходимых ремарок об особенностях символистского подхода к формам мета-уровня, уже была заложена не только в поэтике *pop finito*, но отчасти и в методе Вяч. Иванова.

По мнению С. Д. Титаренко, теория мифа Вяч. Иванова включала в себя три основных аспекта понимания данного явления (обрядово-ритуальный, символический, теургический)¹¹, что вытекало не только из научных работ философа, но и из его программных статей о символизме — так, миф становился «формой психологии творчества». Спорность всей теории придавала возложенная на религиозную сферу надежда перерождения духовного в само искусство на основе теургического принципа [71, с. 120–122]. В корне этого подхода лежало близкое чаяниям символизма мифопоэтическое мышление, обещающее через постижение мифологических наслоений реальное возвращение к протоформе любого текста; приоритетным для Вяч. Иванова не только как ученого, но и как поэта, было «раскрытие факта сознания в факте действия» [37, с. 261]¹². *Праимфом* Иванов называет некое архаичное относительно текста и слова представление, «выделяющееся из эмоциональной сферы и приобретающее господство над нею» при первичном акте культа, что исторически предшествует формированию обряда [37, с. 263]. «Живая летопись религиозной жизни народа» — *миф* — является одновременно потенциальным текстом и скрывает в себе действие (обряд). Обрядовая его часть неочевидна, она «добывается» исследователем. Путем дальнейших усложнений, отдалений от чистой мифологии миф превращается в *текст*: «Для культовой интерпретации мифологии необходимо владеть <...> ключами

ее символики» [37, с. 265]. Именно обряд (словесное воплощение праимфа) должен стать источником понимания мифологического, сакрального текста; к чувственно-эмоциональному фону праимфа, *высказыванию* «древнейшего узрения в форме синтетического суждения», зеркально ведет и природа любого художественного текста.

Детальный анализ концепции Вяч. Иванова, со всеми необходимыми оговорками об изоцированной метафорической образности авторского языка, особом неявном диалоге с предшественниками и современниками, субъективном переживании мифологической архаики и прочем, не предполагается в рамках данной работы. Однако ряд положений, наследуемых исследователями XX века, представляется методологически значимым, когда помещаем их в контекст *неомифологизма* как онтологического и эстетического феномена общекультурной полярности, имеющего абстрактную, незавершенную временную направленность. Под неомифологизмом мы подразумеваем все тот же «мифологизм» в безотносительном значении *образа мысли и творчества*, однако прибегаем к приставочной форме, дабы уйти от терминологического пересечения с мифологизмом романтической традиции XIX века (где прослеживаются более очевидные связи с конкретным мифом, чем в XX в.); следует оговориться и о непричастности этого понятия в нашем употреблении к принципам современной неомифологической школы¹³. Здесь нам скорее ближе позиция Т. А. Апинян, считавшей мифологизм явлением возвращающимся, цикличным, элементом «всякого культурного и личностного сознания вне возрастного, культурного или исторического состояния. <...> другой формой отражения реальности с собственной онтологией и эпистемологией» [6, с. 10].

Текст как синтез мифологического и современного мышления — обряда и слова — причастен к уровню архетипа. «Первобытные образы» И. Канта, трансцендентальные идеи А. Шопенгауэра, как и «изначальные ядра сознания» Вяч. Иванова¹⁴, сегодня прочно заменены термином теории К. Г. Юнга. При этом сложно не заметить, что категория архетипов — излюбленное поле для наукотворчества. Современные интерпретаторы исходят либо из определений Юнга, которые многочисленны и достаточно абстрактны, либо следуют другому завету

9 При этом на В. Дильтея Вяч. Иванов не ссылается, т.к. ему чуждо дильтеевское разделение наук на науки о природе и науки о духе. Стремление Иванова скорее сводится не к противопоставлению, а объединению их. И в этом уже намечается сближение Иванова с философской герменевтикой (Г.Г. Гадамер, П. Рикёр) [69, с. 17-18].

10 Ср. с концепцией А. Бёка, который выделял в герменевтике *интерпретацию и оценку* языка — *уровень грамматики*; контекста истории — *исторический уровень*; персоналии автора — *индивидуальный уровень*; культурного или духовного контекста — *генерический уровень*. (A. Bockh, Enzyklopaedie und Methodenlehre der philologischen Wissenschaften, Stuttgart, 1966. P. 80) [24, с. 37].

11 Ср. с понятиями «архе», «нуминозное» и «мифическое» К. Хюбнера [75, с. 7-10], а также с указанием А.Ф. Косарева на слияние в мифе трех реальностей: эмпирической, метафизической и трансцендентной [44, с. 156-159].

12 Ср. с характеристикой мифа в одной из программных статей Вяч. Иванова: «Миф есть динамический вид (modus) символа, — символ, созерцаемый как движение и двигатель, как действие и действенная сила» [35, с. 2].

13 Ср.: «Популярная на Западе неомифологическая школа в литературоведении имеет тенденцию полностью переносить признаки мифа не только на сказку, но на литературу в целом, стирая таким образом всякие грани» [57, с. 140].

14 Античный «архетип» Вяч. Иванов переводит как «довременные подлинники», «изначальные ядра сознания» [37, с. 259], в чем пересекается и с К.Г. Юнгом, и с К. Кереньи.

швейцарского ученого, наполняя «архетип» личным, индивидуальным содержанием. Так, автор альтернативной теории антропогенеза В. Тен утверждает, что «миф имеет клиническое значение и рождается на стадии родовой шизофрении», спровоцированной архетипом как «родовым комплексом, следом болезни» [70]. Конечно, «комплекс» — один из результатов фундаментального пересмотра Юнгом понятий психоанализа, но при этом известно, что Юнг — вовсе не тот автор, которого можно всерьез воспринимать и толковать в форме отдельно взятых, вырванных из контекста цитат: система его взглядов требует большего внимания. Хотя Юнг вышел на «архетипы», действительно работая с паталогическим материалом, факты не позволяют вольно приписать архетип к душевной патологии, которая по определению индивидуальна, в то время как архетип — образ коллективного бессознательного. Число архаичных мотивов расплывчато, и способы их иллюстрации автором противоречивы, однако в своих работах Юнг не допускает прямого сближения комплекса с целостностью мифа как области рождения архетипов, т. е. бесчисленных образов состояния культуры, где мышление не отделено от чувствования [67, с. 149]. Итак, со-бытие архетипов, прибегнув к мифической аллегории, можно назвать бытием «до открытия ящика Пандоры», уровнем, на котором категория «болезни» вообще не работает.

Другое дело, что Юнгу было важно, как область архетипов связана с миром индивидуального сознания. Архетипы как «врожденные способы психического восприятия объектов» не могут быть выявлены иначе как через образы мифа: мифологическая символика не является фигурой речи или вариантом тайнописи, к которой прибегает память, она приходит из глубины, не имеет ничего общего с нашим индивидуальным опытом [78, с. 184]. При этом проекция архетипа, точнее «тенденция к формированию такого выражения мотива» [80, с. 67], в отличие от чистого мифа, присутствует и в личном мышлении, и в современных символических образах, более всего распространяясь на сферу религиозного сознания, плотно связанного с мифологическими истоками, а в сфере искусства говорит о причастности художника к тысяче голов, к вечности: «Тот, кто говорит архетипами, постигает, преодолевает и вместе с тем возводит обозначаемое им из единичного и преходящего до сферы сущего, он возвышает личную судьбу до судьбы человечества» [77, с. 58]¹⁵. В неомифе бесчисленность и неопределенность ар-

хетипа становится тождественной «предперсональности» и зыбкости границ источника мифологического явления. По замечанию С. С. Аверинцева, весь процесс мифотворчества — не что иное, как «трансформация архетипов в образы, «невольные высказывания о бессознательных душевных событиях» на языке объектов внешнего мира» [1, с. 110]¹⁶. Тому же созвучна формула М. М. Бахтина: «Каждое частное явление погружено в стихию первоначал бытия» [17, с. 361]¹⁷, — за ней — «теплота сплывающей тайны» С. С. Аверинцева¹⁸, и восхождение обоих к идеям Вяч. Иванова.

Л. Силард называет М. М. Бахтина «переводчиком идей Вяч. Иванова на язык следующего поколения», т. е. учение, сложившееся в традиции эзотерической метафизики, Бахтин, «носитель памяти в эпоху беспамятства», излагает языком «секуляризированной культурологии, сохраняя тем не менее его религиозную основу» [69, с. 25]. Восприятие текста через постижение тайны его рождения в зеркальном коридоре смыслов, от конечной формы к истокам, с распространенностью сопутствующих мифологем обрядово-мистического свойства — основной принцип символизма. Принцип этот предполагал диалог, общение с непредсказуемой персонифицированной субстанцией «живого слова» — носителя соборной памяти. В наброске М. М. Бахтина 1940-х гг. «К философским основаниям гуманитарных наук» [10, с. 7–12] прослеживается определенная рецепция наследия XIX в. в сложном синтезе с подтекстом русской религиозной философии и эстетики рубежа веков. «Философия выражения» Бахтина как неисчерпаемый предмет гуманитарных наук своего рода продолжает «философию филологии» Ф. Шлегеля и герменевтику Ф. Шлейермахера, откуда, по мнению Г. Г. Гадамера, и проистекает диалогический метод как таковой. «Необходимость свободного самооткровения личности <...> открываясь для другого, она всегда остается и для себя. <...> Мертвая вещь в пределе не существует <...> всякое целое в какой-то мере лично <...> взаимоотношения окружения и кругозора, я и другого; проблема зон <...> Самораскрывающееся бытие не может быть вынуждено и связано. Оно свободно и поэтому не предоставляет никаких гарантий. <...> Бытие целого, бытие человеческой души, раскрывающейся свободно для нашего акта познания, не может быть связано этим актом ни в одном существенном моменте» [10, с. 7–8]. При этом максимально полно момент сближения с Вяч. Ивановым в философии интерпретации (даже на

15 Ср. у Вяч. Иванова: «...в каждом великом творении духа необходимо скрыты семена мистического. <...> Без них нет великого, ведь это отголосок вечности» [39, с. 10].

16 Ср. у Т. Манна: «... в типичном всегда есть очень много мифического, мифического в том смысле, что типичное, как и всякий миф, — это изначальный образец, изначальная форма жизни, вневременная схема, издревле заданная формула, в которую укладывается осознающая себя жизнь, смутно стремящаяся вновь обрести некогда предначертанные ей приметы» [56, с. 175].

17 Ср. у Э. Кассирера: «Подлинный характер мифологического бытия открывается тогда, когда оно выступает бытием начал» [43, с. 97].

18 Формула рождается из контекста М.М. Бахтиным статьи С.С. Аверинцева. Ср.: «Сама структура символа направлена на то, чтобы погрузить каждое частное явление в стихию «первоначал» бытия и дать через это явление целостный образ мира. Здесь заложено сродство между символом и мифом; символ и есть миф, «снятый» (в гегелевском смысле) культурным развитием, выведенный из тождества самому себе и осознанный в своем несопадении с собственным смыслом» [2, с. 156].

уровне лексики), на наш взгляд, афористично отображен у М. М. Бахтина в форме притчи «Человек у зеркала» [16, с. 71]. Вместо мистического одухотворения текста Бахтин вводит диалогическое мышление гуманитарных наук, направленное на всеобъемлющую стихию: «выразительное и говорящее бытие» [17, с. 410]. Ранее мы уже отмечали, что и Ю. М. Лотман соотносил текст с «интеллектуальной личностью»¹⁹; он же в последнем своем интервью указывал, что не только искусство, но и другие сферы культуры уходят в область *непредсказуемого* [60, с. 114], в чем, разумеется, без катабасиса-анабасиса и дионисийских мифологем оказывался вне противоречия Вяч. Иванову. М. М. Бахтин, не принимавший всецело «непреодоленного до конца монологизма» В. Дильтея, тем не менее, как отмечено Л. Силард, «приспосабливает наследие Вяч. Иванова к традиции Дильтея». Однако в не меньшей мере, чем методологической базой, противопоставление точных и гуманитарных наук служило Бахтину инструментом полемическим (против структурализма), в связи с чем в его записях находятся и другие аналоги разделения «монологического» и «диалогического» (по Э. Косериу [45, с. 282]): противопоставление «мира необходимости (природа)» «миру свободы» (культура) [13, с. 387].

Конечно, для Вяч. Иванова акт создания и интерпретации текста всегда трансцендентен; искусство, будучи объектом мира профанного надделено памятью созерцания высшей ценности, сакрального. М. М. Бахтин, напротив, сторонился прямого обращения к трансценденции, и сакральность в узком предметном значении опять же прямо противоположена области его интереса. Бахтин указывал на *пограничность* всякого эстетического объекта («дух мифологии допускает игровой и пародийный моменты» [13, с. 381]), на сущность творчества как *преодоления* слова, материала [8, с. 304–305]; в герменевтике, по замечанию Л. Силард, все его учение — и тематически, и методологически — строится с опорой на сакральность как на главный ориентир бытия» [69, с. 25]. Хронологически по обе стороны от карнавала царит имманентное, возвращающееся — время памяти о сакральном.

В качестве гипотезы формирования категории «событие бытия» М. М. Бахтина исследователи указывают так же на русло идей Вяч. Иванова [3, с. 404–410]. Для Иванова событие — центральное понятие его теории мифа²⁰, в то время как для Бахтина мифологическая терминология в принципе не частотна. Однако связующая нить находится у Ф. М. Достоевского («все на земле живет через таинственное касание мирам иным»): положение события мифа и индивидуально-конкретного события текста

между двух миров от разных смысловых задач ученых восходило к общей основе. Присоединение Бахтиным к событию *бытия* означало расширение мифологического мира Иванова, прорывающегося к «пра-событию», до мира «принципиально иного», мира в целом. Неявная концепция мифа М. М. Бахтина — это *участное мышление*, что вполне соотносимо с мифологическим мышлением (сознанием) Вяч. Иванова. Участное мышление — «эмоционально-волевое понимание бытия», включенное на уровне архетипов и воспринимающее мир как событие целостное, неделимое. «Язык исторически вырос в услужении участного мышления <...> абстрактному мышлению он начинает служить лишь в сегодняшний день своей истории» [9, с. 43, 31] — так, рождение текста, по Бахтину, связано со служением языка всегда заданному, но недостижимому выражению «единства единственного бытия-события». В этой связи прослеживается корреляция с тезисом о сродстве слова и мифа, а также с разделением Вяч. Ивановым речи на «мифологическую», в основе которой лежит миф как «динамический вид символа», и «логическую», современную, «формой которой является суждение аналитическое» [38, с. 594]. М. М. Бахтин, говоря об интуитивно-эстетическом единстве как искомом единстве философии вообще, в пояснении его разновидности называет миф, который гораздо ближе к искусству, чем интуитивная философия [8, с. 288]. Кроме традиционной генетической связи мифа с искусством, существует и связь обратная: движение художника *a gealibus ad gealioa*, стремление вернуть творимое слово в лоно мифа: «...миф, прежде чем он будет переживаться всеми, должен стать событием внутреннего опыта, личного по своей арене, сверхличного по своему содержанию» [36, с. 558]. В этом и коренной принцип неомифологизма XX века: временность, единственность, голоса надломленной эпохи — все устремилось к вечности. На излете столетия миф и мифическое уже представляли в туманном, чрезмерно профанированном облики. Наступало время, когда в восклицание М. Л. Гаспарова из воспоминаний о тартуско-московской семиотической школе: «Если наша жизнь не текст, то, что же она такое!» [29, с. 301] — свободно можно было поставить слово «миф». Однако тут же, продолжая цитировать того же автора, уместно добавить, «что не все то термин, что звучит». Многочисленные, самые крупные и в общем охвате полемические исследования мифа и неомифологических текстов были осуществлены именно во второй половине XX века, когда само понятие мифа стало столь дискретным, что синхронный интеллектуальный выход

19 Ср. у М.М. Бахтина: «Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом) <...> этот контакт есть диалогический контакт между текстами (высказываниями) <...> За этим контактом контакт личностей, а не вещей (в пределе)» [17, с. 364] и у Ю.М. Лотмана: «Вместо формулы «потребитель дешифрует текст» возможна более точная — «потребитель общается с текстом». Он вступает с ним в контакты. Процесс дешифровки текста чрезвычайно усложняется, теряет свой однократный и конечный характер, приближаясь к знакомым нам актам семиотического общения человека с другой автономной личностью» [48, с. 132].

20 «Миф есть воспоминание о мистическом событии, космическом таинстве... <...> Внутренний смысл случающегося улавливает тот, кто различает под его движением сокровенных ход иных, чисто реальных событий...» [40, с. 158]. Ср. у С.Н. Булгакова: «...миф есть событие, которое совершается на грани двух миров, в нем соприкоснувшихся» [23, с. 58].

к единой протоформе мог мыслиться разве что в планах эзотерической акробатики. Образность неизбежна и в науке: миф всегда буквально проходил и проходит через культуру и через каждую жизнь в виде высказывания, стихийной реальности дематериализующейся истории, мерцающей вертикали смыслов; каждый исследователь говорит о той области данной иерархии, которую *видит*. В этих узрениях — истина многих.

Культура сохраняла «носителей памяти», но, как известно, не всегда была милостива к ним. Они несли ключи от противоречивой культуры забытого «ренессанса», культуры истовых преодолений, несли, «что ведомо было одним *им*», а подлинное историческое время этих носителей постепенно вытесняло эстетическую форму как ценность; не исключено, что вытеснение это началось с отрицания текста, с *подчинения текста мифу*. *Чужое* стало своим; вера — универсальной формой доверия; лингвоцентризм перебивал молчание прасимвола; жизнь духа начала отставать от жизни тела; упразднились центр и ориентиры... Недоумение над неразрешимостью включало апоретическую логику, которая вела, в свою очередь, к фантазийности, интуитивности, мифу, а в пределе — к отрицанию, т. е. неомифологическому отрицанию, заявлявшему о небытии текста бытием другого текста. Здесь важно подчеркнуть, что при феноменологической близости с наследием 1900—1940-х гг. природа неомифологизма второй половины XX века — иная; ее особенностей в этой статье мы касаться не будем. В плане общего, безусловно, отмечаются: связь с архаикой, мифологические реминисценции, усложненность. Однако стоит оценивать степень целостности и *реальности* этой условной связи и обратить внимание на различие *цели* в двух последних пунктах.

Хронологически интересующий нас неомиф как форма новой реальности пытается вернуться к «основному мифу»²¹, уповая на расширение религиозной сферы до масштабов искусства в целом, или апеллирует к мифу народному, тяготеющему к сектантству, сохраняющему близость с языческой памятью, первоначальной *простотой*. Таковы основания мифотворчества, прежде всего, символистского круга и постсимволистских течений минувшего столетия. За сей манифестаций и мистифицирующей утопией скрыт исторически безотносительный механизм художественного мифологизма, базирующийся, *во-первых*, на саморефлексии и рефлексии культурной, отсылающей к духовному синкретизму уже в силу того, что, если миф и его последующие абберрации развивались по принципу усложнений, то «новая мифология» текста все время реверсивна: доходя до

предельных форм, она поворачивает назад, к той точке, где смысл развернут, т. е., по слову Вяч. Иванова, к прамифу: «Прамиф <...> прост и краток <...> высказывает — и исчерпывает» [37, с. 263]. Аналогичная направленность порой отличает развитие индивидуальных и эпохальных художественных стилей, так называемый «переход от риторической ориентации к стилистической», иллюстрируя который, Ю. М. Лотман цитировал стихи Б. Л. Пастернака: «...впасть к концу, как в ересь, в неслыханную простоту» [53, с. 182]. Это зачастую не только поэтический путь, но и путь философа: так М. Хайдеггер, по мысли переводившего его на русский язык А. В. Михайлова, в напряженной работе десятилетиями шел к тексту, кроткому автобиографическому очерку «Проселок», в который вложил, в сущности, всю свою философию [58, с. 6]. *Вторая* основа мифологизма — рецепция и традиция. Именно в таком порядке, т. к. значение последней не столь велико; в отдельных случаях традиция способствует рецепции, но сама по себе не способна порождать новое. Как писал М. М. Бахтин, «между традицией и рецепцией — бездна!» [7, с. 377]. Рецепция всегда *личностна*, осуществляется в синхронном контексте единственного события, в котором уже интегрирован контекст культуры в целом: «Всякое событие значимо постольку, поскольку в нем свершается событие мира» [19, с. 105]. Так, в XX веке миф не является продолжением мифа (чего-то реального в прошлом), а лишь совпадает с духовным звучанием древности, по слуху возвращается за ним, но генерируется, *высказывается* заново, являя собой другое, неподвижное и неповторимое. По точной формулировке К. Г. Исупова, отнесенной конкретно к слову Вяч. Иванова, речь идет о преобразовании «значения события в событие значения» (курсив автора. — А.Ф.) [42, с. 97] или, словами М. М. Бахтина, — о вхождении «в бытие именно там, где оно не равно себе самому — в событие бытия» [9, с. 41].

Мы обращаемся к той эпохе, когда текст еще *не перестал быть* во всех концептуальных значениях этого термина, но и *не мог быть* повязанным одними закономерностями со своим лингвистическим двойником, текстом-языком: «художественное высказывание» поднимало его горизонт до уровня внеязыкового, уровня мирового духа²². Отчасти по этой же причине понятие *текста* в учении М. М. Бахтина так и не получает должного оформления. Только преодолевая текст мы выходим к искомому и слышим приглушенное историей звучание смыслов. В отличие от М. Бубера, М. М. Бахтин не задает прямого религиозного вопроса «Кто говорит?» [22,

21 Термин «основной миф» принадлежит Вяч. Иванову [26, с.62] и подразумевает под собой прарелигиозную схему, в которой бог (зачастую верховный) побеждает своего противника, но тот после возрождается в торжестве жизненной силы. Мысль Вяч. Иванова нашла развитие в мифоритуальной школе литературоведения.

22 Л.А. Гоготшвили развернуто поясняет вероятные причины фактического отказа М.М. Бахтина от понятия текста и выстраивает его иерархию терминов относительно текста и высказывания следующим образом: текст — это высказывание, взятое в изоляции от диалогически отношений; высказывание — реальная единица речевого общения (не подвластная компетенции системно-языковых исследований); «художественное высказывание», т.е. усложненный тип высказывания есть произведение [32, с. 654, 657].

с. 105] и уж тем более на него не отвечает: «...познание ничего не может нам подарить и гарантировать...» [10, с. 8]. Это молчание Бахтина, которого М. Л. Гаспаров не без иронии уподобил Нилу Сорскому²³, постигается длиной личного пути, но вдруг удивительно созвучно (как может быть созвучна только несказанность) той самой завер-

шающей мысли с «проселочной дороги» М. Хайдеггера: «Говорит ли то душа? Или мир? Или Бог? И все говорит об отказе, что вводит в одно и то же. Отказ не отнимает. Отказ одаривает. Одаривает неисчерпаемой силой простоты. Проникновенный зов поселяет в длинной цепи истока» [74, с. 394].

Литература:

1. Аверинцев С. С. Архетипы // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. — Т. 1.
2. Аверинцев С. С. Символ художественный. // София-Логос. Словарь. М., 2001.
3. Аверинцев С. С., Бочаров С. Г. Комментарии к философии поступка // Собр. Соч. в 7 т., т. 1. Философская эстетика 1920-х годов, М., 2003.
4. Автономова Н. С. Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров / Н. С. Автономова. — М.: РОССПЭН, 2009.
5. Автономова Н. С. Ю. М. Лотман, переходящий в память // Юрий Михайлович Лотман. Под ред. В. К. Кантора (Серия «Философия России второй половины XX века»). М.: РОССПЭН, 2009.
6. Апинян Т. А. Aesthesis et mythos: эстетика перед лицом неомифологизма // Эстетика сегодня: состояние, перспективы. Материалы научной конференции. 20–21 октября 1999 г. Тезисы докладов и выступлений. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 1999.
7. Бахтин М. М. Записи лекций по истории русской литературы // Собр. Соч. в 7 т., т. 2., М.: Русские словари, 2000.
8. Бахтин М. М. К вопросам методологии эстетики // Собр. Соч. в 7 т., т. 1. Философская эстетика 1920-х годов, М., 2003.
9. Бахтин М. М. К философии поступка // Собр. Соч. в 7 т., т. 1. Философская эстетика 1920-х годов, М., 2003.
10. Бахтин М. М. К философским основаниям гуманитарных наук // Бахтин М. М. Собр. Соч. в 7 т., т.5. — М.: «Русские словари», 1997.
11. Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: «Худож. лит.», 1975.
12. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Собр. Соч. в 7 т., т.6. «Проблемы поэтики Достоевского», 1963, работы 1960–1970-х гг. — М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002.
13. Бахтин М. М. Рабочие записи 60-х — начала 70-х годов. // Собр. Соч. в 7 т., т.6. — М., 2002.
14. Бахтин М. М. Разрозненные записи // Собр. Соч. в 7 т., т.6. — М., 2002.
15. Бахтин М. М. Слово в романе // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., «Худож. лит.», 1975.
16. Бахтин М. М. Человек у зеркала // Бахтин М. М. Собр. Соч. в 7 т., т.5. — М.: «Русские словари», 1997. — С. 71.
17. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества — М.: Искусство, 1979.
18. Бердяев Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М., 1991.
19. Библихин В. В. Язык философии. М.: Прогресс, 1993.
20. Библер В. С. Ю. М. Лотман и будущее филологии // На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. М., 1997.
21. Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов между Римом и Грецией // Античность и культура Серебряного века: К 85-летию А. А. Тахо-Годи. — М.: Наука, 2010.
22. Бубер М. Два образа веры. М., 1995.
23. Булгаков С. Н. Свет невечерний. М., 1994.
24. Вестбрук Ф. Дионис и дионисийская трагедия: Вячеслав Иванов. Филологические и философские идеи о дионисийстве. München: Verlag Otto Sagner, 2009.
25. Винни Пух и философия обыденного языка. Алан Милн. Winnie Пух. Дом в Медвежьем Углу / Пер. с англ. Т. А. Михайловой и В. П. Руднева; Аналитич. ст. и коммент. В. П. Руднева. — Изд. 3-е, доп., исправл. и перераб. (Серия «XX век +»). — М.: Аграф, 2000.
26. Вяч. Иванов о Ф. М. Достоевском (Выступления по поводу С. Н. Булгакова в Религиозно-философском обществе 2 февраля 1914 г.) / Публикация Д. В. Иванова и А. Б. Шишкина, предисловие А. Т. Казаряна // Вячеслав Иванов: Архивные материалы и исследования. Москва 1999.

²³ «...диалог-то у Бахтина был не такой, как между нами, а такой, как у Нила Сорского с Господом Богом, то есть для которого никакого языка и не требуется» [31 с. 467].

27. Гадамер Г.-Г. Введение к истоку художественного творения // Хайдеггер М. Исток художественного творения / Пер. с нем. Михайлова А. В. — М.: Академический Проект, 2008.
28. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем./Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. — М.: Прогресс, 1988.
29. Гаспаров М. Л. Взгляд из-за угла // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: «Гнозис», 1994.
30. Гаспаров М. Л. Диалектика Лотмана // Ким Су Кван. Основные аспекты творческой эволюции Ю. М. Лотмана: «иконичность», «пространственность», «мифологичность», «личностность». М.: Новое литературное обозрение, 2003.
31. Гаспаров М. Л. Фрагмент письма М. Гаспаров Н. Автономовой 14 октября 2001 г. // Автономова Н. С. Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров / Н. С. Автономова. — М.: РОССПЭН, 2009.
32. Гоготшвили Л. А. Комментарии к заметкам 1961 г. // Бахтин М. М. Собр. Соч. в 7 т., т.5. — М.: «Русские словари», 1997.
33. Дильтей В. Воображение поэта. Элементы поэтики/ Пер. с нем. А. В. Михайлова. // Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. Под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. — М., 2001. — Т.4.
34. Егоров Б. Ф. Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. М., 1999.
35. Иванов Вяч. «Заветы символизма», Аполлон, 1910, № 8
36. Иванов Вяч. Две стихии в современном символизме // Собрание сочинений в 6 т., т. 2, Брюссель, Foyer oriental chretien, 1971—1987.
37. Иванов Вяч. Дионис и Прадионисийство. Баку: 2-я Государственная типография, 1923.
38. Иванов Вяч. Заветы символизма // Собрание сочинений в 6 т., т. 2, Брюссель, Foyer oriental chretien, 1971—1987.
39. Иванов Вяч. Интеллектуальный дневник 1888—1889 гг. / Подгот. текста Н. В. Котрелева и И. Н. Фридмана; примеч. Н. В. Котрелева // Вячеслав Иванов: Архивные материалы и исследования. М., 1999.
40. Иванов Вяч. Родное и вселенское /Сост., вступ. ст. и прим. В. М. Толмачёва. — М.: Республика, 1994.
41. Исупов К. Г. Философия и литература Серебряного века (сближения и перекрестки) // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов), книга 1. — М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001.
42. Исупов К. Г. Герменевтика Вячеслава Иванова // Символизм и герменевтика. — Siedice, (Opuscula slavica sedlcensia. — 2012. — Т. 1), 2012.
43. Кассирер Э. Миф и религия // Философские науки, 1991. № 7.
44. Косарев А. Ф. Философия мифа. Мифология и ее эвристическая значимость. — М.: Per Se, 2000.
45. Косериу Э. Синхрония, диахрония, история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.
46. Кребель И. А. Мифопоэтика Серебряного века: Опыт топологической рефлексии / И. А. Кребель. — СПб.: Алетей, 2010.
47. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. — М.: Академический проект, 2008.
48. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Избранные статьи в трех томах. — Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: “Александра”, 1992.
49. Лотман Ю. М. (совместно с Вяч. Вс. Ивановым, А. М. Пятигорским, В. Н. Топоровым, Б. А. Успенским) Тезисы к семиотическому изучению культур (в применении к славянским текстам) // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: «Искусство — Спб»., 2001.
50. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: «Искусство — Спб»., 2001
51. Лотман Ю. М. Культура и взрыв // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: «Искусство — Спб»., 2001.
52. Лотман Ю. М. Литературоведение должно быть наукой // Вопросы литературы. 1967. № 1.
53. Лотман Ю. М. Риторика // Избранные статьи в трех томах. — Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: “Александра”, 1992.
54. Лотман Ю. М. Тезисы к семиотике русской культуры (Программа отдела русской культуры Института мировой культуры МГУ // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.
55. Лотман Ю. М. Текст и функция (совместно с А. М. Пятигорским) // Ю. М. Лотман, А. М. Пятигорский // Избранные статьи в трех томах. — Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: “Александра”, 1992.
56. Манн Т. Собрание сочинений, т. 9, М., 1960.
57. Мелетинский Е. М. Миф и сказка //Фольклор и этнография. — М.: Наука, 1970.
58. Михайлов А. В. Вместо введения // Хайдеггер М. Исток художественного творения / Пер. с нем. Михайлова А. В. — М.: Академический Проект, 2008.
59. Мурашов Ю. Дионисийство символизма и структуралистическая теория мифа: Вячеслав Иванов и Юрий Лотман // Russian Croatian and Serbian Czech and Slovak — Polish — Literature. 1998. — Nov 15; — № 44(4).
60. На пороге непредсказуемого. Последнее интервью Ю. М. Лотмана / Взгляды Л. Глушкова // Человек. 1993. № 6.

61. Ницше Ф. Рождение трагедии // Эссе Ното, как становятся самим собой — Харьков: «Фолио», 2010.
62. Платон: Федон, Пир, Федр, Парменид., М.: Мысль, 1999.
63. Почепцов Г. Г. Русская семиотика: Идеи и методы, персоналии, история. М., 2001.
64. Пятигорский А. М. Некоторые общие замечания относительно рассмотрения текста как разновидности сигнала // Структурно-типологические исследования. М., 1962.
65. Руднев В. П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. II. — М.: «Аграф», 2000.
66. Руднев В. Философия языка и семиотика безумия: Избранные работы. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).
67. Сендерович С. Ревизия юнговской теории архетипа // Логос, 1995, № 6.
68. Силард Л. Проблемы герменевтики в славянском литературоведении XX в., *Studia Slavica* 38, 1993.
69. Силард Л. Русская герменевтика XX века // Силард Л. Герметизм и герменевтика, СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002.
70. Тен В. Миф и сказка: генезис и дифференциация [Электронный ресурс] // <http://viktorten.ru/mif-i-skazka-genezis-i-differenciaciya/> (дата обращения: 23.10.2014.).
71. Титаренко С. Д. «Фауст нашего века»: Мифопоэтика Вячеслава Иванова / С. Д. Титаренко: монография. СПб.: ИД «Петрополис», 2012.
72. Флиер А. Я. Культурология для культурологов — М.: Академический Проект, 2000.
73. Хайдеггер М. Исток художественного творения / Пер. с нем. Михайлова А. В. — М.: Академический Проект, 2008.
74. Хайдеггер М. Проселок // Хайдеггер М. Исток художественного творения / Пер. с нем. Михайлова А. В. — М.: Академический Проект, 2008.
75. Хьюбнер К. Истина мифа. — М.: Республика, 1996.
76. Эткин А. Русская культура модерна между Эдипом и Дионисом // Эткин А. Эрос невозможного: Развитие психоанализа в России. М., 1994.
77. Юнг К.-Г. Проблемы души нашего времени. — М.: Прогресс, 1994. — С. 58
78. Юнг К.-Г. Структура души // Предмет и метод психологии. Антология. — М., 2005.
79. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». — М., 1975.
80. Jung C.-G. *Man and His Symbols*, New York: Doubleday, 1964.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Особняк Г. П. Петрова. Интерьер модерна в купеческом вкусе

Долгова Анастасия Игоревна, аспирант

Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина

В те годы, когда был построен особняк, о котором пойдёт речь, модерн входил в архитектурную практику не только через парадную дверь, когда зодчие в большей или меньшей степени пытались следовать принципам нового стиля. В ранний период ему случалось проникать только в интерьеры частных домов, да и то лишь в качестве внешнего атрибута новизны. В таких случаях, игнорируя суть модернистических принципов и приёмов, а также новшества, которые привнёс этот стиль в планировку, мастера использовали отдельные характерные мотивы декора.

Эксплуатация узнаваемых форм стиля в качестве клише сближала создаваемые интерьеры с китчем. «Китч <...> сформировали именно псевдоаристократические эстетические притязания богатой буржуазии XIX века. Тиражирование эстетических эмблем элитарного круга создавало массовую индустрию того, что изначально должно было служить знаком особенности, избранности. <...> В эпоху эстетизма и модерна объектом подражания стали и сама концепция панэстетизма (всё, от предметов обстановки до галстучной булавки и манеры поведения, должно было быть „искусством»), и узнаваемые атрибуты стиля художников-эстетов или мастеров модерна» [1, с. 279], — отмечает Е. С. Вязова. Впрочем, многие современники часто ошибочно относили к китчу вообще все формы модерна, казавшиеся им вычурными и надуманными.

Чаще всего претензии на роскошь и утончённость, свойственные образцам массовой культуры, появлялись там, где главенствовал пресловутый купеческий вкус. Так, присущая китчу вычурность и искусственность проявилась, на наш взгляд, в оформлении интерьеров особняка купцов Петровых.

Особняк Георгия Петровича и Александры Васильевны Петровых (Рузовская ул., д. 21), построенный в 1899–1900 годах архитектором Василием Ивановичем Баранкеевым [4], снаружи выглядит не слишком приме-

чательно: это четырёхэтажное здание, главный фасад которого прост и практически лишён каких-либо украшений. Исключение составляют ажурные балконные решётки и сандрики над окнами, выделяющие второй этаж, в котором и располагались парадные помещения.

Описывая дом, мы опираемся на собственное натурное обследование. Не удалось найти фотографий или архивных записей, современных отделке интерьеров¹, отчего невозможно с полной уверенностью утверждать, что все сохранившиеся элементы относятся именно ко времени строительства и первоначальной отделки особняка. Однако после Петровых здание занимали различные учреждения, которые трудно заподозрить в заказе сохранившегося художественного оформления.

Росписи были использованы как основное средство декорирования интерьеров. Сюжетными, пейзажными и орнаментальными живописными панно и отдельными композициями были оформлены стены и плафоны комнат. Живописными средствами также имитировались различные отделочные материалы.

Тамбур украшен панно с изображением цветов и купидонов, заключёнными в рамки-картуши сложной формы, раскрашенные, как и нижняя часть стен, под разные сорта мрамора. Переход от стен к потолку оформлен двумя гирляндами из листьев с фруктами и из кувшинок. Плафон также украшала живописная композиция с изображением цветов.

Два самых больших по площади панно, с изображением купидонов, расположены друг против друга. На одном представлены три ангелочка, пускающие мыльные пузыри, на другом — два: один купидон спит, а другой, сидя с первым рядом, протягивает к нему руку с зажатым в ней прутиком.

В вестибюле, у подножия лестницы, сохранилась белая изразцовая печь с рельефным декором в духе неоренессанса. Это образец массовой художественной про-

¹ Хранящиеся в ЦГАКФФД СПб. фотографии К. В. Овчинникова [3] датированы 1979 годом.

Рис. 1. Вестибюль. Панно с купидонами, пускающими мыльные пузыри. Фотография автора. 2014 г.

мышленности — финская печь, изготовленная на заводе Вильгельма Андстена (Wilhelm Andstén) в Хельсинки [2]. С остальным убранством дома её сближают тонкие орнаментальные пояски в духе модерна с изображением цветов.

Оформление парадной лестницы развивает темы, «заявленные» в тамбуре. Росписи лестницы тоже не составляют единой композиции, а размещены в виде отдельных панно в собственных рамках. Все свободные от панно поверхности раскрашены под различные сорта мрамора.

В декоре лестницы главенствуют цветы. Кованые перила украшены стилизованными стеблями, приближенными по форме к завитку, с цветками в центре. Букет из трав и цветов в вазе классической формы, выполненный в технике травления по стеклу, представлен на двери, ведущей к комнатам второго этажа. Стены украшены небольшими панно с изображением отдельных цветочных композиций и более крупными — с пейзажными росписями. Для раннего модерна характерно появление изображения озера, на поверхности которого плавают кувшинки. На передний план помещены разноцветные ирисы — излюбленные растения модерна. Плафон оформлен так же, как и в тамбуре, но, соответственно, в несколько увеличенном масштабе.

Живописные композиции тамбура и лестницы выполнены в реалистической манере. Лишь некоторые из них отличаются более обобщённым и условным характером, особенно выразительно проявившимся в орнаментальных поясах с растительными мотивами. В росписях дома Петрова запечатлелся переход от натуралистической манеры к стилизаторской.

Сохранились некоторые детали убранства комнат второго этажа.

Один из самых просторных залов был украшен сюжетными композициями, не образующими единого по содержанию цикла²: прогуливающиеся под руку по городской улице девушки, одна из которых оборачивается на молодого человека, облокотившегося на подоконник; тет-а-тет на парковой террасе у пруда: барышня с рукодельем и кавалер в треуголке; многофигурная сцена в саду у дома, где на переднем плане девушка сматывает в клубок пряжу, которую, как на распялках, удерживает на руках юноша; дети в лесу; чаепитие в саду: четыре девицы, одна из которых читает что-то из карманной книжки.

Программа росписей, составленная, вероятно, заказчиками, была понятна посвящённым, но нам объяснить соседство этих сцен не представляется возможным. Наиболее трудно для трактовки предпоследнее панно, на котором изображены дети, вероятно брат с сестрой, — причём девочка кажется напуганной. Обращает на себя внимание и одежда детей, подчеркнута простая в отличие от костюмов дам и кавалеров, представленных на других панно. В целом ансамбль панно производит впечатление иллюстраций к переложениям галантной или к произведениям лубочной литературы, которые были популярны у читателей с нетребовательным вкусом вплоть до конца 10-х годов XX века. Установление авторства росписей и источников их сюжетов может стать предметом специального исследования.

Все панно, кроме расположенной в простенке между окнами сцены с детьми, заключены в рамки сложной

2 Композиции перечислены в порядке их расположения в комнате по часовой стрелке. За «точку отсчёта» принята дверь, ведущая к парадной лестнице.

Рис. 2. Оформление одной из дверей зала. Фотография автора. 2014 г.

Рис. 3. Оформление плафона в музыкальном зале. Фотография автора. 2014 г.

формы, написанные так, чтобы создать иллюзорное ощущение их объёмности. Они как бы сделаны из толстого голубоватого с серебристым отливом каната, состоящего из отдельных чешуек или листьев и дополнительно перевитого золотистыми листьями. Такие же *канаты*, но уже в технике раскрашенной лепнины, украшают плафон. Также в живописном виде на стенах и в лепном — на плафоне представлены вставки в той же цветовой гамме в виде небольших орнаментальных фризов со стилизованными цветами-розетками.

Углы плафона оформлены сложной декоративной лепниной в духе неорококо, в центр которой заключены корзины с цветами, и живописными цветочными композициями — разными с каждой стороны. Переход от стен к потолку оформлен лепными фризами. С живописными композициями перекликаются украшающие двери вставки с реалистичным изображением цветов: на каждой из трёх ведущих из комнаты дверей разные цветы, в том числе розы и ирисы.

Однозначно охарактеризовать стиль этого помещения затруднительно. Однако в его эклектичном оформлении есть очевидно современные элементы. Это украсившие двери цветочные панно, которые объединяют интерьер зала с оформлением парадной лестницы. К сожалению, судить о предметном наполнении помещения не представляется возможным. Между тем, именно мебель могла бы развить идеи нового стиля в обстановке этого помещения.

Литература:

1. Вязова, Е. С. «Гипноз англomании»: Англия и «английское» в русской культуре рубежа XIX—XX веков. М.: Новое литературное обозрение, 2009. с. 279.
2. Роденков, А. И. Печи в особняке купца Г. П. Петрова с Санкт-Петербурге // Печи и камины. 2011. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://terijoki.spb.ru/pechi/trk_pechi.php?item=215.
3. ЦГАКФФД СПб. Ар 217893—217907.
4. ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 5224.

Соседний музыкальный зал, украшенный пышной лепниной с цветочными гирляндами и музыкальными инструментами, с плафоном, который расписан изображениями ангелочков-путти, более однозначен в стилевом отношении: в его оформлении очевидны черты необарокко.

Из сохранившихся комнат наиболее близок к модерну был, вероятно, интерьер небольшого помещения, от которого до нас дошёл лишь деревянный плафон, декорированный резьбой, накладными балками сложной формы, гирляндой из стилизованных растительных побегов, а также цветочными росписями по углам.

Ещё одна небольшая комната во втором этаже поражает буквальным повторением одних и тех же мотивов (цветов и меандра) в отделке стен, потолка и пола. Возможно, в этом стоит упрекать не только авторов первоначального проекта отделки, но и реставраторов, поскольку именно в этой комнате находится печь, являющаяся реставрационным гибридом двух совершенно разных моделей [2].

В целом интерьер особняка Петровых производит впечатление невыдержанности стиля. Банальность мотивов, перенасыщенность декоративными элементами свидетельствуют о безвкусице и китче.

Однако как собственно здание, так и его внутреннее убранство, бесспорно, заслуживают внимания исследователей, ибо время становления стиля, претендующего подняться на новую эстетическую ступень по сравнению с историческими предшественниками, и не могло дать безупречных образцов модерна.

ФИЛОЛОГИЯ

Из истории периодики на русском языке в Азербайджане

Агаева Нигяр Икрам кызы, научный сотрудник, диссертант
Бакинский государственный университет (Азербайджан)

Статья посвящена исследованию процесса зарождения печатного дела в Азербайджане. Автор анализирует первые печатные органы на русском языке и общественную среду, в которой создавались эти печатные органы.

Ключевые слова: печать, периодика, русский язык, газета.

В Азербайджане, как и во всем Закавказье, интерес к печатному делу начал проявляться после вхождения его в состав России. В 1905—1917 гг. в Закавказье издавалась обширная пресса. Только в Тифлисе, по самым скромным подсчетам, выходило более двухсот газет и журналов на русском языке. В начале прошлого столетия в Тифлисе на русском и национальном языках стали выходить первые печатные органы «Тифлиссские ведомости», «Закавказский вестник». После прекращения издания первой русскоязычной газеты на Кавказе «Тифлиссские ведомости» в 1833 году, по инициативе Наместника на Кавказе, генерал-лейтенанта Нейдгардта с 1836 года стал издаваться «Закавказский вестник». Эти периодические издания являлись официальными органами, предназначенными распространять в крае полезные сведения и которые подготовили почву для создания впоследствии таких крупных газет, как «Кавказ», «Обзор», «Новое обозрение», «Тифлиссский листок», «Закавказье», «Закавказское обозрение», «Закавказская речь», «Закавказский рабочий листок», журналы и сборники — «Огни», «Весь Кавказ» и другие, а также «Сборники материалов для описания местностей и племен Кавказа». Первой частной газетой в регионе стала созданная в 1846 году газета «Кавказ», призванная распространять не только полезные сведения и современные известия, а также предназначенная «для ознакомления России с кавказским краем» [1,25].

В Тифлисе наряду с газетой «Кавказ» издавалось еще несколько газет на русском языке. Так, в 1878 году вышла в свет ежедневная литературно-политическая газета «Обзор» под редакцией Н. Николадзе. Газета «Новое обозрение» — ежедневная литературно-политическая газета, основанная в Тифлисе в 1884 году А. В. Степановым. «Новое обозрение» по мнению его исследователей, «за все время своего существования преимущественно занималась деятельностью местных общественных учреж-

дений — дворянских, городских, банковских и прочих, разрабатывая вопросы местного самоуправления» [3,12].

Самый бурный период развития печати относится к началу XX века. В это время бакинские большевики и демократически настроенная интеллигенция, используя создавшуюся обстановку, вызванную революционным подъемом, расширяли печатное дело и издавали ряд боевых органов на разных языках. Но в годы реакции, наступившей вскоре после поражения первой русской революции, когда обещанная царизмом свобода обернулась виселицами, существование легальной большевистской и другой какой-либо прогрессивной печати стало невозможным. Этим воспользовались буржуазия и все контрреволюционные элементы. Появились разные буржуазные органы печати: в Баку — «Бакинские известия», «Баку», «Бакинская неделя», «Сегодня», «Заря», «Кавказский телеграф», «Кавказская копейка» и многие другие, в Елисаветполе — «Елисаветпольские отголоски», «Елисаветпольский листок», «Южный Кавказ», в Шуше — «Шушинская жизнь», в Ленкорани — «Рыбное дело». Хотя некоторые из них и сочувствовали демократическим тенденциям («Сегодня», «Кавказское слово», и др.), но многие газеты были оторваны от важнейших вопросов времени.

Первая газета на русском языке в Азербайджане увидела свет в 1871 году. «Бакинский листок» была создана директором Бакинского реального училища Христианом Цинком и просуществовала около двух лет. В издании газеты принимал активное участие Гасанбек Зардаби, основатель азербайджанской национальной печати. Если первая национальная газета «Экинчи» была призвана нести печатное слово в массы, научить их читать газету, следить за новостями общественной жизни, то созданная в 1876 году газета «Бакинские известия» была детищем нефтяного бума, разыгравшегося в Баку в 70-е

годы XIX века. Инициатором создания ее был генерал-губернатор Д. С. Старосельский, отличавшийся «гуманностью и сочувствием гражданскому развитию края» [2,56].

Между тем, целая плеяда блестящих публицистов и литераторов-азербайджанцев, получив образование в России, посредством русского языка пропагандировала родную литературу и образцы фольклора, укрепляя литературные и культурные связи. По понятным причинам, демократические силы далеко не всегда имели возможность на страницах буржуазной печати вести политическую борьбу. Большею частью они занимались вопросами культуры, искусства, полемизировали с буржуазными критиками, разоблачая их вредные взгляды, переводили и пропагандировали передовые образцы реалистической литературы.

Такие, ныне забытые деятели азербайджанской культуры, как Гусейн Минасазов (1880–1932), Рагимбек Меликов (1886–1936), Асадуллабек Шахтахинский (1887–1939), Гамзатбек Кабулов-Ширванский (1884–1912) и некоторые другие авторы, которые, не будучи писателями-профессионалами, с гордостью распространяли устное творчество азербайджанского народа, лучшие образцы его поэзии, драматургии и прозы.

Критикуя пресмыкательство буржуазной прессы, Г. Минасазов говорил: «... есть еще одна черта в характере... прессы — ухаживание. Ухаживают за капиталистами, чтобы давали деньги, ухаживают за читателями, чтобы покупали газеты, ухаживают за массой ради популярности, ухаживают за рабочими, чтобы вид был прогрессивный, ухаживают за некоторыми дружбы ради, ухаживают за власть имущими ради подачек. И становятся противными».

Понятно, что подобное направление буржуазной печати волновало прогрессивно настроенную интеллигенцию. Она старалась создать свои органы печати, с помощью которых могла бы пропагандировать передовые идеи. Интеллигенция Азербайджана часто писала и говорила о важности и значении печатного органа на русском языке. Такой орган, по их мнению, немало способствовал бы пробуждению общественного мнения, сближению азербайджанского и русского народов.

До сих пор, касаясь вопроса пропаганды азербайджанской литературы через русскую печать, преимущественно связывали это с именем великого азербайджанского мыслителя, основоположника национальной реалистической литературы М. Ф. Ахундова, незаслуженно забывая о других авторах, немало потрудившихся в этом направлении. Невозможно не согласиться с мнением исследователя азербайджанской истории Т. Святоховского, считающего редкой удачей для азербайджанского народа в этот период вхождение «в ряды интеллигенции в самом начале ее формирования» Мирзы Фатали Ахундова, человека «блистательного и редкого ума», ставшего путеводителем интеллигенции Азербайджана в будущем [4].

В общем русле пропаганды азербайджанской литературы через русскую периодическую печать прослеживается, по мнению Ш. Д. Курбанова, три наиболее важных

аспекта: публикация образцов устного народного творчества, знакомство с русскими переводами из азербайджанской литературы, критика произведений азербайджанских писателей и поэтов. Каждая из этих трех аспектов, образующих в совокупности тесное единство, нуждается в самостоятельном изучении.

Колонизаторская политика царского правительства, отрицательные стороны которой проявлялись особенно на национальных окраинах, препятствовала успешному осуществлению этих стремлений. Так, например, неудачно закончились попытки одного из прогрессивных интеллигентов Мамедсадыка Ахундова, который в 1909 году подал заявление об издании на русском языке журнала «Прикаспийская жизнь». Не разрешали так же врачу Гасанбеку Агаеву издавать газету «Новое веяние» (1907). Самед-беку Абилову — «Елисаветпольское слово» (1907). Самед-беку Абилову — «Елисаветпольское слово» (1911). Недолго просуществовали газеты А. Агаева «Южный Кавказ» (1911–1912), организация и издание которых, были сопряжены с большими трудностями.

Еженедельный журнал «Огни» (1907), издаваемый в Тифлисе известным журналистом Г. Минасазовым, постигла та же участь. Этот журнал, выдержав всего лишь 6 номеров, закрылся навсегда.

В те годы в Баку выходили две крупные газеты: «Каспий» и «Баку». Хотя эти газеты все время и находились в оппозиции по отношению друг к другу, но, как буржуазные органы, спланивались, когда дело касалось защиты интересов господствующих классов. Архивные данные, собранные С. Мовлаевой свидетельствуют о том, что «идея создания «Каспия» принадлежала редактору местной официальной газеты «Бакинские известия», коллежскому регистратору Виктору Васильевичу Кузьмину» [5]. Вплоть до 1898 года газета была типичной представительницей традиционной российской печати, в которой благодаря новым веяниям «в цензуре стала укрепляться серьезная политическая пресса» [5]. На страницах «Каспия» и «Баку» часто выступали демократические публицисты, иногда и большевики (С. Шаумян, Т. Шахбази и др.), которые умело проводили в своих статьях революционные идеи. Так, например, в 1905 году, когда черные силы реакции начали кампанию по разжиганию национальной вражды между азербайджанским и армянским народами, демократические деятели на страницах и буржуазной прессы, которая занимала национально-шовинистическую позицию, призывали народ не поддаваться провокациям духовенства и капиталистов. В этом деле важную роль сыграло известное письмо Максима Горького, написанное им по просьбе бакинских демократических кругов. Это письмо имело огромное революционное влияние на общественное мнение и на деятельность местных прогрессивных публицистов.

В существующих условиях для многих прогрессивных деятелей, для которых печатное слово было орудием пропаганды передовых идей, использовали малейшую возможность для превращения страниц буржуазных газет в свою трибуну.

Литература:

1. Исторический обзор деятельности Министерства Народного просвещения. 1802–1902. Издание Министерства Народного просвещения. СПб., 1902.
2. Ибрагимбейли, Х.М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX в. (из военно-политической истории). М., 1969.
3. «Периодическая печать на Кавказе». Тифлис. Электротпечатня Грузинского Издательского Товарищества, 1901
4. Святоховский, Т. «Русский Азербайджан (1905–1920) Формирование национального самосознания в мусульманском обществе. Появление интеллигенции». Журнал «Хазар». Баку. 1990, № 1
5. ЦГИА Груз.ССР, ф.480, доп.оп.1, д. 94, л. 8. См: Мовлаева, с.10.

Основные критерии выделения совокупности терминов международной безопасности в современном русском, английском и французском языках

Борисова Марина Константиновна, аспирант
Пятигорский государственный лингвистический университет (Ставропольский край)

В статье рассматриваются критерии выделения терминов международной безопасности.

Ключевые слова: *терминосистема, термин, безопасность, международная безопасность, международные отношения, критерии.*

В настоящей статье мы обратимся к анализу возможных критериев выделения терминосистемы международной безопасности в русском, английском и французском языках, поскольку данная терминосистема на сегодняшний момент еще не получила системного лингвистического изучения. Вместе с тем, проблематика международной безопасности в современном мире крайне актуальна, и изучение соответствующей терминосистемы в различных языках может существенно повысить эффективность информационного обмена между разными государствами по данной проблеме. Прежде всего, обратимся к анализу референтной области исследуемой терминосистемы, т.е. к самому понятию «безопасность».

В Законе Российской Федерации «О безопасности» 1992 года понятие «безопасность» определено как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [25, <http://www.scrf.gov.ru/documents/20.htm>]. Однако ученые отмечают, что определение безопасности через угрозы интересам существенно снижает «социологичность» ключевой категории: жизненно важные интересы вторичны — первичны потребности, которые очень подвижны. Исследователи включили в методологический каркас формирующейся теории социологии безопасности в качестве смыслового ядра «дуальную оппозицию» безопасность — небезопасность [6, с.32].

Филонов Г.А. полагает принципиально важным на первое место поставить наличие конкретных опасностей, угроз, рисков и вызовов для целей, идеалов и ценностей человека, его интересов [18, с.54].

Во многих традиционных обществоведческих парадигмах безопасность определяется в сугубо негативном плане — как отсутствие опасностей или способность фактора эффективно встретить и предотвратить потенциальные угрозы. Безопасность — это одновременно и границы допустимого, и возможность вернуть систему в состояние стабильного, устойчивого развития [10, с.21].

Другая группа ученых (прежде всего, это представители скандинавской школы мирных исследований) настаивает на том, что безопасность нужно определять как общественный порядок, который обеспечивает не только защищенность социума, но и условия, благоприятствующие наиболее полному раскрытию творческих способностей индивида, социальных групп, этносов конфессий и др. [17, с.6].

Однако отечественные исследователи отмечают, что подобные трактовки безопасности пока составляют очевидное меньшинство. Господство традиционных версий препятствует укоренению этих взглядов и продлевает жизнь устаревшим (т.е. негативным) определениям понятия «безопасность» [15, с.128].

Представляется актуальным обращение и к безопасности в контексте человеческого развития. Проблемы непосредственно человека при этом рассматриваются в рамках социальной безопасности [4, с.135].

Таким образом, анализ показывает, что «безопасность» является многозначным понятием, означающим защищенность и низкий уровень риска для отдельного человека, общества или других субъектов, объектов, социальных и/или политических отношений.

Большая часть авторов под безопасностью понимают состояние объекта опасности, так как в последнее время широкое распространение получило следующее определение социальной безопасности: «защищенность социальных интересов личности, общества, государства от опасностей и угроз» [19, с.59].

Безопасность выступает и как характеристика процессов глобализации, демократизации, национализации, интеграции и многих других. Подобный дуализм и приводит к появлению дилемм, связанных с данным понятием.

Возникновение рассматриваемого феномена связывают именно с фактом возникновения и осмысления опасностей, угроз, рисков и вызовов для жизни человека, функционирования семьи, общества, государства, самой цивилизации. На основании этого в российской и зарубежной научной литературе приводятся следующие дефиниции термина «безопасность».

В. Н. Кузнецов под безопасностью понимает «совокупность актуальных факторов, обеспечивающих благоприятные условия для развития России, жизнеспособности государства и достижения национальной цели, социального идеала — благополучия всех граждан и семей; целесообразного развития и сохранения фундаментальных ценностей и традиций народов Российской Федерации; нормальных отношений личности и государства; способности эффективно преодолевать любые внешние угрозы; руководствоваться своими национальными интересами» [7, с.4].

В. Н. Кузнецов рассматривает термин «безопасность» с социальной точки зрения, что не совсем отвечает задачам, поставленным в нашем исследовании, в связи с чем представляется логичным обратиться к словарям для того, чтобы шире раскрыть содержание данного понятия.

Французский энциклопедический словарь Larousse дает следующее определение термину безопасность: «Ситуация, в которой кто-то или что-то не подвергается никакой опасности, никакому риску, в частности, физическому насилию, несчастным случаям, краже, порче (*перевод наш — М.Б.*) [22, <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/>]. Такая дефиниция только объясняет, но не раскрывает понятие «безопасность» в полной мере. В связи с этим мы обратились к специальным словарям и обнаружили следующие дефиниции, дающие более развернутое определение интересующего нас термина.

В словаре терминов МЧС «безопасность» определяется как «состояние защищенности личности, общества, государства и среды жизнедеятельности от внутренних и внешних угроз или опасностей. Безопасность является важнейшим условием существования человека наряду с его потребностью в пище, воде, одежде, жилище, информации. Безопасность выступает интегральной формой выражения жизнеспособности и жизнестойкости различных объектов биосферы и ноосферы в духовной и культурной сферах, во внутренней и внешней политике, в обороне, экономике, экологии, социальной политике, физиче-

ском и моральном здоровье, в информатике, технологии. При этом учитывается наличие одновременно нескольких источников опасности и их потенциальных жертв. Интегральным показателем и критерием безопасности является риск. Конечной целью обеспечения безопасности является нейтрализация или исключение различных опасностей угроз и рисков» [23, www.dic.academic.ru]. На наш взгляд, такое определение термина «безопасность» является значительно более полным, чем приводимые до этого дефиниции.

В юридическом словаре под редакцией Л. В. Тихомировой и М. Ю. Тихомирова безопасность определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз политического, экономического, социального, военного, техногенного, экологического, информационного и иного характера, предполагающие установление политической, экономической и социальной стабильности в государстве, безусловное исполнение законов и поддержание правопорядка, развитие международного сотрудничества на основе партнерства [16, с.47].

Мы считаем, что данное определение термина «безопасность» является наиболее удачным и полным, потому как наше исследование будет основываться именно на исследовании терминологии международной безопасности, включающей информационную, экономическую, радиационную, энергетическую и др.

Зарубежные ученые уделяют пристальное внимание «безопасности» в своих работах, так например, старший советник генерального директора ЮНЕСКО Муфида Гуша (Moufida Goucha) отмечает, что «... сегодня безопасность, согласно своим военным аспектам, по-прежнему сохраняет все свои полномочия, субъекты международного права признают, что в новом международном контексте, многие не военные, не вооруженные аспекты подорывают мир, безопасность государств и международную безопасность. (*Перевод наш — М.Б.*) [20, р.21].

Дженнифер Джексон Прис (Jennifer Jackson-Preese) дает такое определение безопасности: «Безопасность является ключевой ценностью человеческих отношений. Необходимость безопасности возникает в связи с тем, что люди хотят жить вместе, и, таким образом, являются уязвимыми друг для друга. Безопасность делает возможным то, что иначе, наверное, не могло быть достигнуто. Конечно, в обществе, никто не может быть в абсолютной безопасности. Именно поэтому нам нужна политика безопасности. Такая политика, как правило, предполагает создание и поддержание полицейской и военной силы, которые подготовлены и оснащены, чтобы осуществлять необходимую работу на благо общества. (*Перевод наш — М.Б.*) [21, р.14].

Подводя итог, следует сказать, что термин «безопасность» российскими и зарубежными авторами рассматривался с различных точек зрения. Мы возьмем за основу определение, приведенное в юридическом словаре под редакцией Л. В. Тихомировой и М. Ю. Тихомирова. Как нам

представляется, оно полностью отражает всю суть термина «безопасность».

Далее перейдем к рассмотрению понятия «международная безопасность», напрямую коррелирующего с анализируемой нами терминосистемой. На сегодняшний день проблема международной безопасности становится все более и более актуальной. Это связано с тем, что с одной стороны, происходит гуманизация современного мира, а с другой — сохраняется реальная возможность уничтожения цивилизации в результате военных действий в глобальном масштабе. Потребность в международной безопасности постепенно приобретает всеобъемлющий характер. Стоит подчеркнуть, что международная безопасность поддерживается на многих уровнях: национальном, государственном, региональном и глобальном и для ее достижения используются самые различные системы воздействия — военные, политические, экономические, гуманитарные и т.д. Заметим, что при регулировании отношений мировое сообщество обращает внимание не только на государства, но и на отдельных индивидов. Современный мир все больше объединяется в единую систему.

Идея международной безопасности, ее практическая реализация обусловлены историческими условиями, экономическими, политическими, социальными и другими факторами. Возникнув с образованием такого института, как государство, проблема международной безопасности исторически всегда была органически связана с решением вопросов войны и мира. Многочисленные войны вынуждали государства заботиться о своей безопасности, выступавшей в качестве их способности различными средствами (самостоятельно либо в составе коалиции государств) обеспечить защиту от внешней угрозы своему существованию и развитию [5, с.15].

В каждую эпоху международная безопасность зависит от господствующего способа производства, характера и тенденций развития международных отношений и связей. На ее обеспечение оказывают прямое и опосредованное влияние уровень развития цивилизации, материальной и духовной культуры: состояние производства, военного дела, науки и техники, международной торговли, информации, связи и транспорта; развитие процессов интернационализации хозяйства и общественной жизни, географической среды; характер глобальных проблем и др.

Эти факторы придают конкретно-историческое своеобразие содержанию международной безопасности, ее видам, формам, путям формирования, способам осуществления, международно-правовым и другим механизмам реализации, эффективности используемых гарантий и пр. Вместе с тем они не являются фатально предопределенными. Большую роль играет сознательная деятельность людей, классов, партий, общественных движений и международных организаций [5, с.16.].

В словаре по политологии В.Н. Коновалова дается следующее определение международной безопасности: «состояние геополитического пространства, при котором

соблюдаются международные законы, гарантирующие политическим субъектам их законную суверенность. Международная безопасность становится возможной при возникновении единого глобального политического пространства. В настоящее время эти процессы концентрируются в ООН. Ее Совет Безопасности получил от этого международного сообщества санкцию воздействовать различными методами на агрессора. Кроме ООН безопасность контролируется частичными международными организациями, носящими «блочный» характер. Например, наиболее влиятельной организацией в настоящее время является НАТО (Северо-Атлантический блок). Этот, по своему уставу оборонительный военно-политический союз, защищающий международное право и либеральные ценности в международной политической организации. В настоящее время его официальная политическая ориентация — нейтрализация возможной агрессии России. Вокруг политики этого блока сконцентрировалось множество конфликтогенных проблем геополитического пространства [24, с.25].

Под международной безопасностью в теории международных отношений понимается состояние международных отношений, обеспечивающих стабильность мирового сообщества. Другими словами, международная безопасность — это состояние международных отношений, при котором их субъектам не угрожает опасность войны либо другое посягательство извне на суверенное существование и независимое развитие. В соответствии с Уставом ООН, в настоящее время главная ответственность за поддержание международного мира возложена на Совет Безопасности. Именно ему принадлежит исключительное право применять санкции против агрессора [11, с.27].

В прошлом традиционными средствами обеспечения международной безопасности считались объединение государств в двусторонние и многосторонние военно-политические союзы, пакты, блоки, группировки и пр.; создание крупных оборонительных систем (линий) и сооружений; обладание государствами максимально возможным количеством современного оружия и военной техники, оснащение ими вооруженных сил, способных решить поставленные перед ними военно-политические и стратегические задачи. Соответственно этому разрабатывались концепции международной безопасности, военные доктрины, на основе которых разрабатывалась подготовка государств, их армий и флотов к действиям в условиях войны. Такая историческая практика, сложившаяся в обстановке военного соперничества и непрекращающихся войн между государствами, оказалась неспособной обеспечить надежную международную безопасность.

До середины XX в. в международных отношениях отсутствовали универсальные международные организации и устойчивые региональные соглашения и институты, целью которых было бы обеспечение безопасности. Военные и военно-политические союзы государств служили не столько средством региональной и национальной без-

опасности входивших в эти союзы стран, сколько орудием подготовки новых войн и наиболее выгодного использования их результатов. В новейшее время глубокие антагонистические противоречия между враждующими военно-политическими группировками государств породили многочисленные вооруженные конфликты, интервенции, колониальные войны и привели к двум мировым войнам. Созданная в 1919 г. Лига Наций не смогла обеспечить, согласно ее Уставу, международного «мира и безопасности».

В настоящее время, как представляется современным политологам и политикам, сложилась новая расстановка политических и социальных сил в мире, обуславливающая необходимость и возможность обеспечения международной безопасности в интересах всего человечества [5, с.18].

Как уже отмечалось, система международной безопасности включает в себя военную, политическую, экономическую, гуманитарную и экологическую сферы. Каждая из этих сфер относительно самостоятельна, имеет свои особенности и проблемы, от решения которых зависит степень прочности международной безопасности. Соответственно, можно говорить и о существовании различных терминологических подсистем в рамках анализируемой нами терминосистемы [ср. 3; 12; 13; 14].

К средствам обеспечения международной безопасности относятся: сотрудничество государств в области прекращения гонки вооружений, ограничения вооружений, частичного и полного разоружения, в первую очередь ядерного; предотвращение и ликвидация очагов войны, вооруженных конфликтов; снижение между-

народной напряженности; отказ от курса на достижение военного превосходства, последовательное снижение уровня военного противостояния, сокращение вооруженных сил до размеров разумной достаточности, целей обороны; искоренение неокOLONиализма, государственного терроризма, расизма; совместное решение в интересах народов назревших общечеловеческих, глобальных проблем; превращение согласованных коллективных принципов международной безопасности в конкретные договорные обязательства государств и создание надежной системы контроля с помощью национальных и международных средств за их строгим выполнением [11, с.30]. (*Государства-участники, военные учения, обмен наблюдателями, меры по укреплению доверия, поддержания международного мира и безопасности, угрозы силой или ее применения, территориальная неприкосновенность или политическая независимость*)

Исходя из вышесказанного, международную безопасность следует рассматривать с разных точек зрения: политических, информационных, экономических и др. Соответственно, при таком подходе рассматриваемая нами терминологическая система также не будет монолитной, как и само понятие международной безопасности. Анализ теоретических трактовок понятия «международная безопасность», а также различного рода глоссариев, в которых собраны термины, относящиеся к данной сфере, позволяет построить следующую тематическую классификацию соответствующей терминосистемы. В данной классификации, полагаем, отражено *тематическое*

Рис. 1. Схема терминосистемы международной безопасности

своеобразие нашей лексической подсистемы, и такое своеобразие следует, как представляется, трактовать как первый критерий вычленения терминосистемы международной безопасности.

Следующий критерием, на основе которого можно проводить отграничение рассматриваемой терминосистемы от смежных лексических подсистем, является критерий **структурного своеобразия терминологических единиц**. Нами был проанализирован корпус терминов сферы международной безопасности в количестве 150 единиц. Следует отметить, что в трех анализируемых языках отмечается явное преобладание многокомпонентных лексических единиц.

Так, в английском языке на долю однокомпонентных (простых) терминов приходится всего 5 единиц (*agenda, briefer, communiqué, credentials* и др.), на долю двухкомпонентных лексических единиц — 12 (*expert groups, informal dialogues, monthly assessment* и др.), трехкомпонентных — 8 (*distribution of documents, group of friends, military staff committee* и др.). Нами было насчитано пятикомпонентных терминов — 8 (*journal of the United Nations, missions of the security council* и др.), шестикомпонентных — 4 (*member States of the United Nations, permanent observers to the United Nations, principal organs of the United Nations*) и даже 1 тринадцатикомпонентный (*informal Working Group of the Security Council on Documentation and Other Procedural Questions* («IWG») — *Неофициальная рабочая группа Совета безопасности по документации и другим процедурным вопросам*).

Во французском языке мы отмечаем такую же ситуацию, как и в английском: большое количество многокомпонентных терминов. Только 4 термина мы относим к однокомпонентным (*communiqué, exposant, mandat, pouvoirs*), к трехкомпонентным — 11 терминов (*acteurs non étatiques, comité des sanctions, conseil de sécurité, distribution des documents* и др.), и один термин состоит из пятнадцати компонентов (*exposé succinct du Secrétaire général sur les questions dont le Conseil de sécurité est*

saisi — краткое сообщение о вопросах, которые находятся на рассмотрении Совета Безопасности).

В русском языке мы отметили явное преобладание двухкомпонентных терминов — 15 (*вспомогательный орган, ежемесячная оценка, записка председателя*), в то время как количество однокомпонентных единиц составило всего 3 термина (*коммюнике, мандат, полномочия* и др.), один термин состоит из 10 компонентов, в то время как во французском языке он состоит из 11 (*краткое сообщение о вопросах, которые находятся на рассмотрении Совета Безопасности*).

Определенные различия в дистрибуции терминов по числу компонентов связаны с тем, что во французском языке для образования принадлежности (в русском языке — родительный падеж), требуется предлог *de*, в английском языке в этой роли выступает предлог *of* (*conseil de sécurité, groupe d'amis, groupe d'experts, distribution of documents, president of the Security Council*). На наш взгляд, это и является причиной превалирования трехкомпонентных терминов в английском и французском языках, в то время как в русском языке на первом месте по количеству находятся двухкомпонентные единицы, образованные при помощи падежных окончаний. Следует сказать, что отличительной чертой этих двух языков от русского является наличие артикля определенного или неопределенного, а во французском языке еще и слитного артикля (*president of the Security Council, président du Conseil de sécurité*).

На рис.2, приводимом ниже, отражено сравнительное распределение терминов сферы международной безопасности по компонентному составу. Мы считаем, что приводимое распределение иллюстрирует общую для всех трех языков тенденцию к превалированию двух-, трех- и пятикомпонентных терминов в рамках анализируемой терминосистемы.

Следующим критерием дифференциации для нашей терминосистемы может служить критерий возраста [см. 2; 8; 9]. На наш взгляд, терминология сферы международной безопасности является молодой и малоизученной.

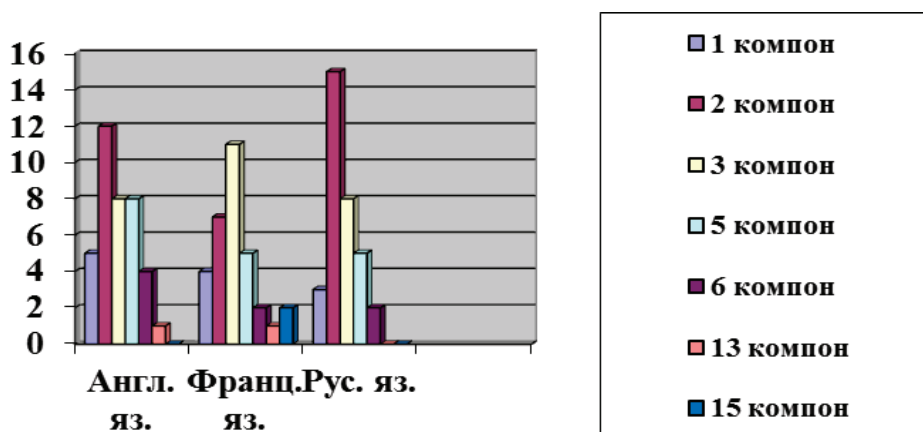

Рис. 2. Сравнительное распределение терминов по количеству компонентов

О молодости данной терминологии свидетельствуют два факта: прежде всего, это бурный рост данной лексической подсистемы, вследствие которого образуется значительное число новых единиц, большинство из которых являются многокомпонентными. Второй факт, который также, по нашему мнению, говорит о молодости терминологии международной безопасности, является отсутствие авторитетных лексикографических источников, в которых были бы систематизированы соответствующие терминологические единицы.

Говоря о способах образования терминов в исследуемой терминологии, следует сказать, что в терминологии здесь преобладает синтаксический способ, то есть образование терминов-словосочетаний, например, в английском языке: *informal dialogues, monthly assessment, non-members*, во французском языке: *langues officielles, liste des orateurs, non-membres*, в русском языке: *открытое заседание, официальные языки, повестка дня* [ср. 1]. Еще одним из способов образования является достаточно активное заимствование терминов, темпы ко-

торого можно объяснить спецификой процессов достижения международной безопасности, в рамках которых необходимо принятие большого количества международных, интернациональных, документов. Так, например, французский термин «*communiqué*» был заимствован в русский и английский языки, и если в английский язык термин перешел без изменений, то в русском языке термин записан русскими буквами с сохранением исходного варианта произношения: «*коммюнике*». Термин «мандат» во всех трех языках не изменился. Термин «*resolution*» латинского происхождения присутствует во всех трех языках, с оговоркой на произношение, так в английском языке он произносится [ˌrez (ə) 'luːʃ (ə) n], во французском языке *résolution* [rezɔlysjɔ̃].

Таким образом, можно констатировать, что терминосистема сферы международных отношений в рассматриваемых языках имеет определенные характеристики, которые позволяют отграничить ее от смежных лексических подсистем и говорить о том, что перед нами отдельная лексическая подсистема.

Литература:

1. Алимуратов, О.А., Горбунова, Н.Н. Основные синтаксические словообразовательные модели, реализуемые в англоязычной терминологии менеджмента [Текст] / О.А. Алимуратов, Н.Н. Горбунова // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. — 2014. — Т. 5. — № 2. — с. 95–101.
2. Алимуратов, О.А., Лату, М.Н. Динамические процессы в терминологических системах (на материале современных англоязычных терминосистем) [Текст] / О.А. Алимуратов, М.Н. Лату // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2012. — № 14. — с. 250–259.
3. Алимуратов, О.А., Лату, М.Н., Раздубев, А.В. Особенности структуры и функционирования отраслевых терминосистем: на примере терминосистемы нанотехнологий [Текст] / О.А. Алимуратов, М.Н. Лату, А.В. Раздубев: монография, 2-е издание, исправленное и дополненное. — Пятигорск, 2012. — 128 с.
4. Биктимирова, З.З. Безопасность в концепции развития человека [Текст] / З.З. Биктимирова // Общественные науки и современность. — 2002. — № 6. — С.135.
5. Иренов, Г.Н. Политология: учеб. пособие [Текст] / под общ. ред. Г.Н. Иренов. — Павлодар: Кереку, 2012. — с. 30.
6. Кузнецов, В.Н. Преодоление фундаментального противоречия между свободой человека и его безопасностью: проблемы, тенденции и противоречия [Текст] / В.Н. Кузнецов // Безопасность Евразии. — 2003. — № 2. — с. 32.
7. Кузнецов, В.Н. Российская идеология XXI века в обеспечении эффективности и безопасности динамично-устойчивого развития России. [Текст] / В.Н. Кузнецов М., — 2005. — С.4.
8. Лату, М.Н., Алимуратов, О.А. К вопросу об универсальных и индивидуальных характеристиках терминосистем (на материале англоязычной военно-исторической терминологии) [Текст] / М.Н. Лату, О.А. Алимуратов // Язык. Текст. Дискурс. — 2008. — № 6. — с. 250–255.
9. Лату, М.Н., Раздубев, А.В. Терминоведение: частные вопросы развивающихся терминологий [Текст] / М.Н. Лату, А.В. Раздубев: учебное пособие к лекционному курсу «Общие и прикладные аспекты терминоведения». — Пятигорск, 2011. — 132 с.
10. Макарычева, А.С. «Мягкие» и «жесткие» вызовы безопасности в Приволжском федеральном округе: [Текст] / А.С. Макарычева // Аналитический доклад. — Нижний Новгород, 2001. — с. 21–22.
11. Протасова, О.Л. Современные международные отношения: Учебное пособие [Текст] / О.Л. Протасова. — Тамбов: Издательство ТГТУ, 2007. — С.79.
12. Раздубев, А.В. Современный английский подъязык нанотехнологий: структурно-семантическая, когнитивно-фреймовая и лексикографическая модели [Текст] / А.В. Раздубев: дис. ... канд. филол. наук / Пятигорский государственный лингвистический университет. — Пятигорск, 2013. — 247 с.
13. Раздубев, А.В. Сравнительно-сопоставительный анализ семантики, структуры и динамики русского и английского подъязыков сферы нанотехнологий [Текст] / А.В. Раздубев // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 24. — с. 167–170.

14. Раздубев, А.В., Алимуратов, О.А. Опыт когнитивного моделирования и лексико-графирования английского подъязыка нанотехнологий [Текст] / А.В. Раздубев, О.А. Алимуратов // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2011. — № 1. — с. 72–86.
15. Сергунин, А.А. Международная безопасность: новые подходы и концепты [Текст] / А.А. Сергунин // Политические исследования. — 2005. — № 6. — С.128.
16. Тихомирова, Л. В., Тихомиров, М.Ю. Краткий юридический словарь [Текст] / Л.В. Тихомирова, М.Ю. Тихомиров — М.: Изд. Тихомирова М.Ю., 2010. — 526 с.
17. Филонов, Г.А. Взаимосвязь безопасности с терроризмом на Юге России: Социологический анализ [Текст]: автореф. дис... канд. социол. наук / Г.А. Филонов — Краснодар, 2006. — 22 с.
18. Филонов, Г.А. Взаимосвязь безопасности с терроризмом на Юге России (концептуальный анализ) [Текст] / Г.А. Филонов // Труды молодых ученых: Сборник статей. Краснодар: Краснодарская академия МВД России, 2005.
19. Филонов, Г.А., Попов, М.Ю. Современные научные интерпретации понятия «безопасность» [Текст] / Г.А. Филонов, М.Ю. Попов // Социально-гуманитарные знания. Дополнительный выпуск. — Краснодар, октябрь, 2006. — С.59.
20. Mayor, F., Goucha, M. «Quelle Sécurité?» [Text] / F. Mayor, M. Goucha, Paris, 1997. — p.21.
21. Jackson-Preece, J. Security in international relations [Text] / J. Jackson-Preece, London, 2011. — p.34.
22. Online Larousse [Electronic resource]. — URL <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/>.
23. Словарь терминов МЧС, 2010 [Электронный ресурс]. — URL <http://www.dic.academic.ru>
24. Словарь по политологии / Под ред. проф. Коновалова. В.Н. [Текст] / В.Н. Коновалова. — Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2001. — 285 с.
25. Закон РФ от 5 марта 1992 г. N 2446-1 «О БЕЗОПАСНОСТИ» (с изменениями от 25 декабря 1992 г., 24 декабря 1993 г., 25 июля 2002 г., 7 марта 2005 г., 25 июля 2006 г., 2 марта 2007 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/20.html>.

Формы и методы работы с литературным произведением

Ганихина Наталья Николаевна, учитель начальных классов
МБОУ «Икрянинская СОШ» (Астраханская обл.)

Только книги и знания смогут сделать нас духовно сильными, честными, разумными людьми, которые способны искренне любить человека, уважать его труд и сердечно любоваться прекрасными плодами его непрерывного труда.

М. Горький

«Личностно-ориентированный подход в обучении, воспитании, развитии творческих способностей каждого учащегося» — это проблема, над которой работает школьный коллектив. Чтобы решить эту проблему, особенно таких составляющих как обучение и воспитание, необходимо научить детей читать выразительно, осознанно, в темпе, соответствующем возрастной норме.

Выражение «школьники ничего не читают» в последние десятилетия стало аксиомой. Между тем технология XXI века постепенно приводит к тому, что восприятие окружающего мира детьми идет в основном через зрение. Дети стали меньше читать вслух, но им приходится много работать с текстом. Психологи утверждают, что подавляющая часть учащихся, поступивших в школу — это визуалы. Можно ли, опираясь на эти возможности научить детей правильной работе с литературным произведением? Можно ли подобрать формы работы, формиру-

ющие грамотного читателя и при этом научить получать удовлетворение от чтения?

Ответом на эти вопросы и посвящена данная статья. Я поставила перед собой следующие задачи:

— проанализировать научно — методическую литературу по данной проблеме;

— выяснить, каковы основные проблемы на этапе восприятия и понимания произведения;

— выбрать из предложенных методик наиболее эффективные формы и методы для преодоления вышеназванных проблем;

— систематизировать планы анализа художественных текстов различного типа;

— составить вопросы для контрольных работ на уроках литературного чтения в 3 классе.

В программе по чтению и начальному литературному образованию для 1–4-х классов общеобразова-

тельной школы, составленной Н. Ф. Виноградовой, говорить о том, что основная цель — помочь ребенку стать читателем: подвести к осознанию богатого мира отечественной и зарубежной детской литературы как искусства художественного слова; обогатить читательский опыт.

Достижение этой цели предполагает решение нескольких задач, среди которых:

1) введение детей через литературу в мир человеческих отношений, нравственных ценностей;

2) приобщение детей к литературе как искусству слова, к пониманию того, что делает литературу художественной, — через введение элементов литературоведческого анализа текстов и практическое ознакомление с отдельными теоретико-литературными понятиями;

3) развитие устной и письменной речи (в том числе значительное обогащение словаря), развитие творческих способностей детей.

Развитие читателя предполагает формирование такой деятельности, когда он способен **воспринимать** текст (читать вслух и молча, выразительно, выборочно, подробно изучать текст или только знакомится с ним);

понимать читаемое не только на уровне фактов, но и смысла (иметь свои суждения, выражать эмоциональные отношения и т.д.);

воссоздавать в своём воображении прочитанное (представлять мысленно героев, события);

воспроизводить текст, т.е. уметь рассказывать его в разных вариантах — подробно, выборочно, сжато, творчески с изменением ситуации или включением себя в круг героев.

Эти четыре компонента необходимы для осуществления правильной читательской деятельности в данной последовательности.

Восприятие и понимание текста

Прежде чем говорить о методике анализа художественного произведения, необходимо выяснить: как же

воспринимает его младший школьник? Художественное восприятие — сложный психический процесс, в котором участвуют многие психические процессы, приводящие «в движение» весь жизненный опыт человека в ответ на содержание художественного произведения.

Психологи и литературоведы, научные сотрудники, изучающие детскую литературу, отмечают, прежде всего, фрагментарность, отсутствие целостности восприятия ребенком детской литературы, слабость абстрагирующего и обобщающего восприятия, зависимость восприятия от жизненного опыта ребенка, связь с практической деятельностью.

Непосредственность восприятия характеризуется ярко выраженной эмоциональностью, искренностью сопереживания. Читатель-ребенок не отделяет себя от героя и переносит его поступки на себя. «Наивный реализм» — отождествление героя и читателя — отмечают многие исследователи. Возникает вопрос: стоит ли этот наивный реализм разрушать у ребенка преждевременно?

Процесс постижения текста протекает по-своему у каждого ребёнка, и задача учителя — помочь ему постепенно понять, что художественный образ являет собой индивидуальный, созданный писателем обобщенный способ отражения жизни.

Читая произведение, начинающий читатель не обращает внимания на то, как оно строится, каким языком говорят герои и автор, так как интерес к содержанию у ребенка превалирует над речевой формой. Изобразительно-выразительные средства, используемые автором, не сразу понимаются в контексте, не связываются с описанием персонажа, не осознаются их смысловая и художественная роль в тексте.

Восприятие художественного образа также своеобразно, поскольку воссоздающее воображение, которое необходимо для данного процесса, у младших школьников слабо развито, схематично, складывается из отдельных деталей описания внешности героя, обстановки, метких авторских слов, характеризующих персонаж.

Таблица 1 Уровни восприятия младшими школьниками детской литературы

Уровень восприятия	Особенности восприятия
1. Репродуктивный: а) фрагментарный, б) сюжетно-логический	Восприятие отдельных эпизодов, фрагментов произведения. Усвоение сюжетно-событийной стороны произведения без различения его художественного, образного смысла и реальности
2. Эмоционально-сюжетный	Личностное отношение к героям, восприятие причинно-следственных связей событий, т.е. сюжета произведения
3. Интуитивно-художественный	Полнота восприятия произведения как художественного воплощения замысла автора, проявление интуитивно-эстетического чувства при выборе произведения (книги)
4. Элементарный осознанно-художественный, или целостно-аналитический	Движение к пониманию сущности художественного произведения как искусства слова, восприятие художественного образа на основе элементарного анализа и синтеза изобразительно-выразительных средств его создания

Эти особенности и развитие детского восприятия, исследованные З. И. Романовской, представлены в таблице:

Таким образом, младшие школьники при определенных условиях начинают воспринимать литературное произведение как искусство слова в единстве его формы и содержания.

Какие же условия для этого необходимы? Прежде всего, педагог должен сам знать законы создания и восприятия художественного произведения и применять их при анализе произведений детской литературы на доступном ученикам уровне.

Художественное произведение — явление искусства слова, отражение мира в художественных образах. Это первый закон литературы.

Второй закон: содержание всегда воплощается в присущей ему форме, которую выбирает писатель.

Форма всегда соответствует содержанию: жанр, язык, композиция индивидуальны у каждого автора. Содержание не может быть отделено от формы. Почему, например, А. П. Чехов, чтобы показать безысходность положения Ваньки Жукова, выбрал композиционный прием противопоставления жизни мальчика в городе и в деревне? Форму письма дедушке автор предлагает читателю, чтобы подчеркнуть: ничего в жизни Ваньки не изменится. Кроме того, рассказ от лица героя, его языком, пробуждает у маленького и взрослого читателя глубокое чувство сопереживания Ваньке. Так в единое целое соединяются форма и содержание.

Третий закон литературы гласит: содержание каждого произведения включает образный, эмоциональный, логический аспекты.

Исходя из этого закона вопросы, задания, наблюдения и обсуждение текста должны обязательно вскрывать каждый из этих аспектов: как и почему так поступил персонаж (логический аспект), какие чувства при этом он испытывал (эмоциональный аспект), как представляет читатель своего героя и что в тексте позволяет так судить об этом герое (образный аспект).

Четвёртый закон: восприятие художественного произведения при одноразовом чтении или слушании не бывает полноценным.

Читатель сначала воспринимает произведение в целом, преимущественно эмоционально, отделяет содержание от формы, не видит деталей. Поэтому необходимо повторное, детальное, осмысленное восприятие. Организовать первичное (эмоциональное) и вторичное (осмысленное) восприятие должен учитель.

Первичное восприятие не может быть детальным. Поэтому сначала целесообразно поставить общие вопросы: что понравилось в произведении? Какой поступок герой совершил? Какие чувства вызвал у вас персонаж? и т. д.

Последующее выборочное чтение по эпизодам, детальное обсуждение содержания в единстве с его формой, выяснение логических, эмоциональных проблем, особенностей портрета, поведения и речи персонажа помогут глубже постичь художественное произведение.

При организации повторного (осмысленного) восприятия текста использую следующие приемы:

- повторное комментируемое чтение;
- высказывание личностных суждений;
- сравнительный анализ;
- перечитывание и уточнение читательских позиций.

Пятый закон литературы, который необходимо иметь в виду: каждый читатель воспринимает произведение индивидуально, опираясь на свой жизненный опыт и начитанность. Каждый читатель «вычерпывает» из произведения свой, личностный смысл, который не всегда совпадает с авторским и восприятием других читателей.

И последний, шестой закон литературы, вытекающий из предыдущего: чтение — всегда диалог автора, читателя, героя.

Чтобы осуществить этот диалог, необходимы интерпретация, обсуждение текста, выявление личностных суждений и отношений, тонкие наблюдения, сравнения, привлечение творческого воображения.

Углубленное восприятие связано с «видением», представлением ребенком событий, героев. Параллельно с восприятием нужно нести анализ формы произведения, выявляя его жанровые особенности, композицию, язык.

Личностное отношение ребенка к произведению проявляется в выразительном чтении. При его подготовке необходимо показать учащимся, как читаются произведения разных жанров, с какой целью используются средства речевой выразительности, как определить задачу чтения (что сообщить слушателям).

Проиллюстрирую на примере изучения рассказа И. С. Тургенева «Воробей», как организую восприятие произведения на уроке.

Во вступительном слове о писателе отмечаю, что И. С. Тургенев был большим знатоком русского языка, любил его и тщательно отбирал слова для изображения природы, людей, их переживаний. Рассказ «Воробей» повествует о реальном происшествии, случившемся с писателем, заядлым охотником, на его родине, Орловщине.

Далее читаю рассказ «Воробей» — не спеша, стараясь, чтобы дети могли ощутить тревогу за судьбу беспомощного желторотого птенца и восхититься поступком бесстрашной взрослой птицы. После чтения рассказа желательна пауза. Дети молча переживают случившееся.

Первичное (эмоциональное) восприятие выясняю с помощью одного-двух вопросов:

- — Какое место в рассказе вас заставило особенно сильно переживать? Поделитесь своими впечатлениями.
- — Что вам хочется сказать о взрослом воробье?

Затем организую вторичное восприятие текста:

- А теперь вам предстоит самим прочитать этот трогательный рассказ.

Подумайте, почему писатель благоговел перед птицей, восхищался ее поступком. Обратите внимание на то, какие слова нашел автор, чтобы читатель глубоко пережил случившееся и ярко представил события.

— Начнем читать сначала и остановимся на том месте, где автор дает описание молодого воробья (читается первый и второй абзацы).

— Почему собака «начала красться»? Какую картину «она увидела» раньше автора? Прочитайте еще раз это место. Что «ее поразило»? (Перечитываем описание крадущейся собаки.)

Внимание детей переключается на описание ситуации, в которую попал беспомощный птенец:

— Какие слова подтверждают, что это был совсем птенец? (Пух на голове, еще маленькие, прораставшие крылышки.)

— Почему он оказался на дороге и сидел неподвижно? Каким вы и автор его представляете?

— А теперь прочитаем описание картины, как взрослый воробей ринулся на защиту птенца (чтение третьего и четвертого абзацев).

— Как вы думаете: испытывал ли страх воробей перед приближающейся собакой? Какие слова это доказывают? («Все тело его трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою».)

— Почему же воробей жертвовал собой? Какая сила, сильнее его воли, как говорит автор, сбросила его с дерева?

— Представим себе картины, как сменяющиеся кадры кино: сначала мы видим охотничью собаку, а еще кого? Опишите, как «камнем упал» воробей. Представьте его у морды собаки!

— Что изменилось в поведении Трезора? Как он себя повел? В заключение беседы задаю вопросы:

— Что же почувствовали герои этой истории: собака, писатель, молодой воробей, старый воробей? А что испытывали вы?

Так параллельно рассматриваются содержание и форма, в которой оно выражено.

Следующий этап урока — подготовка выразительного чтения. Учащиеся осознали свои чувства к героям, поняли мотивы их поступков, определили отношение автора к героям и свое личное, поэтому им нетрудно определить задачу чтения — какие мысли и чувства они передадут в своем чтении слушателям.

Для чтения каждый выбирает средства выразительности — тон, темп чтения, паузы, важные слова, которые нужно выделить голосом.

Представлю партитуру чтения третьего-пятого абзацев, самых напряженных в тексте.

Моя собака / медленно приближалась → Медленный темп,

к нему, / как вдруг, / сорвавшись → затем — ускорение.

с близкого дерева, / старый черногрудый → Тревога. воробей / камнем упал перед самой ее мордой. // → Неожиданность.

И весь взъерошенный, / искаженный, / → Отчаяние. с отчаянным и жалким писком / прыгнул → Решимость.

два в направлении зубастой / раскрытой пасти. //

Он ринулся спасать, / он заслонил собою свое детище... но все его маленькое тело / → Страх. трепетало от ужаса, / голосок одичал и охрип, / он замирал, / он жертвовал собою!

В данном случае видно, как меняются тон и темп чтения в зависимости от эмоционального состояния героической птицы, соблюдаются большие (//) и малые (/) паузы, выделяются важные слова. Так с помощью интонационных средств решается основная задача чтения — передать самоотверженность взрослого воробья, жертвующего собой во имя любви, и восхищение чтеца героизмом птицы.

Заканчиваю работу над целостным восприятием произведения обычно высказыванием личностного отношения к прочитанному, выявлением влияния рассказа на учащихся. Урок после прослушивания и обсуждения выразительного чтения учащихся (что удалось передать и что не совсем получилось) заканчивается откликом читателя на рассказ (выполнением задания по желанию: нарисовать иллюстрацию, кадры к фильму, выписать понравившийся отрывок и т.д.)

Литература:

1. Львов, М. Р. Методика развития речи младших школьников. М.: Просвещение, 1985.
2. Оморокова, М. И. Основы обучения чтению. Издательский центр «Вентана-Граф», 2005.
3. Первова, Г. М. Развитие теории формирования читательской самостоятельности. Начальная школа, 1996, № 5.
4. Работа над рассказом с учетом его жанровых разновидностей. Начальная школа, 1991, № 7.
5. Светловская, Н. Н. Методика внеклассного чтения. М.: Просвещение, 1991.
6. Светловская, Н. Н. Основы науки о читателе. М.: Магистр, 1993.
7. Тикунова, Л. И., Игнатъева Т. В. Материалы для проведения контрольных и проверочных работ. ООО «Издательство АСТ», Москва 2001.

Формы и методы работы, применяемые на уроках литературного чтения. Формы работы с компонентами художественного произведения

Ганихина Наталья Николаевна, учитель начальных классов
МБОУ «Икрянинская СОШ» (Астраханская обл.)

Наиболее значимым компонентом художественного прозаического повествовательного произведения является его сюжет.

Сюжет — это система взаимообусловленных событий, раскрывающих характер (поступки и мотивы) действующих лиц и отношение писателя к изображаемым жизненным явлениям. Сюжетом также называют последовательность, ход событий, составляющие содержание художественного произведения (*sujet* в переводе с французского языка — «содержание»). Сюжет состоит из связанных между собой эпизодов.

Эпизод (греч. *episodion* — «вставка») — это относительно завершённая и самостоятельная часть литературного произведения, которая изображает законченное событие или важный в судьбе персонажа момент.

Сюжет обычно имеет структуру: вступление — введение в события; начало действия; развитие действия, включающее ряд эпизодов, ведущих к наиболее важному, напряженному моменту событий — кульминации; после кульминации следуют развязка и конец событий.

Так, рассказ Л.Н. Толстого «Прыжок» начинается с **вступления**: «Один корабль обошел вокруг света и возвращался домой. Была тихая погода, весь народ был на палубе».

Началом действия является следующий эпизод (об обезьянке, которая сорвала шляпу мальчика и как бы дразнила его).

Действие далее разворачивается в эпизодах: мальчик бросился за обезьянкой на мачту; мальчик отпускает верёвку и ступает на перекладину.

Кульминацией становится момент, когда, увидев это, отец мальчика командовал сыну прыгать в воду. **Развязка** событий — мальчика вытащили из воды, и он стал дышать. **Концовка** рассказывает о состоянии капитана, который после испытанного им потрясения убежал в каюту, чтобы никто не видел его переживаний и слез.

Работу над структурой и элементами сюжета провожу по схеме (Рис. 1).

Каждое художественное произведение имеет **тему**. Тему можно определить по заголовку, беглому просмотру

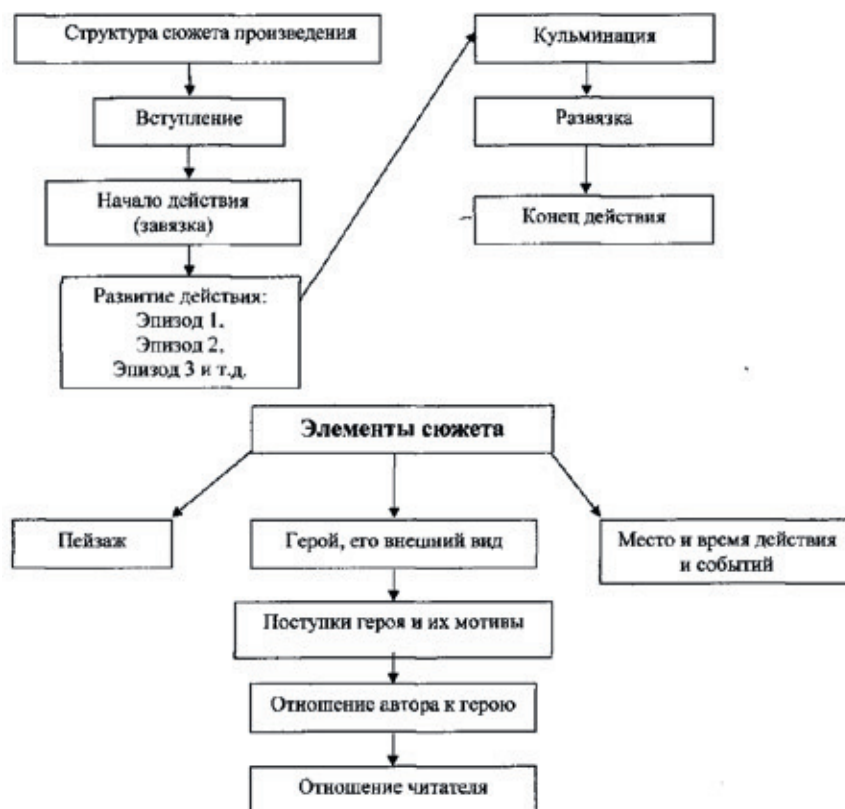

Рис. 1. Структура сюжета произведения

текста. У каждого писателя есть своя излюбленная тема. Так, М. М. Пришвин, Л. Н. Толстой, А. И. Куприн, А. П. Чехов многие свои произведения посвятили отношению человека к животным. Животные в их рассказах могут разговаривать, переживать различные эмоции, размышлять, т. е. человеческие чувства и свойства переносятся на животных (прием олицетворения).

Каждое художественное произведение несет в себе определенный **смысл и подтекст**. Термин «главная мысль» присущ научно — познавательной литературе.

Смысл произведения — это обобщающая мысль автора, воплощающая в образной форме его отношение к изображаемой жизни.

Иногда этот смысл скрыт в подтексте, когда отношение автора не высказывается прямо, а «вычитывается» из контекста поведения и выяснения подлинных мотивов действий героев.

Смысл произведения часто передается через образы персонажей, их взаимоотношения.

Персонаж — это общее название любого действующего лица. В детской литературе персонаж, как правило, характеризуется через поступок, поэтому важно выяснить, положительный ли это поступок или отрицательный, почему он совершен с какой целью, как другие персонажи относятся к нему, что подчеркивает и как оценивает этот поступок автор. Результатом обсуждения персонажа должно стать выяснение отношения к нему читателя: что же представляет собой персонаж, совершивший такой поступок? Позиция детей чаще всего выражается в их переживаниях, оценках поступков персонажей.

Важно также выяснить, в каких обстоятельствах действует наш герой, определить место и время действия, ибо они также несут сведения о персонаже. Важны и внешний вид (портрет) героя, его внутреннее состояние, переживания в процессе совершения поступка. Характеризует персонаж и его язык, и отношение к нему окружающих. Нередко понять персонаж помогают описание природы (пейзаж), различные отступления в его прошлое. Осуществляется работа над персонажем путем наблюдений, сопоставлений, рассуждений и выводов о его поступках, взаимоотношениях с людьми, животными, природой, предметами.

При работе над характеристикой персонажа использую схему (Рис. 2).

Основу динамичных, ярких произведений о детях и для детей составляет **поступок** персонажа.

Что необходимо ученику, чтобы осмыслить и почувствовать характер персонажа? Сначала на основе прочитанного создается целостная ориентировочная картина (как «видится» персонаж). Затем в тексте отбираются и подчеркиваются слова, указывающие на важные детали (место, время, действия, поступок, язык и др.)

Эти детали обрабатывают по опорной схеме (Рис. 3).

Следующее действие — предварительное обдумывание и воссоздание в воображении целостного образа, и, наконец, в заключение создается устное высказывание, «рисующее» картину — образ.

«Работа» воссоздающего воображения показана на схеме (Рис. 4).

Рис. 2. Характеристика героя (персонажа) произведения

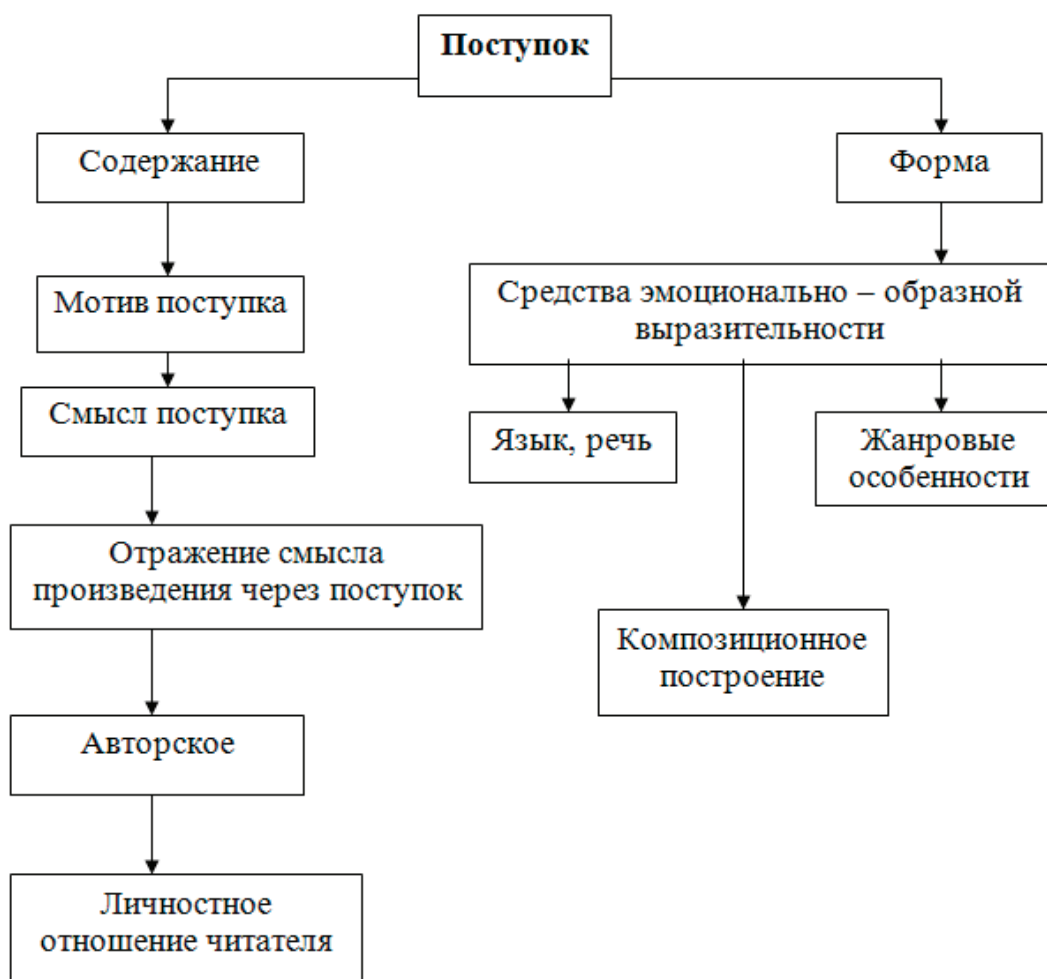

Рис. 3. Поступок как компонент художественного произведения

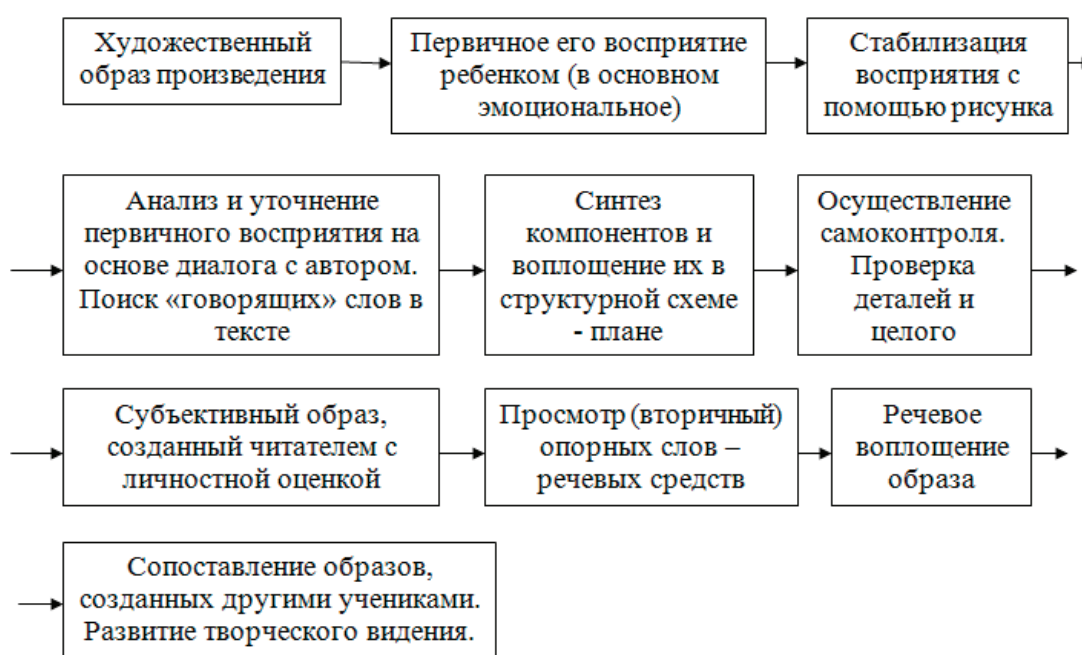

Рис. 4 . Воссоздание целостного образа

В процессе постижения художественного произведения следует иметь в виду и образ автора — условного носителя авторской речи, от лица которого ведется повествование. Образ автора не может отождествляться с писателем, так как является плодом его творческого воображения.

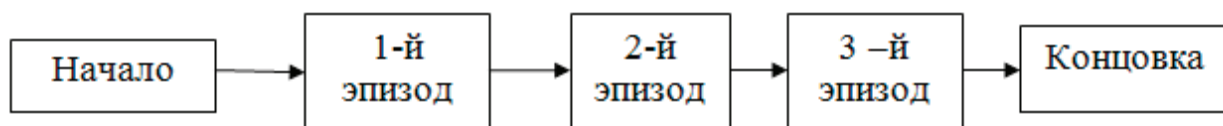
Моделирование текста

Для включения каждого ребёнка в активный познавательный процесс, для формирования специальных читательских умений (умений ориентироваться в книгах, по-

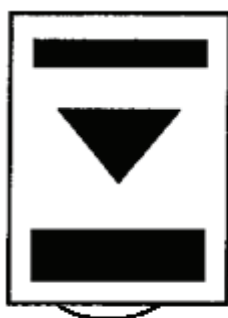
нимать особенности литературного произведения) на уроках литературного чтения, особенно в 1 классе, когда у детей ещё не сформированы навыки чтения и письма, использую метод моделирования — введение системы «заместителей» (условных обозначений) жанров, тем, героев, а также составление схематических планов и модели обложки (приложение 1). Моделирование позволяет:

- 1) включить каждого ребёнка в процесс познания;
- 2) дать возможность ученику работать в соответствии со своими возможностями;
- 3) создать игровую ситуацию при овладении читательскими умениями.

Графическая модель

Рисованная модель

Радость

Огорчение

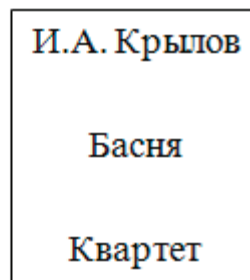
Страх

Радость

Модель обложки книги

Фамилия автора
«Заместитель»
 (условное обозначение) *жанра*
Заголовок

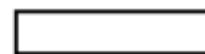

Жанры обозначаются фигурами:

Сказка

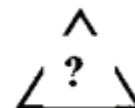
пословица

Рассказ

загадка

Стихотворение

басня

Тема чтения замещается цветом:

О Родине — красный, о детях — жёлтый, о природе — зелёный, о животных — коричневый, о приключениях, волшебстве, фантастике — синий или фиолетовый.

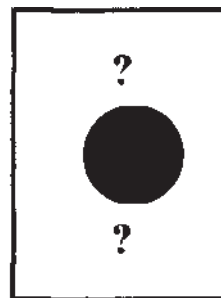
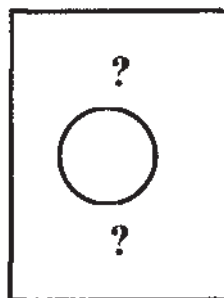
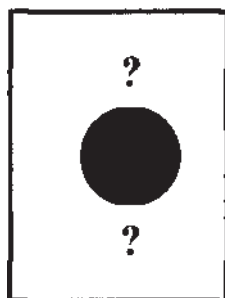
Моделирование обложки способствует формированию специальных читательских умений: называть фамилию автора, заголовок, определять жанр и тему произведения.

На уроках использую такие задания:

— сравнить модели и назвать произведения;

— подобрать сказки по темам, соотнести с моделями обложек;

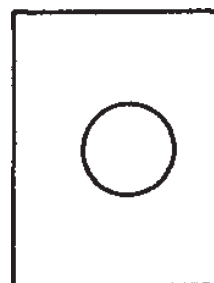
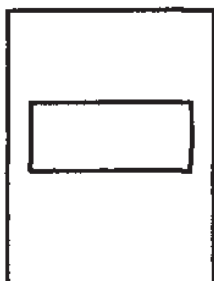
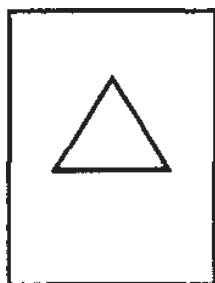

— упражнение «Угадай сказку»:

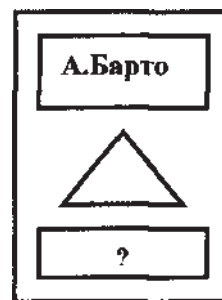
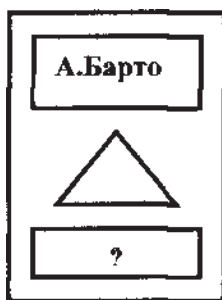
а) учитель зачитывает отрывки из сказок, а дети угадывают их;

б) подбор сказок к моделям.

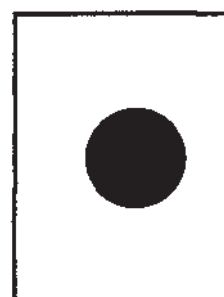
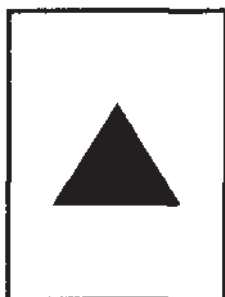
— соотнесите книги с предложенной моделью обложки;

— дополни модели обложек;

— подбери книги, соответствующие условным обозначениям жанра и темы:

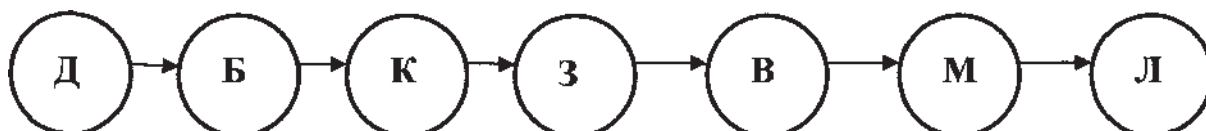

Эта работа особенно важна на этапе обобщения, когда выявляю, чему научились дети, какое новое произведение вошло в их круг чтения, как оно называется.

Составление схематического плана

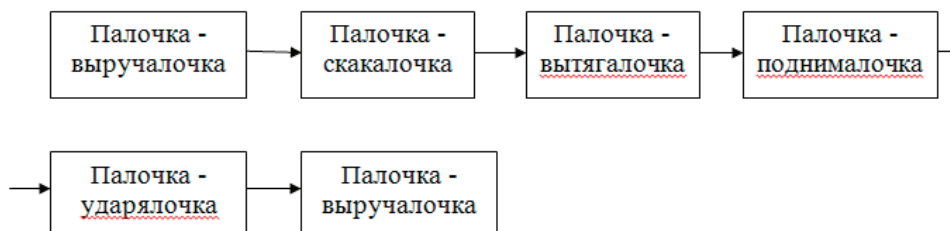
Вводя моделирование, можно включить в работу по составлению плана с использованием «заместителей» каждого ребёнка с учётом его индивидуальных возможностей.

Например, модельный схематический план к русской народной сказке «Колобок»:

Составленный план — схема помогает детям рассказывать сказку подробно, голосом передавая интонационный рисунок произведения.

Составление плана с ключевым словом, если оно проходит через всё содержание произведения.

Таким образом, к концу урока у каждого ребёнка есть модель обложки и вся работа, которую выполняли на уроке (рисунки, схемы, слова и предложения). Из листочков с данной работой собираю книгу — самоделку, в которую входит результат труда каждого урока. Но самое главное то, что в конце урока каждый ребёнок знает произведение, с которым он работал. Он готов к тому, чтобы найти книгу с этим произведением, рассмотреть, рассказать родителям. В конце года в классе собралась библиотека из книг — самоделок, которые дети любят рассматривать.

Пересказы текстов

Разнообразие видов пересказа, варьирование подготовки к нему повышают интерес школьников к чтению, уровень их речевого развития.

На уроках практикую пересказ прослушанного, а не только прочитанного текста; пересказ после однократного, первичного чтения текста самим учеником; пересказ прочитанного тихо, про себя; пересказ текста, прочитанного сутки тому назад, неделю назад и т.д.;

подробный, близкий к тексту; краткий, или сжатый; выборочный (пересказ по вопросу или заданию; пересказ нескольких сцен из рассказа, объединённых общей темой; пересказ по иллюстрации); с перестройкой текста (пересказ с изменением лица рассказчика; от лица одного из персонажей); с творческими дополнениями (инсценирование; словесное рисование).

Литература:

1. Львов, М. Р. Методика развития речи младших школьников. М.: Просвещение, 1985.
2. Оморокова, М. И. Основы обучения чтению. Издательский центр «Вентана-Граф», 2005.
3. Первова, Г. М. Развитие теории формирования читательской самостоятельности. Начальная школа, 1996, № 5.
4. Работа над рассказом с учетом его жанровых разновидностей. Начальная школа, 1991, № 7.
5. Светловская, Н. Н. Методика внеклассного чтения. М.: Просвещение, 1991.
6. Светловская, Н. Н. Основы науки о читателе. М.: Магистр, 1993.
7. Тикунова, Л. И., Игнатьева Т. В. Материалы для проведения контрольных и проверочных работ. ООО «Издательство АСТ», Москва 2001.

Например, в сказке В. Сутеева «Палочка-выручалочка» можно составить план-схему с ключевым словом палочка.

Детское литературное творчество

Для включения детей в творческую деятельность, направленную на развитие их читательской самостоятельности, использую различные формы.

Продуктивным приёмом обучения творческому чтению являются игры — драматизации. Разыгрывая сценки, дети знакомятся с правилами речевого этикета, учатся применять знания в новых ситуациях, открывают новые знания об окружающей природе и мире.

Назову формы драматизации, которые применяю в своей работе:

- кукольный театр;
- костюмированные представления по известным сказкам и рассказам;
- музыкальные инсценировки сказок и рассказов.

Активизировать читательскую деятельность детей, помочь им увидеть детали произведения, обобщить полученные знания, закрепить их, проверить свою сообразительность и смекалку позволяют литературные викторины, конкурсы.

В начале и в конце каждого года обучения чтению провожу анкету, выясняющую развитие читательской самостоятельности детей:

1. Есть ли у вас дома детские книги?
2. Читают ли их вам?
3. Любите ли рассматривать книги?
4. О чём вы любите слушать (читать)?
5. Назовите любимую книгу.
6. Фамилии каких писателей вы знаете?
7. Какие их книги помните?

К вопросу о методике работы с тестом на занятиях по филологическому анализу текста

Головина Елена Викторовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Оренбургский государственный университет

В данной статье филологический анализ текста (ФАТ) рассматривается с точки зрения деятельностного подхода. Автором статьи определены понятия внутреннего и внешнего плана деятельности ФАТ и разработана методика анализа текста в аспекте деятельностной парадигмы.

Ключевые слова: филологический анализ текста, теория деятельности, методика анализа текста.

В данной статье представлена одна из возможных методик анализа текста. Исследование базируется на деятельностном подходе. Известный отечественный психолог А. Н. Леонтьев ввел в психологию такие понятия как внутренний и внешний план деятельности. Мы полагаем, что данные понятия применимы и в филологическом анализе текста.

Внутренним планом деятельности филологического анализа текста выступает этап замысла, планирования, концептуальное пространство изучаемого материала. Чтобы создать текст анализа того или иного типа текста, выступающего внешним планом деятельности, исследователь создает образ о: 1) предмете исследования; 2) цели анализа; 3) использовании тех или иных методов, приемов, принципов анализа; 4) образце анализа. Данные положения о предметности и цели ФАТ, наборах методов, принципов, приемах, его определения отражены в языковедческих концепциях филологического анализа текста. Внешним планом деятельности ФАТ выступает реализация внутреннего плана деятельности ФАТ на практическом материале (тексты анализа того или иного произведения).

Мы полагаем, что методика работы с текстами анализа произведений заключается в следующем:

1) Составление списка текстов анализа произведений.

На данном этапе составляется список из 100–120 текстов анализа. В первую очередь необходимо обращать внимание на те работы, в которых есть и теоретическая, и практическая части исследования (например, ученый, создает алгоритм анализа текста и применяет его, анализируя то или иное произведение). Также список текстов анализа можно дополнить текстами анализа из журналов «Русский язык в школе», «Литература в школе». Затем из полученного списка в 100–120 текстов анализа выбираются повторяющиеся тесты анализа (например, текст анализа произведения Л. Н. Толстого «Война и мир», составленный Л. А. Новиковым и Г. С. Сырицей). Анализируются **именно повторяющиеся** тексты анализа, т.к. это позволяет выявить общее и уникальное в авторских пониманиях того или иного произведения, проанализировать разные способы анализа одинаковых произведений.

2) Определение коэффициента нормативности /вариативности материала исследования: чем чаще одно и то же произведение анализируется разными исследователями,

тем материал анализа более *нормативен*, тем выше соответствующий коэффициент. Определение данного коэффициента сближает ФАТ и деятельностный подход, так как принцип нормативности / вариативности впервые рассмотрен именно в теории деятельности.

3) Анализ операционально-технологической составляющей текстов анализа.

Изучаемый аспект напрямую связан с понятиями «операция» и «действие», являющимися одними из базовых понятий теории деятельности. Под операцией вслед за А. Н. Леонтьевым мы понимаем «... способы осуществления действия» [2, с. 84]. Под «действием» понимаем «применение, проявление чего-либо на практике, осуществление своих функций, своего назначения» [1, с. 246].

В каждом тексте анализа выявляется набор тех операций (операционально-технологическая составляющая), к которым обращается автор того или иного текста анализа.

Проиллюстрируем это на примере двух текстов анализа стихотворения А. С. Пушкина «К Чаадаеву», выполненные Д. М. Магомедовой и Т. П. Буслаковой.

В основе работы Д. М. Магомедовой находится *изучение* лексического уровня текста выбранного стихотворения. На первом этапе работы автор *составляет словарь стихотворения и выявляет доминирующие части речи*. На основе анализа исследователь делает вывод о том, что доминирующими частями речи в стихотворении являются существительные и глаголы, менее частотны прилагательные и местоимения. Далее Д. М. Магомедова выделяет в стихотворении тематические поля: «внутренний мир человека», «любовь», «надежда», «родина», «свобода», «деспотизм», «слава», «призрачность». Каждое поле имеет в своем составе ряд слов и словосочетаний стихотворения. Автор отмечает, что одно и то же слово может входить в состав нескольких тематических полей [4, с. 41]. Автор анализа отмечает, что выделенные тематические поля можно объединить в две противоположные группы: «личное, интимное» / «внеличное, гражданское».

Исследователь отмечает *композиционно-семантическое единство стихотворения*, особо подчеркивая роль семантики глаголов текста [там же, с. 43]. В начале

стихотворения преобладают глаголы, передающие движение, процесс. В финальных строках наблюдается тенденция к использованию глаголов, выражающих чувства. В финальных строчках стихотворения вновь доминируют глаголы внешнего действия. Таким образом, Д. М. Магомедова *делает вывод* о том, что семантическая организация стихотворения представлена следующим движением: гражданское — личное — гражданское.

В анализе стихотворения, выполненного Т. П. Буслаковой, выделены следующие операции. На первом этапе исследования, автор *определяет центральный мотив* стихотворения [2, с. 25]. По мнению автора, схожесть мотивов роднит стихотворение «К Чаадаеву» и оду «Вольность».

Далее Т. П. Буслакова *определяет адресата* стихотворения, которым является единомышленник лирического героя. В анализе также *представлена характеристика главного героя*, лирического героя стихотворения [там же].

Исследователь *разделяет стихотворение на две смысловые части*, отмечает при этом отсутствие разделения стихотворения на строфы [там же, с. 26].

Автором анализа *определен стихотворный размер и рассмотрены* те основные стилистические средства, передающие основной пафос стихотворения, к которым

относятся гиперболы, сравнения и метафоры. Среди выделенных стилистических средств Т. П. Буслакова *отмечает доминирующую роль метафор в стилистической организации стихотворения* [там же, с. 27].

Отмечая автобиографичность стихотворения, Т. П. Буслакова *рассматривает категории автора и лирического героя*.

На основе использованных в стихотворении стилистических средств Т. П. Буслакова *выделяет ключевую доминанту* [там же, с. 30]. В конце анализа исследователь *выделяет основную тему стихотворения* (свобода) [там же].

Далее необходимо провести сравнительный анализ текстов анализа в рамках каждой пары.

4) Анализ операциональной составляющей текстов анализа. В данной части исследования необходимо указать к каким методам, приемам, принципам анализа обращается или не обращается автор текста анализа.

Таким образом, данная методика работы с текстом на занятиях по филологическому анализу тексту позволяет, во-первых, анализировать вторичный текст (не само произведение, а текст анализа данного произведения). Во-вторых, филологический анализ текста рассматривается в междисциплинарном аспекте, с позиции теории анализа текста и теории деятельности.

Литература:

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.
2. Буслакова, Т. П. Как анализировать лирическое произведение: учеб. пособие / Т. П. Буслакова. — М.: Высш. шк., 2005. — 203 с.
3. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность: учеб. пособие по направлению и специальностям «Психология», «Клиническая психология» / А. Н. Леонтьев. — М.: Смысл: Академия, 2005. — 352 с.
4. Магомедова, Д. М. Филологический анализ лирического стихотворения: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Д. М. Магомедова. — М.: Академия, 2004. — 192 с.

Стихотворение А.— Ч. Суинберна «Рококо» в переводах Н. А. Васильева и Г. Е. Бена

Комарова Елена Васильевна, старший преподаватель;
Милотаева Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент
Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

Данная статья посвящена анализу стихотворения А.— Ч. Суинберна «Рококо» в переводах Н. А. Васильева и Г. Е. Бена. Проведенное исследование позволяет утверждать, что данные переводы далеки от совершенства.

Ключевые слова: А.— Ч. Суинбёрн, поэтический перевод, русско-английские литературные связи, компаративистика, художественная деталь, межкультурная коммуникация.

В 1909 г. Н. А. Васильевым было переведено стихотворение А.— Ч. Суинберна «Рококо», известное также в позднейшем переводе Г. Е. Бена, напечатанном в ранней

редакции в 1977 г. в сборнике, выпущенном в тель-авивском издательстве «Время и мы» [см.: 3, с. 20—22], а затем, в переработанном виде, в книге переводов

Г. Е. Бена из Суинбёрна «Сад Прозерпины» [см.: 4, с. 24–26]. Если Суинбёрн в данном произведении использовал аллитерацию, желая подчеркнуть ощущение тяжести расставания («Take hands and part with laughter; / Touch lips and part with tears» [1, p. 132] [Возьмемся за руки и расстанемся со смехом; / Коснемся губами и расстанемся со слезами]), то Н. А. Васильев и Г. Е. Бен делали акцент на параллельных конструкциях, причем первый из переводчиков оставлял без внимания контрастность чувств: «Расстанемся без смеха; / Расстанемся без слез» (Н. А. Васильев; [2]) — «Расстанемся, рыдая, / Расстанемся, смеясь» (Г. Е. Бен; [4, с. 24; 3, с. 20]).

Каждая нечетная строфа английского оригинала заканчивается вариацией на тему «удовольствия» («pleasure») и «боли» («pain»), причем в первой, пятой и седьмой октавах можно видеть характерную красную («sanguine» («крово-красный»), «blood-red» («крово-красный»), «purple» («красный»)) тональность при прорисовке ассоциаций с вином или кровью: «Nor crush the lees of pleasure / From sanguine grapes of pain / <...> / Foams round the feet of pleasure / The blood-red must of pain / <...> / Throbs through the heart of pleasure / The purpler blood of pain» [1, p. 132] [Не выдавим остатки удовольствия / Из **крово-красного** винограда боли / <...> / Пена вокруг стоп удовольствия, / **Крово-красное** виноградное сусло боли / <...> / Пена вокруг стоп удовольствия, / **Крово-красное** виноградное сусло боли]. Сохраняя условную антитезу «наслажденья» и «тоски» (Н. А. Васильев), «наслажденья» и «скорбей» (Г. Е. Бен), русские переводчики, вместе с тем, существенно ослабляли колористический фон описания: «И дрожжи наслажденья / Не жать из лоз тоски / <...> / Из сердца наслажденья / Струится кровь тоски» (Н. А. Васильев; [21]); «И не добыть нам в ней <любви> / Напитка наслажденья / Из солода <в ранней редакции — месива> скорбей / <...> / Течет вокруг ступней / Из гроздьев наслажденья / **Кровавый** сок скорбей / <...> / И в жилах наслажденья / Струилась кровь скорбей» (Г. Е. Бен; [4, с. 24–25; ср.: 3, с. 20–22]). Концовки третьей и девятой октав Суинбёрн строит на параллелизме конструкций, сопровождающемся анафорой («A single sob of pleasure, / A single pulse of pain» [1, p. 133] [**Единственный** всхлип удовольствия, / **Единственный** импульс боли]) или антонимической оппозицией («And earlier leaf of pleasure, / And latter flower of pain» [1, p. 134] [**И раньше** лист удовольствия, / **И позже** цветок боли]), что полностью утрачено и у Н. А. Васильева, и у Г. Е. Бена, передавших лишь общее содержание приведенных фрагментов: «Ни капли наслажденья / И ни волны тоски / <...> / Из почки наслажденья / Растет бутон тоски» (Н. А. Васильев; [2]); «Старались в нетерпенье / Мы выцедить скорей / Всю горечь наслажденья / Усладу <в ранней редакции — И сладость> всех скорбей / <...> / И треплет суховой / Тычинки наслажденья / И пестики скорбей» (Г. Е. Бен; [4, с. 24–26; ср.: 3, с. 20–22]).

Для концовок четных строф английского подлинника существенна игра слов «remember» («помнить») / «forget» («забыть»), причем во второй, четвертой и шестой строфах противопоставляются месяцы: осенние — весенним (ноябрь — апрелю, сентябрь — марту), а зимние — летним (декабрь — июню): «Forget them till November, / And dream there's April yet; / Forget that I remember, / And dream that I forget / <...> / Say March may wed September, / And time divorce regret; / But not that you remember, / And not that I forget / <...> / But rose-leaves of December / The frosts of June shall fret, / The day that you remember, / The day that I forget» [1, p. 132–134] [Забудь их <богов> до **ноября**, / И мечтай, что все еще **апрель**; / Забудь, что я *помню*, / И мечтай, что я *забыл* / <...> / Скажем, **март** и **сентябрь** могли пожениться, / И о времени развода сожалеть; / Но не о том, что ты *помнишь*, / И не о том, что я *забыл* / <...> / Но лепестки роз **декабря** / Морозы **июня** потрепят, / День, что ты *помнишь*, / День, что я *забыл*]. Недосказанность, свойственная данному фрагменту, позволила переводчикам совершенно по-разному интерпретировать эпизоды, но при этом и Н. А. Васильев, и Г. Е. Бен, сохранив акцент на концептах «remember» («помнить») / «forget» («забыть»), обошли связь с сезонами года: «Печаль всегда бездомна, / У радости нет крыл. / Забудьте, что я *помню*, / И грезьте: он *забыл* / <...> / Поверь, что страсть огромна / И есть без дыма пыл, / Но *помни*, что я *помню*. / Забудь, что я *забыл*» (Н. А. Васильев; [2]); «Забудь, что тяжело мне, / Мечтай беспечно жить; / Забудь, что я все *помню*, / Желай мне все <в ранней редакции — Мечтай, что смог> забыть / <...> / Но лишь не смей твердить, / Что ты страдаешь, *помня*, / А я *сумел* забыть / <...> / Но сможет полдень темный / Свет полночи убить, / Коль всё <в ранней редакции — Когда> ты *будешь* помнить, / А я *смогу* забыть» (Г. Е. Бен; [4, с. 24–25; ср.: 3, с. 20–21]).

Нельзя не отметить и несколько ключевых моментов суинбёрновского лирического описания, оставшихся вне поля зрения русских переводчиков либо привлечших недостаточное внимание. Так, Суинбёрном введено обращение к героине, названной Джульеттой в символическом значении *молодой возлюбленной*, в чем проявились и известный пристрастный интерес английского поэта к Шекспиру, и романтическое понимание юношеской любви: «Dismantle and dismember / Men's days and dreams, Juliette; / For love may not remember, / But time will not forget» [1, p. 134] [Разрушь и разорви / Людские дни и сны, **Джульетта**; / Ибо любовь *может не помнить*, / Но время *не забудет*]. Н. А. Васильев полностью опустил обращение («Разоблачим нескромно / Сон дорогих могил — / И то, что я *не помню*, / И то, что я *забыл*» [2]), Г. Е. Бен же сохранил его, ослабив, однако, значимую ретардацию в прошлое и не совсем оправданно заменив утверждение «любовь может не помнить» на «любовь не может помнить»: «Жульетта, ничего мне / Назад не возвра-

тить: / Любовь не может помнить, / А время — позабыть» [4, с. 25]. При интерпретации стихов «*Light love's extinguished ember*, / Let one tear leave it wet / For one that you remember / And ten that you forget» [1, р. 135] [*Светлая любовь — гаснущие тлеющие угли*, / Позволь одной слезе остаться / Ради одного, что ты помнишь, / И десяти, что ты забыла] русские переводчики обошли вниманием полную символику мета-

фору Суинбёрна, ассоциирующую угаснувшую любовь с тлеющими углями, и тем самым значительно упростили понимание фрагмента: «Ты плачешь, плачешь томно, / Я слезы осушил, / Одну из них запомню, / А десять позабыл» (Н. А. Васильев; [2]); «(Мол, так тому и быть!) / И две слезинки вспомни, / Чтоб десять позабыть <в ранней редакции — слез забыть>» (Г. Е. Бен; [4, с. 26; ср.: 3, с. 22]).

Литература:

1. Swinburne, A. — Ch. Poems and Ballads. — L.: Edward Moxon & Co, 1866. — 296 p.
2. Васильев, Н. А. Сад Прозерпины; На северном море; Рококо // <http://www.vekperevoda.com/1855/vassiliev.htm>
3. Суинбёрн, А. — Ч. Анимы анперс; Рококо; Гермафродит; Сад Прозерпины; Интерлюдия; На спуск корабля «Ливадия» в России // Изменчивость: Поэты Англии и Америки в переводах Георгия Бена. — Тель-Авив: Время и мы, 1977. — с. 18–32.
4. Суинбёрн, А. — Ч. Сад Прозерпины: Стихи / Перевод, предисл. и примечания Г. Е. Бена. — СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 2003. — 104 с.

Стихотворение А.— Ч. Суинберна «Прощание» в восприятии русских переводчиков

Комарова Елена Васильевна, старший преподаватель
Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

Данная статья посвящена анализу стихотворения А.— Ч. Суинберна «Прощание» в восприятии русских переводчиков. Проведенное исследование позволяет утверждать, что данные переводы далеки от совершенства.

Ключевые слова: А.— Ч. Суинбёрн, поэтический перевод, русско-английские литературные связи, компаративистика, художественная деталь, межкультурная коммуникация.

Стихотворение Суинбёрна «Прощание», впервые интерпретированное Б. Б. Томашевским, уже в XXI в. вызвало интерес переводчиков — к нему обратились Ю. М. Брызгалов (2005), И. Д. Трояновский (2006), Г. М. Кружков (2008). Каждую из шести строф Суинбёрн начинает предложением в повелительном наклонении: «*Let us go hence, my songs.*».. [Уйдем прочь, мои песни...], «*Let us rise up and part.*».. [Встанем и расстанемся...], «*Let us go home and hence.*».. [Уйдем домой, прочь...], «*Let us go hence and rest.*».. [Уйдем прочь и умрем...], «*Let us give up, go down.*».. [Бросим, умрем...], «*Let us go hence, go hence.*».. [Уйдем прочь, уйдем прочь...] [1, р. 52–53]. У Томашевского нет такого же единообразия начала строф: «Пойдемте, песни!».., «Расстанемся.».., «Уйдем домой.».., «Уснем.».., «Оставим все.».., «Уйдем, уйдем!».. [2, с. 144–145]; ср. у Г. М. Кружкова — «*Уйдем*, печаль моя.».., «*Уйдем* скорей.».., «*Уйдем.*».., «*Уйдем* отсюда прочь.».., «*Уйдем* же навсегда.».., «*Уйдем*, печаль моя.».. [4, с. 528–529], у Ю. М. Брызгалова — «*Уйдем*, стихи мои.».., «*Уйдем*, простимся с ней.».., «*Уйдем...*», «*Уйдем* и отдохнем...», «*Уйдем*,

оставим все.».., «*Уйдем...*» [3, с. 19–21], у И. Д. Трояновского во всех строфах, кроме третьей, начинающейся стихом «Над нами смерть парит...», — чередуются «*Умрем*, о песнь моя...» и «*Уйдем*, о песнь моя...» [5].

Суинбёрн оригинален в организации своего стихотворения: первый стих строфы завершает предложение с *will*, последний стих являет собой предложение-эхо, в котором *will* заменяется на *would* и которому предшествует придаточное предложение с *though* («хотя, если»), акцентирующее условность и невозможность, утрату надежды: «... she *will* not hear. / <...> / ... *though* we sang as angels in her ear, / She *would* not hear» [1, р. 52][... она не услышит. / <...> / ... *даже если бы* мы пели как ангелы для нее, / Она не услышала *бы*]. То же самое и далее по тексту: «... she *will* not know. / <...> / ... *though* ye strove to show, / She *would* not know» [1, р. 52][... она не узнает. / <...> / ... *даже если бы* ты попытался объяснить, / Она не узнала *бы*]; «... she *will* not weep. / <...> / ... *though* all we fell on sleep, / She *would* not weep» [1, р. 52][... она не заплачет. / <...> / ... *даже если бы* все мы умерли, / Она не заплакала *бы*]; «... she *will* not love.

/ <...> / ... *though* she saw all heaven in flower above, / She *would* not love» [1, p. 53] [... она не полюбит. / <...> / ... *даже если бы* она увидела все небо в цветах, / Она не полюбила *бы*]; «... she *will* not see. / <...> / ... as *though* we had not been there. / Nay, and *though* all men seeing had pity on me, / She *would* not see» [1, p. 53] [... она не увидит. / <...> / ... *как если бы* нас не было там. / Нет, и *даже если бы* все люди сжалились надо мной, / Она не увидела *бы*]. Б. Б. Томашевский представил в концовках строф несколько усеченные варианты повтора («... Не услышать ей, / <...> / Услышать ей», «... она не будет знать. / <...> / Не будет знать», «... у ней не будет слез, / <...> / Не лила слез», «... не будет нас любить она! / <...> / Любить она», «... ей будет все равно. / <...> / Ей все равно», «... Она не кинет взгляд. / <...> / Не кинет взгляд» [2, с. 144–145]), у переводчиков последующего времени суинбёрновский замысел передан более последовательно: у Г. М. Кружкова — «... она не слышит / <...> / Она не слышит», «... она не понимает / <...> / Она не понимает», «... она слезинки не уронит / <...> / Слезинки не уронит», «... она не любит / <...> / Она не любит», «... что ей за дело! / <...> / Что ей за дело!», «... она не видит / <...> / Она не видит» [4, с. 528–529]; у Ю. М. Брызгалова: «... она не слышит / <...> / Она не слышит», «... она не знает / <...> / Она не знает», «Нет, слез она не станет лить / <...> / Ей слез не лить», «... Она не любит / <...> / Она не любит», «... ей все равно / <...> / Ей все равно» [3, с. 19–21]; у И. Д. Трояновского — «... Она не слышит / <...> / Она — не слышит», «... Она не знает / <...> / Она не знает», «... Она не плачет / <...> / Она не плачет», «... Она не любит / <...> / Она не любит», «... Ее не тронет / <...> / Ее не тронет», «... Она не взглянет / <...> / Она — не взглянет» [5]. Придаточные предложения с союзом *хоть* употребляются Б. Б. Томашевским только в двух последних строфах; И. Д. Трояновский использовал придаточное с союзом *пускай* всего один раз, Г. М. Кружков — трижды (*пусть / пускай*), Ю. М. Брызгалов — в каждой строфе (*хоть / пусть / пускай*).

Сравнение услышанного пения с пением ангела («as angels») не было сохранено русскими переводчиками (у Б. Б. Томашевского — «нежных <...> речей», у Г. М. Кружкова — «ангельское пенье», у Ю. М. Брызгалова — «пели», у И. Д. Трояновского — «звучим»); напротив, метафорическое описание окружающего мира, в котором и звездное небо, и волнующееся море, и лунный цветок, и красивые пенные цветы становятся частями одного целого («... she *will* not care. / *Though* all the stars made gold of all the air, / And the sea moving saw before it move / One moon-flower making all the foam-flowers fair; / *Though* all those waves went over us, and drove /

Deep down the stifling lips and drowning hair, / She *would* not care» [1, p. 53] [... она не поинтересуется. / *Даже если бы* все звезды позолотили все небо, / А волнующееся море видело, как скользит / Лунный цветок, делающий все пенные цветы красивыми; / *Даже если бы* все эти волны накрыли нас и увлекли / В глубину задыхающиеся уста и утопающие волосы, / Она не поинтересовалась *бы*), так или иначе представлено во всех переводах, пусть даже и с утратой (в большинстве случаев) многих выразительных деталей: «Хоть звезд мерцанье в небо вплетено, / И море, перед штормом впадши в сон, / Бутоны пены облило луной» (Б. Б. Томашевский; [2, с. 144]); «Пусть все созвездья в золотом узоре / Над ней сольются, пусть, как лотос белый, / Луна трепещущая канет в море, — / Как лик любви, от горя помертвелый» (Г. М. Кружков; [4, с. 528]); «Пускай все звезды в золото одно / Мы превращали для нее, и море, / Как серебро, луной освещено, / О ней шумит...» (Ю. М. Брызгалов; [3, с. 21]); «Ни трепет звезд в небес ночной короне, / Ни плеск волны, лелеющей в ладони / Одну луну. Цветок на небосклоне» (И. Д. Трояновский; [5]).

Сравнение «Let us go seaward as the great winds go» [1, p. 52] [Давай отправимся к морю, как сильные ветра] было метафоризировано Б. Б. Томашевским («Над морем будем вихрями летать» [2, с. 144]), заменено образом «угрюмого смерча» Г. М. Кружковым; И. Д. Трояновский представил бессмысленность действий («Как мутный шквал...»), Ю. М. Брызгалов ограничился простым упоминанием *ветра*. Другое сравнение — «And all the world is bitter as a tear» [1, p. 52] [И весь мир печален, как слеза] — сохранено Б. Б. Томашевским («Мир горьким, как слеза, явился нам» [2, с. 144]) и Ю. М. Брызгаловым («... бранный этот мир, как слезы, горек» [4, с. 19]), трансформировано в метафору И. Д. Трояновским («... И безысходно тает / Слезою мир...» [5]), заменено оригинальным сравнением Г. М. Кружковым («... скорее полюса растают, / Чем тронется она чужою болью» [4, с. 528]).

Подчеркивая, что *пути любви* («love's ways») *болезненны* («sore») и *круты* («steep»), Суинбёрн представлял тяготы безответной любви посредством метафоры: «Love is a barren sea, bitter and deep» [1, p. 53] [Любовь — пустое море, жестокое и бездонное]. Б. Б. Томашевский был наиболее последовательным в реализации замысла автора («... путь любви, как боль крутой / <...> / Любовь подобна горечи морской» [2, с. 144]), тогда как Г. М. Кружков ассоциировал любовь с садом, Ю. М. Брызгалов показывал усталость от брожения «тропами Любви» и плавания в «пустынном море», И. Д. Трояновский использовал отстраненное от суинбёрновского описания сравнение: «Стезя <...> / И глубока, как море, и жестока» [5].

Литература:

1. The Collected Poetical Works of Algernon Charles Swinburne: In 6 vol. — L.: William Heinemann, 1917. — Vol. I. Poems and Ballads (First Series). — 326 p.

2. Суинбёрн, А. — Ч. Прощание / Пер. Б. Б. Томашевского // Антология новой английской поэзии / Вступ. ст. и комментарии М. Н. Гутнера. — Л.: Худ. лит., 1937. — с. 144–145.
3. Суинбёрн, А. — Ч. Прощание / Пер. Ю. В. Брызгалова // Суинберн А. — Ч. «Молю, успеите внять стихам моим...» / Swinburne A. — Ch. «Heed well this rhyme before your pleasure tire...»: [На рус. и англ. яз.] / Сост. И. Г. Ирской и Ю. Г. Фридштейна. — М.: Центр книги Рудомино, 2012. — с. 19–21.
4. Суинбёрн, А. — Ч. Расставание; Итис / Пер. Г. М. Кружкова // Кружков Г. М. Пироскаф. Из английской поэзии XIX века. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. — с. 528–530.
5. Суинбёрн, А. — Ч. Прощание / Пер. И. Д. Трояновского // <http://www.poezia.ru/article.php?sid=48447>

Займствование как один из способов пополнения словарного запаса в немецком языке

Ноздрина Олеся Игоревна, учитель русского языка и литературы
МБОУ «Смординская СОШ» (Белгородская обл.)

Ключевые слова: синоним, адаптация лексики, англицизм, термин, внешнее займствование, внутреннее займствование.

Язык является подвижной системой, изменяющейся и развивающейся вместе с ходом истории и преобразованием мышления народа-носителя данного языка.

В последние десятилетия в немецком языке, как в одном из основных языков Европы наблюдаются стремительные изменения в области лексики. В чем кроется причина быстрого пополнения словарного запаса? На этот счёт существует несколько точек зрения, но на наш взгляд, существенную роль в обогащении новыми словами немецкого языка сыграл английский язык. Именно этот язык обогатил немецкий язык многочисленными синонимами и новыми понятиями. Поскольку английский язык пользуется всевозрастающей популярностью в мире и относится к международным языкам, на котором ведутся переговоры и обучение во многих странах мира, проходят научные конференции, публикуются доклады и т.д., то большинство новых слов приходит именно из этого языка.

Займствование — один из самых динамичных процессов в современных языках и представляет собой интерес с точки зрения взаимодействия английского и немецкого языков. Займствованное слово определяется Э. Хаугеном как перенесенная лексема, при этом ученый подчеркивает, что ее форма в заимствующем языке должна находиться в более или менее полном диафоническом соответствии с иностранным образцом. В противном случае мы имеем дело с займствованием-сдвигом (происходит сдвиг в значении лексемы родного языка), индуцированными образованиями, займствованными образованиями, займствованными расширениями (значений) [Хауген, 1972, с.358].

Итак, займствование определяется, как переход элементов одного языка в систему другого языка в результате более или менее длительных контактов между этими языками под влиянием интра- и экстралингвистических факторов [Крысин, 1996, с.18].

На разных этапах развития языков могли заимствоваться: — фонемы (фонема «ф» была заимствована из греческого языка);

— морфемы («-изм», «анти-» и другие);

— образование синтаксических конструкций по иноязычным образцам (например сочетание «Подводя итоги» — результат влияния английского синтаксиса);

— слова.

Последний вид — лексическое займствование — является наиболее частым и типичным видом языкового заимствования.

Причины лексического заимствования могут быть внешними и внутренними.

Кратко остановимся на каждой из этих причин.

По мнению Е. В. Розен внешними заимствованиями следует считать те заимствования, которые возникают вследствие тесных политических, торгово-экономических связей между народами-носителями языков. Как правило, результатом данного влияния оказывается займствование слова вместе с введением в свой обиход вещи или понятия из другого региона (Эти слова типа *компьютер*).

В отношении внутренних заимствований считается, что они возникают в связи с дифференциацией наименований, поскольку языку присуща тенденция к расслоению языковых средств по смыслу. В результате этого процесса значение, выражаемое одним словом, может уточняться с помощью другой звуко-графической оболочки и эти два смысла получают родную и иноязычную номинацию, например, существуют *страх и паника, рассказ и репортаж* [Розен, 1991].

Прежде чем установить по каким причинам англицизмы попадают в немецкий язык, необходимо дать определение этому понятию, и выяснить в какой сфере немцами пользуются особенно активно.

Англицизмами называют английские слова или выражения, которые проникли в другой язык и были адаптированы им. В Германии данный процесс шел на протяжении нескольких десятилетий, и теперь очень модно употреблять английские слова вместо немецких. Как правило, это свойственно, прежде всего, представителям молодого поколения. Те, кто владеет английским языком, употребляют их часто и легко. В торговых центрах или крупных вокзалах на каждом шагу встречаются английские выражения: *Sale* (распродажа), *Moon light* (лунный свет), *Check in* (регистрация), *Image—Centre* (престижный центр), *City—Shopping* (посещение магазина в городе).

Какова же доля заимствованных слов в немецком языке? Как часто в современном немецком языке используются английские заимствования?

Денисова Ю. Н. пишет, что если немецкий лексический состав насчитывает приблизительно 300000—500000 слов, то количество заимствованных слов варьируется в пределах 100000 слов. Больше всего заимствований среди существительных, далее следуют прилагательные, затем идут глаголы и лишь потом другие части речи. Тем не менее, даже в рекламных текстах, которые считаются самыми насыщенными иностранными словами, количество английских заимствований составляет 4% от всех использованных слов [Денисова, 2000].

Учёные выделяют несколько причин проникновения английских слов и выражений в немецкий язык и их благополучной адаптации:

Все страны мира находятся в тесной связи друг с другом. Политические и экономические события, социальные потрясения, которые переживают одни страны, влияют на политическую жизнь в других странах и приносят с собой новую лексику, понятия и выражения в другие языки. Немецкий язык обогатился за счет греческих и латинских слов в XV—XVI веках. В результате этого процесса возникло много интернационализмов. В XVII—XVIII веках немецкий язык попадает под влияние французского языка. В период после Второй мировой войны ФРГ находилась под политическим и экономическим влиянием США и Англии, что вызвало поток новых слов из англо-американского языкового пространства.

Англицизмы из различных профессиональных сфер и, прежде всего, спорта, музыки, экономики и техники проникают в повседневную жизнь, например, *Fan* (фанат), *Match* (матч), *Job* (работа), *Team* (команда), *Computer* (компьютер).

Эти сферы наиболее подвержены иноязычному влиянию, поскольку возникают новые термины в связи с использованием новых технологий, в основном из США. Профессионализмы поставляют богатый материал для развития языковой системы. Многие термины сегодня активно переходят в повседневную речь.

Ученые считают, что внедрение иностранных слов в немецкий язык вызвано отсутствием в нем специальных наименований для некоторых поступающих из-за границы предметов, вещей, понятий, которые можно обо-

значить только с помощью описания, используя при этом словосочетания или даже целые предложения. Например, *Public Relations* (связь с общественностью) обозначает по-немецки: *Öffentlichkeitsarbeit* (работа с общественностью), *öffentliche Beziehungen* (общественные отношения), *Kontakt- und Meinungspflege* (поддержание контактов и обработка мнения) [Денисова].

Что же касается распространенности употребления англицизмов, то здесь наблюдается их тотальное проникновение во все сферы жизни в Германии. К данным сферам относят прежде всего:

рекламу, которая охотно использует английские и американские понятия, чтобы пропагандировать чужой образ жизни и представить своим клиентам дух другого «желанного и красивого» мира. Рекламные агенты считают, что немцам приятнее покупать *Lotion* (лосьон), *Snacks* (печенье), *Conditioner* (кондиционер). Широко распространена рекламная лексика: *Slogans* (слоган), *Marketing* (маркетинг), *Corporate Identity* (корпоративный стиль), *Promotion* (рекламная акция), *Image* (имидж), *Message* (сообщение);

технику, особенно мир компьютеров и интернет, который накладывает на язык свой особый отпечаток: *Mouse* (мышь компьютерная), *E-Mail* (электронная почта). Немецкий язык имел в своем арсенале и прежде такие технические англицизмы из других областей техники, как: *Airbag* (воздушная подушка), *Display* (экран), *Playstation* (игровая приставка), *Joystick* (джойстик) и т.д.;

спорт, который расширяется за счет типично американских видов спорта, в связи с чем проникают соответствующие понятия, которые облегчают спортсменам и болельщикам общение и понимание: *Surfing* (скольжение на гребне воды прибоя на специальной доске), слово, которое сформировало свой тематический круг, включающий *Surfboard* (доска для серфинга), *Windsurfer* (спортсмен, занимающийся серфингом), *surfen* (заниматься серфингом). В сфере спорта наблюдается трансноминация — замена немецких наименований английскими: вместо *Trainer* — *der Coach*. Спортивные комментаторы пополнили тезаурус любителей спорта словами: *der Crack* (выдающийся спортсмен), *der Libero* (свободный игрок), *der Hobby-Sportler* (спортсмен-любитель).

искусство и музыку, которые пополнились новыми направлениями: *Action-Painting* (абстрактная американская живопись), *Pop-Art* (*non-art*); искусство декоративного плаката ввело слово *der Poster* (плакат-постер), в музыке возродилось течение *Rock*, отсюда *Rock-Revival*, *der Flop*, являющееся антонимом к слову *der Hit*.

Рассмотрение одного из способов пополнения немецкого языка новыми словами, а именно заимствованиями из английского языка, показало его очевидную продуктивность. Но хорошо ли такое развитие для националь-

ного языка, когда его носители предпочитают говорить не так, как было принято раньше? Что красивого в том, что язык теряет своеобразие, идя на поводу у моды? Маловероятно, что такие вопросы ставят перед собой рядовые

немцы, их не смущает большое количество английских слов в немецком языке. Но это беспокоит лингвистов, ведущих речь об угрозе «лингвистической катастрофы» в Германии.

Литература:

1. Денисова, Ю. Н. Английские заимствования в немецких рекламных текстах [Электронный ресурс] / Ю. Н. Денисова, Е. В. Корнева. — Воронеж: ВГТУ, 2000. — Режим доступа: <http://tpl1999.narod.ru/>
2. Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современной жизни / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия. — М.: Просвещение, 1996. — 261 с.
3. Крысин, Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л. П. Крысин // Русский язык в школе. М., 1994, N. 6 — с. 56–63.
4. Розен, Е. В. Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке / Е. В. Розен. — М.: Просвещение, 1991–192 с.
5. Хауген, Э. Процесс заимствования / Э. Хауген // Новое в лингвистике: Языковые контакты. Вып. 6 М.: Прогресс, 1972. — с. 344–382.
6. Carstensen, Broder, Hengstenberg, Peter: Zur Rezeption von Anglizismen im Deutschen / Broder Carstensen, Peter Hengstenberg // Germanische Linguistik, 1982. — S. 1–4, S. 67–118

Методическая целесообразность использования технологии проблемного обучения на уроках русского языка и литературы

Сабитова Динара Равильевна, преподаватель русского языка и литературы
Московский областной колледж информационных технологий, экономики и управления

Новые образовательные технологии сегодня являются необходимым условием интеллектуального, творческого и нравственного развития обучающихся. «Развитие» становится ключевым словом педагогического процесса, сущностным, глубинным понятием обучения.

Современную парадигму образования принято называть социально-личностным, личностно ориентированным, гуманным образованием.

Главной целью современного образования является развитие социально значимых качеств учащихся в процессе воспитания и обучения:

— развитие интеллектуальных и творческих способностей учащихся, нравственных ценностей с тем, чтобы выпускник был способен к самореализации, самостоятельному мышлению, принятию важных для себя решений;

— воспитание ответственности учащегося за успех учебной деятельности;

— формирование способности к объективной самооценке — рефлексии.

Достижению этих целей способствует построение учебного процесса, ориентированного на личность учащегося с учетом его индивидуальных особенностей и способностей. В центре учебного процесса — ученик, его познавательная и творческая деятельность.

Современный урок русского языка и литературы должен быть обучающим, воспитывающим, развивающим

и интересным. Поэтому использование современных образовательных технологий на уроках и в воспитательной работе — потребность сегодняшнего дня.

В своей педагогической деятельности активно использую технологии проблемного обучения, личностно-ориентированные технологии, групповые, компьютерные технологии, гуманно-личностную технологию Ш. А. Амонашвили.

Проблемное обучение — это такая организация учебных занятий, которая предполагает создание под руководством учителя проблемных ситуаций и активную самостоятельную деятельность учащихся по их разрешению, в результате чего и происходит творческое овладение профессиональными знаниями, навыками, умениями и развитие мыслительных способностей. Компонентами проблемной ситуации являются объект и субъект познания и мыслительное их взаимодействие

Реализация проблемного обучения повышает мотивацию к познавательной деятельности, способствует глубокому пониманию учебного материала, формирует конструктивное отношение учащихся и воспитанников к такому явлению как «проблема».

Цели проблемного обучения

1. Развитие мышления и способностей учащихся, развитие творческих умений.

2. Усвоение учащимися знаний, умений, добытых в ходе активного поиска и самостоятельного решения проблем, в результате эти знания, умения более прочные, чем при традиционном обучении.

3. Воспитание активной творческой личности учащихся, умеющей видеть, ставить и разрешать нестандартные проблемы.

4. Развитие профессионального проблемного мышления.

Задачи:

Обучающая — изучение мотивации всех учеников, способность актуализации, закрепления и обобщения полученных знаний, самостоятельное конструирование новых знаний.

Развивающая — способствовать овладению культурой ведения дискуссий, умению высказывать собственные оценочные суждения и аргументировать свою точку зрения, формирование навыков самооценки и самоанализа учебной деятельности, создавать целостное видение проблемы.

Воспитательная — воспитание навыков самостоятельной деятельности, навыков коллективного труда, коллективного сотрудничества.

Когда вы слушаете, вы забываете,

Когда вы видите, вы понимаете,

Когда вы действуете, вы научаетесь.

Основные приемы преподавания в методике проблемного обучения: постановка проблемы, создание проблемной ситуации, разрешение проблемной ситуации (поиск), анализ полученного решения.

Активные методы позволяют на уроке:

— формировать собственное мнение, высказывать его, уметь аргументировать.

— учиться слышать и слушать другого человека, уважать мнение собеседника.

— обогащать свой социальный опыт путем включения и переживания тех или иных ситуаций.

— продуктивно усваивать учебный материал, активно и творчески работать, проявлять свою индивидуальность.

Подготовительный этап проблемного урока.

Определение темы и задач урока.

1. Ознакомление учащихся с заданиями, их обсуждение и возможная корректировка.

2. Распределение заданий: общие, групповые, индивидуальные

3. Накопление, отбор материала.

4. Консультации для всего класса.

Структура урока — исследование.

Основные этапы данного урока:

— актуализация знаний.

— мотивация.

— создание проблемной ситуации.

— определение темы исследования.

— формулирование цели исследования.

— выдвижение гипотезы.

— проверка гипотезы (чтение литературы, размышления)

— интерпретация полученных данных

— вывод по результатам исследовательской работы.

— применение новых знаний в учебной деятельности.

— подведение итогов урока.

— домашнее задание.

Реализация принципов обучения на уроке:

Принцип наглядности обучения в комплексном решении задач, научность обучения, соблюдение принципа систематичности и последовательности формирования знаний, умений и навыков.

Характер познавательной деятельности: репродуктивный, поисковый, творческий, индивидуализация и дифференциация обучения.

Приемы создания проблемных ситуаций используются следующие:

1. Преподаватель подводит студентов к противоречию и предлагает им найти способ его решения.

2. Преподаватель побуждает студентов делать сравнения, обобщения, выводы из ситуации, сопоставлять факты.

3. Ставятся конкретные вопросы на обобщение, обоснование, конкретизацию, логику рассуждения.

4. Даются исследовательские задания по тексту, литературоведческим источникам, ведется репродуктивная и частично — поисковая работа по тексту.

Описание опыта внедрения технологии проблемного обучения (на уроках русского языка и литературы)

Теоретическое обоснование своей деятельности сделать достаточно трудно. Безусловно, ориентироваться на методические рекомендации полезно, но никакая наука не даст конкретному учителю рецепт конструирования образовательного процесса в том студенческом коллективе, где он работает. В любых методических описаниях главное для преподавателя — идеи (или интересные приемы), которых обычно бывает немного.

Выбор технологий, средств организации образовательного процесса, методов и приемов у преподавателя очень многогранен. Какие из них дадут оптимальный результат? На этот вопрос отвечать каждому преподавателю самостоятельно, и очень важно не только правильно выбрать, но и обосновать свой выбор.

Для того, чтобы студент на уроке действительно работал, понял новую тему, сам делал выводы и умел доказать свою точку зрения, на уроках русского языка и литературы я активно применяю технологию проблемного обучения.

На таких уроках создаю ситуацию дискомфорта в познавательной деятельности учащихся: ставлю вопросы, на которые нет готового ответа, сталкиваю разные точки зрения, таким образом создаю проблемную ситуацию. Студент ставится в ситуацию исследователя, пытаюсь самостоятельно находить и критически оценивать способы

решения возникающих перед ним задач. Именно на уроке формируется исследовательская позиция учащегося, который не столько объект обучения, сколько самоизменяющийся субъект учения, совершающий вместе со мной свои большие и маленькие открытия.

Примером внедрения проблемного обучения являются уроки, проведенные мной. Один из них — «Виды сказуемого. Простое глагольное, составное глагольное, составное именное сказуемое».

В начале урока создаю ситуацию успеха: предлагаю предложения, в которых подлежащее выражено существительным, а сказуемое — глаголом. Далее создаю проблемную ситуацию: даю предложения, в которых сказуемое выражено существительным, прилагательным, наречием. **Осень — прекрасная пора.** (Осень *была* прекрасной порой. Осень *будет* прекрасной порой.) **Дни солнечные.** (Дни *были* солнечные. Дни *будут* солнечные.) **На улице тепло.** (На улице *было* тепло. На улице *будет* тепло.)

Известный способ для решения задачи не подходит. Студенты предлагают разные варианты, но решения нет. Даю подсказку: «Попробуйте сначала найти сказуемое, изменив предложение по времени». Ребята изме-

няют предикативность, относят содержание предложения к прошедшему и будущему времени, обращая внимание на то, что появляется слово «*быть*», которое и является сказуемым. В настоящем времени оно в нулевой форме. Обязательно находится студент, который обращает внимание на то, что у сказуемого «*была*» в предложении «Дни были солнечные» нет лексического значения, а значит, ищем слово, в котором оно заключено. (Выходим на понятие «составное сказуемое»). Способ нахождения сказуемого найден. И от него по вопросу находим подлежащее. Учащиеся теперь могут ответить на вопрос: «Почему этот способ нахождения сказуемого и подлежащего точнее?» «Потому что подлежащего может не быть, а если и есть, не всегда от него можно задать вопрос «что делать?»».

Использование технологии проблемного обучения на уроке позволяет индивидуализировать и дифференцировать процесс обучения, контролировать деятельность каждого, активизировать творческие и познавательные способности учащихся, оптимизировать учебный процесс, значительно увеличить темп работы. Это приводит к росту качественной успеваемости и сохраняет устойчивый интерес к русскому языку и литературе на протяжении всех лет их изучения.

Литература:

1. Бабанский, Ю.К. Проблемное обучение как средство повышение эффективности учения школьников. — Ростов-на-Дону, 1970.
2. Гальперин, П.Я. Методы обучения и умственное развитие ребенка. — М.: Изд-во МГУ, 1985.
3. Крутецкий, В.А. Основы педагогической психологии. — М.: Просвещение, 1972.
4. Крутецкий, В.А. Психология обучения и воспитания школьников. — М., 1976.
5. Кудрявцев, Т.В. Проблемное обучение: истоки, сущность, перспективы. — М.: Знание, 1991.
6. Лернер, И.Я. Дидактические основы методов обучения. М.; Педагогика, 1984.
7. Мельникова, Е.Л. Технология проблемного обучения. Школа 2100. Образовательная программа и пути ее реализации. М.: Баласс, 1999.

Коннотативное цитирование как форма речевой агрессии (на материале текстов сторонников движения чайлдфри в сети Интернет)

Сайфеева Камила Марселевна, студент
Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (г. Москва)

С появлением сети Интернет общение единомышленников стало значительно доступнее. Часто пользователи Интернета объединяются в сообщества, в которых вступают в контакт с людьми, разделяющими их взгляды. Члены референтной группы рано или поздно сталкиваются с сообществом-оппонентом, сторонники которого своими взглядами составляют первым контраст. С появлением такого сообщества обсуждение важных для оппозиционных групп вопросов принимает вид дискуссии, часто переходящей в открытый спор и выяснение отно-

шений, взаимный обмен оскорблениями. При таком стиле общения естественно и неизбежно возникновение негативного отношения к оппонентам. С неприязненным отношением связано часто встречающееся в таких сообществах представление сторонников полярных взглядов в весьма неприглядном свете. И одним из способов такого «очернения» является создание обобщенного речевого портрета членов контрастной группы с помощью «коннотативного цитирования» — такого способа передачи чужой речи, в котором отражается отношение цити-

рующего к цитируемому человеку. В нашем исследовании контрастирующими сообществами являются виртуальные группы чайлдфри («чайлдфри» (англ. *childfree* — свободный от детей; англ. *childless by choice, voluntary childless* — добровольно бездетный) — субкультура и идеология, характеризующаяся сознательным нежеланием иметь детей. Основная идея чайлдфри — отказ от детей во имя личной свободы и пропаганда бездетного образа жизни [1]) и матерей, объединяющихся для обсуждения вопросов по уходу за детьми («овуляшек», как их называют чайлдфри, хотя изначально лексема возникла как самоназвание)). В настоящее время в социальной сети «ВКонтакте» существует около десяти открытых для публичного просмотра групп о движении чайлдфри и примерно столько же закрытых. Данные сообщества насчитывают тысячи участников — сторонников идеологии. Среди обсуждений — альтернативное времяпрепровождение без детей, семья без детей, интересы и хобби, альтернативные тем, что есть у имеющих детей, творчество, карьера. Однако если обратиться непосредственно к сообщениям, размещаемым на «стене» группы или в рамках обсуждений, то станет очевидно, что эти высказывания имеют явный агрессивный характер и направлены на дискредитацию рожающих женщин. Справедливости ради отметим, что члены групп для матерей тоже бывают весьма резки в своих оценках, и тогда их речь можно расценить как агрессивную, однако в нашей работе мы остановимся на исследовании некоторых из особенностей речевого поведения именно чайлдфри. Причин для конфликтов между представителями противоборствующих групп довольно много, но сводятся все они в конечном счете к одному вопросу — иметь детей или нет.

Цель данной статьи — изучить и описать, обращаясь к материалу текстов сторонников движения чайлдфри, особенности цитирования ими своих оппонентов как один из способов экспликации речевой агрессии.

Определимся с понятием **речевой агрессии**. Нам близка позиция Романовой Н. Н. и Филиппова А. В., которые указывают, что это «речевая грубость по отношению к собеседнику, проявляющаяся в отборе резких, оскорбительных слов, в том числе нецензурных ругательств, насмешливых интонаций, в повышенной громкости голоса, в резко отрицательных оценках собеседника, неприятных для него намеках, грубой иронии и др. Некультурное речевое поведение» [2, с. 1]. Ключевыми для коннотативного цитирования являются следующие элементы: насмешливые интонации, резко отрицательные оценки собеседника (в данном случае представленные завуалированно), грубая ирония. Речевая агрессия возникает под влиянием различных побуждений и приобретает разные способы выражения [3]. С одной стороны, вербальная агрессия служит выражением отрицательных эмоций и чувств. К эмоциям и чувствам, вызывающим речевую агрессию, можно отнести злость, раздражение, обиду, недовольство, отвращение, презрение и пр. [там же]. Такая агрессия возникает

чаще всего как ответная реакция на внешний раздражитель. Например, человеку нагрубили в магазине, наступили на ногу в автобусе, отказали в какой-то просьбе, возразили в споре — ответом на этот физический или психологический дискомфорт часто может быть брань, ругань, словесные нападки на собеседника, основной функцией которых являются психологическая разрядка, снятие нервного напряжения, избавление от негативных эмоций. С другой стороны, речевая агрессия может возникать и как особое намерение — целенаправленное желание говорящего нанести коммуникативный урон адресату (унизить, оскорбить, высмеять и т.п.) или реализовать таким «запрещенным» способом какие-то свои потребности (самоутверждения, самозащиты, самореализации и др.) [там же]. Последняя разновидность речевой агрессии наиболее опасна в коммуникативном отношении, поскольку она представляет собой продуманный, спланированный, подготовленный речевой акт, цель которого — нанесение коммуникативного вреда адресату, и именно она, по нашему мнению, реализуется посредством коннотативного цитирования. Условиями проявления речевой агрессии в данном высказывании или конкретной речевой ситуации являются, по разделяемому нами мнению Ю. В. Щербининой [Щербинина 2004: 1], прежде всего, следующие:

— отрицательное коммуникативное намерение говорящего (например, унизить адресата, выразить негативные чувства и эмоции и т.п.);

— несоответствие высказывания характеру общения и «образу адресата» (например, фамильярное обращение в официальной обстановке; обращение только к одному собеседнику при групповом общении; обидные намеки в адрес собеседника и т.п.);

— отрицательные эмоциональные реакции адресата на данное высказывание (обида, гнев, раздражение и т.п.) и отражающие их ответные реплики (обвинение, упрек, отказ, выражение протеста, несогласия, ответное оскорбление и т.п.) [3].

Речевая агрессия препятствует реализации основных задач эффективного речевого общения: затрудняет полноценный обмен информацией, тормозит восприятие и понимание собеседниками друг друга, делает невозможной выработку общей стратегии взаимодействия. Изучение речевой агрессии является необходимым условием, обеспечивающим коммуникативную безопасность отдельной личности и общества в целом. Особую силу речевая агрессия приобретает в рамках взаимодействия членов оппозиционных групп, в результате чего в споре не рождается истина, а лишь наносятся моральный и эмоциональный урон друг другу — как открыто, направленно, так и завуалированно, например, с помощью особых способов цитирования оппонента. Подобная форма речевой агрессии приобретает всё большее распространение в СМИ и особенно — в сети Интернет, однако предельно мало изучена, чем объясняется актуальность предлагаемого исследования.

Обратившись к анализу текстов виртуальных сообщений чайлдфри, мы увидели, что в сообщениях пользователей реализовано несколько коммуникативных стратегий, ключевыми из которых являются **стратегия дискредитации «чужого» и императивная стратегия, направленная на возвышение «своего»** [1, с. 171]. По мнению Л. В. Баевой, «важнейшей причиной экстремистского, интолерантного, агрессивного отношения выступает именно психологический барьер «свой — чужой», страх перед непохожим на себя [Баева]. Возникает необходимость представить того, Другого, «непохожего на нас» в отрицательном свете, нередко преувеличенном. По негласному согласованному решению единомышленников создаётся обобщённый негативный образ «чужих». К «чужим» чайлдфри относят: общество, которое навязывает традиционные стереотипы семейного счастья (подруги, родители, родственники, коллеги), невоспитанных детей, безответственных родителей, политиков (прежде всего депутата В. В. Милонова). Но ядро «чужих» составляют многодетные матери («овуляшки», «свиноматки», «размноженцы», «детные», «инкубаторы», «плодачки», «коровы» и т. п.). Роль цитирования приобретает особую силу и эффективность именно в виртуальном пространстве, поскольку коммуниканты общаются в группах социальных сетей в письменном виде, особенности плана выражения написанного становится не менее, а иногда и более важным, чем план содержания. Для нас представляет интерес такой способ цитирования, который можно назвать коннотативным, поскольку он довольно прозрачно передаёт отношение к цитируемым (преимущественно негативное).

Нами были выявлены следующие способы коннотативного цитирования (орфография и пунктуация сохранены):

1. Более или менее правильно оформленная цитата с использованием кавычек: *как зачем? «ну мою лялю же по телеку покажут! все родственники смотреть будут!»*; *Мне как-то раз, на похожий вопрос, спустя 3 дня ответили фееричной фразой «Свои будут и сама все поймешь»*; *Ах, как же бомбит от аргументов «вот раньше жили»*; *Тоже бесит. Обязательно в любой подобной теме найдётся умник, который скажет: «А вот в войну рожали»*; *Я сделала замечание мамаше и бабуле. Они: «это же ребёнок! Ишь фря какая!»* *Граждане, где вежливость?*; *Мы собрались открыть форточку, как мамаша завопила «Нельзя, он заболел!»*; *Но я еще помню, как мне постоянно тыкали «ты просто еще не доросла», «станешь старше — по-другому запоёшь» и тому подобными штампами. Молодой — необязательно «глупый», «неразумный»*; *Во-вторых, они искренне убеждены, что «дети — счастье»*; *Я хочу поделиться с вами своими мыслями и личным примером о «А если бы твоя мать тебя не родила! Тебя бы то же не было!»*; *Начинается опять: «Цитаток в интернете своём начиталась» и т.д.*;

Такой способ передачи чужой речи представляет собой цитирование в прямом смысле этого слова: цитаты в этом случае приводятся максимально точно, без изменений. Коннотативно-оценочный компонент в подобных цитатах связан с передачей интонации, стиля речи цитируемых, которые преподносятся как несдержанные, навязчивые, бескомпромиссные люди, повторяющие одно и то же.

2. Цитата, заключённая в кавычки, с намеренным нарушением орфографических и пунктуационных норм: *Просто КАЖДАЯ мне скажет: «Вот подрастёшь — захочешь родить дитачек»*; *Ну вот, опять кто-то завидует успешным женщинам, и желает им «материнского щастя», которое может всё это угробить; судя по ее словам она «Творческая личность, поэт, художник и очинь скромная»*; *самое главное забыли «вот купиш свой дом там и живи как хочиш!!!»*; *История про «дитяцки укрепляют брак»*; *Но почему девушки так любят выпячивать своё «я типерь взамужняя!»*; *О том, «шо люды скажут», переживают только тетки*;

Как мы можем заметить, в этом случае к речевому портрету цитируемых добавляется характеристика «безграмотные», «необразованные», что, по мнению чайлдфри, связано с ограниченностью «овуляшек» и отсутствием у них времени на самообразование. Такая характеристика иногда подчёркивается сильнее: *мы Одыкватные РодитИЛИ!!!! пАнятНА!!!* Безусловно, нарушение орфографических и пунктуационных правил русского языка при таком цитировании гипертрофированно и отражает впечатления сторонников движения чайлдфри от взаимодействия с малограмотной частью матерей. Оценка матерей-пользователей Интернета как безграмотных, безусловно, является обобщением. Подобное явление можно объяснить тем, что негативные черты, даже свойственные лишь части той или иной группы, запоминаются лучше и сплетаются в сознании оценивающих в единый обобщённый образ, особенно если последние заинтересованы в представлении оппонентов в негативном свете.

3. Цитата с кавычками, оформленная в виде слитного образования из нескольких слов: *Lidia, да вообще пипец!одно только «детищасье!!!»*; *и тыкаем им всем, кто заявит «у вас детей нет вынипанимаити!»*; *Все мы так или иначе слышали от этих замечательных людей ряд высказываний на предмет «потомпожалеешь»*; *любимое всеми овулями «Итаутибьядрастковое»*; *нереально бесит, что все думают — «тыещеизменишьсваемнение!»*; *Правда, годом ранее она сказала, чтобы я не зарекалась, но никаких заявлений «дитачкащастье», «хочупоняньчитьвнуков» я никогда от неё не слышала*;

Подобные формы цитирования представляют особый интерес, здесь имеет место агглютинация, в последнее время получившая особое распространение в сети Интернет. Обусловлена она тем, что приводимые высказывания оппонентов приводятся в качестве штампов, затёртых, надоевших, предсказуемых фраз, которые про-

износятся «чужими» постоянно и не к месту. Приводимые фразы-монолиты становятся своего рода опознавательным знаком, характеристикой «овуляшек», понимаемыми и узнаваемыми всеми членами движения чайлдфри. Часто подобные образования оформляются без кавычек: *как я поняла автор отпрысков не любит но заведет ради стаканвады; она молодец, ведь онажемать; ВВАЙНУРАЖАЛИ, говорите? Ну-ну, и помирили скопом; ты ничево нипанимаешь, этаждееееетии!!* Этому, на наш взгляд, существует два объяснения: экономия сил и стремление к высокой скорости написания — с одной стороны, и восприятие фраз как окончательно стёртых, предельно часто употребляемых — с другой.

4. Ещё один способ коннотативного цитирования — написание фразы шрифтом caps lock. Здесь подчёркивается в первую очередь эмоциональность, громкость, агрессивность и безапелляционность тона цитируемых: *Это же смысл жизни!!!! НАШИ ДЕТИ — НАШЕ ВСЕ!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!; не поймут и начнется ТЫЖЭЩЕСАМАРЕБЕНОК или ВЫРОСТЕШЬПОЙ-МЕШЬ!!; Татьяна, но ГЛАВНОЕЖИДИТАЧКА!!!!; Тоже приходилось вести себя КАКФСЕДЕТИ;*

Цитируемые «чужие» рисуются здесь не только безграмотными, но и несдержанными, безапелляционными холериками, не принимающими в расчёт чужое мнение, агрессивно навязывающими окружающим своё видение мира.

Как можно увидеть, посредством коннотативного цитирования в полной мере удовлетворяются условия проявления речевой агрессии:

1. Цитирующий, отстаивая свою точку зрения, стремится унижить своего оппонента, представить его в максимально невыгодном свете.

2. Делаются обидные намёки в отношении цитируемого (чаще всего они не адресуются напрямую оппоненту, а осуществляются в пределах общения самих чайлдфри, однако в большинстве случаев доступны «чужим», о чём прекрасно знают цитирующие: *Знаю, что сюда заглядывает много яжематерей, поэтому хочу рассказать немножко о себе. Итак, мои дорогие овуля-*

шечки — я девушка, мне 20 лет.). Чайлдфри с помощью подобных цитат намекают главным образом на необразованность, малограмотность, ограниченность, узость мышления «мамочек» — «ведь их головы забиты лишь вопросами продолжения рода и выращивания потомства, где уж тут время на саморазвитие».

3. Безусловно, подобные способы цитирования, поскольку они содержат негативную коннотацию, не остаются незамеченными оппонентами, вызывают у последних отрицательные эмоциональные реакции (обида, гнев, раздражение и т.п.) и отражающие их ответные реплики (обвинение, упрек, отказ, выражение протеста, несогласия, ответное оскорбление и т.п.).

Из приведённых примеров видно, что для реализации речевой агрессии большое значение приобретает контекст: *Ах, как же болбит от аргументов "вот раньше жили"; Тоже бесит. Обязательно в любой подобной теме найдётся умник, который скажет: "А вот в войну рожали"; Но я еще помню, как мне постоянно тыкали "ты просто еще не доросла", "станешь старше — по-другому запоёшь" и тому подобными штампами; любимое всеми овулями "Итаутибянадрастковае"; нереально бесит, что все думают — "тыещеизменишьсваемнение!".* Эмоционально-оценочные слова здесь подчёркивают негативное отношение пишущих к своим оппонентам в общем и к их высказываниям-«штампам» в частности.

Итак, изучение речевого поведения членов движения чайлдфри позволяет сделать вывод о том, что цитирование ими своих оппонентов содержит коннотативный элемент и представляет собой форму речевой агрессии, поскольку совершается с целью оскорбить цитируемых, снизить значимость их высказываний для окружающих, привлечь на свою сторону представителей нейтральной стороны, самим укрепиться в верности разделяемой точки зрения и принятых в связи с ней решений. Цитаты, содержащие коннотативный элемент, нередко окружаются негативно окрашенными эмоционально-оценочными словами, что значительно усиливает агрессивность коннотативного цитирования.

Литература:

1. Антонова 2013 — Ю.А. Антонова. Коммуникативные стратегии в текстах, репрезентирующих идеологию childfree: на грани экстремизма // Политическая лингвистика 2 (44)'2013.
2. Романова, Филиппов 2009 — Н.Н. Романова, А.В. Филиппов. Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология. — М.: Флинта, 2009.
3. Щербинина 2004 — Ю.В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления // Электронная библиотека TheLib.Ru: URL: http://thelib.ru/books/yuliya_vladimirovna_scherbinina/russkiy_yazyk_recheyaya_agressiya_i_puti_ee_preodoleniya-read.html (2014, 14 июля).
4. Виртуальные сообщества чайлдфри в социальной сети «ВКонтакте» // URL: <https://vk.com/russianchildfree>, https://vk.com/overhear_childfree, https://vk.com/childfree_forever.

Функции диалектной лексики в автобиографической прозе В. П. Астафьева

Скородумова Яна Андреевна, магистрант

Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева

Статья посвящена вопросам изучения диалектизмов и их функционирования в художественном произведении. Выделяются особенности диалектизмов как слов стилистически нейтральных непосредственно в диалекте, но стилистических окрашенных в речи автора и персонажей. Дается классификация функций диалектизмов в соответствии с классификацией функций слова. Статья представляет особый интерес для исследователей диалектной лексики и исследователей идиостиля Виктора Петровича Астафьева.

Ключевые слова: Астафьев, диалектизм, функции диалектизмов, народная речь.

Изучение диалектных слов позволяет проследить влияние народной речи на становление и развитие русского языка. Работы Зализняк А. А., Хабургаева Г. А. В современной лингвистике важным становится и влияние литературного языка на диалект. Актуальность изучения диалектизмов заключается в том, что в последнее время активизируется процесс исчезновения диалектной лексики. Происходит это вследствие двустороннего воздействия на диалект литературного языка и разговорной речи, что приводит к нивелированию диалектных особенностей.

Диалектизмы воспринимаются как символ народной речи. Использование их в художественной литературе традиционно. Диалектизмы в произведениях воспринимаются как экспрессивные, эмоционально окрашенные слова, которые помогают более выразительно передать изображение жизни. «... У Астафьева народность представлена через естественную <...> передачу народного восприятия» [4, с. 48].

Задача настоящей статьи — проследить на примере лексико-семантической группы «Деревенский быт» функции диалектизмов в рассказе В. П. Астафьева «Запах сена».

Функции диалектной лексики в языке различны. Так, в сфере устного речи на той или иной территории они по-прежнему остаются одним из средств общения. В письменных формах языка некоторые диалектизмы помогают более доступно и понятно для местных читателей называть отдельные предметы, явления, процессы.

В языке художественной литературы диалектизмы используются для изображения местных географических особенностей, специфики быта, культуры. Они помогают ярче охарактеризовать героев, передать индивидуальность их речи, а иногда служат и средством создания сатирической окраски.

Употребление диалектных слов в языке художественной литературы, в газетной речи — один из путей их проникновения в литературный язык. Но из них лишь немногие входят в его словарный состав. Например, широкое использование в газетной речи в свое время областных слов *закрома*, *зеленя* и других примело к тому, что в современных словарях эти слова уже даются без пометок *областное*.

В лингвистической литературе выделяют следующие функции диалектов в художественном тексте:

1. Характерологическая функция — диалектизмы служат подтверждением социальной характеристики пер-

сонажей: социальной (речь крестьянина; речь любого деревенского жителя; речь или необразованного малокультурного человека, или человека из народа, несущего глубокое национальное мироощущение); по территории принадлежности (речь человека, родившегося и выросшего в какой — либо определенной местности); индивидуальной характеристики речи. Часто эти подзначения в диалектизме синкретичны.

2. Моделирующая функция — передача подлинной народной речи — обеспечивает в художественной литературе реалистический метод. Основная функция народно — разговорных слов, остальные вторичны по отношению к ней. Моделирующая функция воссоздается через прием отчуждения, который используется преимущественно в авторской речи (при прямом отчуждении указывается источник диалектизма); и через косвенное отчуждение, при котором литературное слово выделяется графически (кавычки, курсив) или объясняется в сносках, через синоним литературного языка или во вставной конструкции.

3. Номинативная функция — основная функция лексического уровня. Следует говорить о лексических диалектизмах, которые в литературном языке имеют эквиваленты, которые называют тождественные предметы, понятия, то есть являются синонимами. Особое значение это функция приобретает в данной группе слов через этнографизмы (слова, которые распространены только в определенной местности).

4. Эмотивная функция — передача через диалектизмы субъектного отношения к сообщаемому как героем, так и автором произведения.

5. Кульминативная функция — функция привлечения к слову внимания читателя. Осуществляется, во-первых, через прием нарушения целостности графического образа слова, то есть отступление от правил орфографии и грамматики: — ишшо — вместо «еще»; во-вторых, через введение в текст слов, чужеродных системе литературного языка, то есть лексических диалектизмов.

Кульминативная функция осуществляется через контексты, которые бывают однородными (диалектно — просторечно — разговорными, обычно в речи персонажей), контрастными (сопоставление диалектизмов с высокой, устаревшей лексикой, что не редко создает эффект иронии) и сфокусированными, когда диалектизм вы-

деляется, противопоставляется лексике литературного языка (прием стилистического контраста).

6. Эстетическая функция связана со вниманием к диалектизму как слову, обладающему особыми свойствами по сравнению с литературной лексикой (иногда ее понимают широко, противопоставляя моделирующей функции как основную функцию художественного текста, передающего не существовавшие, а выдуманные события).

7. Фатическая функция (индикативная, опознавательная) диалектизм связан прежде всего с особым образом автора — человека из народа, близкого своим героям и читателю, не чарующегося диалектного слова. Сущность данной функции заключается в том, что в авторской речи обычно употребляются диалектные слова для создания местного колорита и при этом они как бы отчуждаются. [4, с 53–55]

В Полном словаре лингвистических терминов под редакцией Т. В. Матвеевой основной функцией диалектизм выделяется экспрессивная номинация. [3, с 88]

Диалектизмы в анализируемом рассказе встречаются на протяжении всего повествования. Частотность их употребление обусловлена содержательной его стороной — это эпизод из деревенской жизни. Диалектные слова использованы как средства художественной выразительности.

Фонетические диалектизмы присутствуют в речи бабушки повествователя для создания образа: **подымуся, кровопивцы, накаркивать, лекаша, робятишки, токо, не лишка, клятое, сколь**. Примечательно то, что в речи других героев рассказа фонетических диалектизм нет. Таким образом В. П. Астафьев разграничивает лексикон одной семьи, показывая, что старшее поколение более традиционно в вопросе языкового общения.

Характерологическая функция ярко реализуется через речь бабушки. Автор за счет использования диалектных слов в речи своей героини создает реалистичный образ деревенского жителя.

Повествователю свойственно употребление диалектизм в их номинативной функции. «**Концы холщовой опояски** <...> **болтаются у него по бокам**»; «**Я подвожу ее к заплоту**»; «... оставил на нем **лафтак** языка»; «... убирали навоз из стайки, **пехалом** выталкивали снег со двора»; «Отвязали **бастриг** на первом возу»; «по городскому **зимнику**»; «версты две **целик** протопытали»; «... забрали **дохи** и, постукивая о ступеньки **ка-танками**, вошли в избу»; «**тычка** мне дала».

Литература:

1. Астафьев, В. П. Последний поклон: Повесть. — Красноярск: Кн. изд-во, 1981. — 552 с. // Запах сена. — с. 30–42.
2. Падерина, Л. Н., Самотик Л. Г. Словарь нелитературной лексики произведений В. П. Астафьева (на материале повествования в рассказах «Царь-рыба») (проект). / проблемы региональной лингвистики: сборник научных трудов. / Под. ред. С. П. Васильевой. — Красноярск: РИО КГПУ, 2003. — с. 578.
3. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. — Ростов н/Д: Феникс, 2010. — с. 562.
4. Самотик, Л. Г. Народность языка произведений В. П. Астафьева. // Творчество В. П. Астафьева филологический, исторический, философский аспекты. Материала научно — методической конференции, посвященной творчеству В. П. Астафьева. — Красноярск — Ачинск, 1998. — с. 46–56.
5. Русская диалектология. / Под ред. Касаткина Л. Л. — М.: 1989. — С 324.

Сейчас **зимник** дается в словаре без помет, что лишний раз показывает процесс нивелирования диалектных особенностей за счет влияние литературного языка.

Эмотивная функция т.е. диалектизмы способны отражать эмоции, субъективную оценку в тексте: «**стеленеет от мороза волос, торчит вразнотырку**»; «**являемся домой так устряпанные**»; «... так **зубоскалили** просто, а что получилось?»; При реализации эмотивной функции имеет значение контекст, в котором посредством других слов формируется эмотивная коннотация диалектизма.

« — Ты чего это на бабушку, **на родну**, зубы выставляешь, а?»; Включение диалектизма в риторическую конструкцию, которая не свойственна разговорному стилю речи. «**Эк, ведь они, кровопивцы**». Эмотивность в рассказе проявляется также на уровне структуры предложения.

Кульминативная функция — «**Покуль ее лупишь, потуль и везет**». Фонетические диалектизмы, которые звучат в речи бабушки Катерины Петровны, синтаксически схожи с народной пословицей.

Фатическая функция — « — Это купальница-цветок. — **Жарок, да?** — По-нашему — **жарок**». Сопоставительный фон диалектизма получается ярче его литературного эквивалента. В этой связи, стоит заметить, что слово **жарок** внутренне мотивированно его неязыковой действительностью (растение с яркими желтыми цветками).

Таким образом, в рассказе В. П. Астафьева «Запах сена» наиболее частотными являются характерологическая, номинативная и эмотивная функции диалектизм. Внелитературная лексика (к которой относят диалектизмы) гармонично вписывается в художественную ткань повествования, что свидетельствует о мастерстве автора, который умеет работать с уникальными словами.

Изучение диалектизм в художественном тексте раскрывает языковой потенциал уникальных региональных слов. Диалектные слова не имеют стилевой окрашенности, так как выступают в номинативной функции, называя предметы или явления, на определенной территории. Но, попадая в художественную литературу, приобретают дополнительные оттенки и становятся средствами художественной выразительности. Они позволяют точнее представить авторский замысел, глубже проникнуть в характер персонажей.

Проникновение китайской культуры в ходе обучения русскому языку

У Лижу, магистр, старший преподаватель
Чанчуньский университет (КНР)

Открытие предмета китайской культуры по специальности «Русский язык» в высших учебных заведениях способствует активности и возникновению интереса учащихся к изучению русского языка, улучшению способности к межкультурной коммуникации и комплексных качеств учащихся. Автор уделяет большое внимание функции проникновения китайской культуры в ходе обучения русскому языку и его практическому употреблению в ходе обучения русскому языку.

Ключевые слова: китайская культура, обучение иностранным языкам, гуманитарные качества, двухсторонний обмен

On the Education of Chinese Culture in Russian Language Teaching

Abstract. In higher education, courses of Chinese Culture for English majors can inspire their interests and enthusiasm in English learning, and improve their capability of intercultural communication and comprehensive qualities. This article probes into the function of Chinese Culture education in Russian Language teaching and its practical application in class-teaching.

Key words: Chinese culture, Russian language, teaching qualities of humanities, two-way communication.

Язык является носителем культуры, культурное проникновение благоприятствует изучению языков. Открытие предмета китайской культуры по специальности «Русский язык» в высших учебных заведениях не только не препятствует изучению русского языка, наоборот, сравнительное изучение китайской и иностранной языковой культуры способствует большей активности и большему интересу учащихся, и имеет важное значение для улучшения способностей учащихся к межкультурной коммуникации и развитию комплексных качеств.

В ходе глубокого и систематического изучения развития национальной культуры и культурного смысла, учащиеся получают верную концепцию познания и формируют мировоззрение. При этом в них не только воспитывается чувство национальной гордости, они также получают навыки теоретической мысли, с философской, исторической и эстетической точки зрения, что содействует развитию ума и оригинальности мышления.

1. Анализ целей внедрения дисциплины «Проникновение в китайскую культуру» в ходе курса обучения русскому языку

1.1 Преподавание знаний о национальной культуре.

Китайская цивилизация развивается уже 5000 лет, культура Китая необъятна как море. В рамках одного предмета, мы, в основном, преподаём традиционную культуру, знакомим учащихся с философской идеей, религией древнего Китая, древним образованием и научно-техническими достижениями. Также преподаются классическая

литература, рисование, ландшафтное искусство, нравы и обычаи разных национальностей, учащимся дается возможность познакомиться с литературой, историей, философией и моралью Китая в древности. Студенты изучают учения Конфуция и Мэн Цзы, идеи Лао Цзы и Чжуан Цзы, мистику, неоконфуцианство и учения скромности, знакомятся с выдающимися философами и идеологами, с их вкладом в мировую культуру, рассматривают религиозную историю Китая. В рамках курса усваиваются основы китайской культуры, которая характеризуется тем, что три религии — конфуцианство, даосизм и буддизм объединяются в одно целое. В ходе занятий выделяется толерантность китайской культуры, очерчивается разница между китайской культурой, подчёркивающей гуманитарный дух, и западной культурой, подчёркивающей богословие, объясняются особенности ментальности, национального характера китайской нации. Студенты знакомятся с моральными основами китайского общества и глубоким смыслом понятия «столица ритуала», постигают наследие китайской культуры, прослеживают происхождение эстетических воззрений китайцев; изучают «четыре крупнейших изобретения», знакомятся с понятием «Шёлковый путь», воспринимают ум и творческий дух древних людей.

1.2 Улучшение гуманитарных качеств

Другая цель курса «Проникновение в китайскую культуру» заключается в улучшении нравственных и культурных качеств учащихся. Студенты на этапе начальной и средней школы получили систематический курс родного языка, на них непрерывно влияет культура род-

ного языка. Однако их культурная основа сформирована бессознательно, их знания разрозненны и несистемны. Многие студенты никогда не читали философские труды, такие как «Лунь Юй» («Рассуждения Конфуция») и «Дао Дэ Цзин» (основы даосизма), имеют слабое представление о философско-религиозных течениях традиционного Китая, не знают «четыре крупнейших произведения» и др. Особенно слабы классические знания о культуре китайской нации у учащихся, выросших в регионах с преобладанием национальных меньшинств. На этапе высшей школы, учащиеся по специальности «русский язык» придают большие усилия накоплению языковых знаний по русскому языку и подготовке способности к коммуникации, и чаще всего имеют дело с материалами иностранных языков. Столь большее внимание к культурной сфере русского языка ослабляет их знания и культуру родного языка. Таким образом, они, как правило, теряют основы китайской культуры, какие-то ее элементы, в результате чего происходит снижение общего культурного уровня, понижается уровень моральных обязательств, у студентов не хватает знаний для реализации установленных поведенческих ритуалов, что приводит к отсутствию доверия в ходе общения между людьми.

С помощью предмета китайской культуры, проникновение в культуру происходит заново, студенты читают связанные с этим книги, систематически, всесторонне изучают и понимают культуру собственной нации, сознательно заимствуют всё ценное, углубляют представление о культурном смысле. Нам представляется, что только таким образом они смогут улучшать свои культурные качества и повысить уровень гуманитарной морали.

1.3 Развитие чувства национального самосознания

Проникновение китайской культуры благоприятствует развитию чувства национального самосознания. В связи с различными причинами, тенденция ослабления национальной культуры среди студентов всё-таки остаётся, некоторые из них «отрицают древность и высмеивают современность», некоторые стоят за полную европеизацию. Данный курс помогает учащимся по специальности русского языка более адекватно воспринимать чужую культуру, ведь слепое, без анализа, подражание, неумное заимствование, «преклонение перед иностранщиной», отрицание своей культуры — всё это не является целью наших педагогов. Действительно, нельзя сказать, что западная и восточная культуры чем-то лучше или хуже друг друга, однако у нас есть своя культурная традиция, свои культурные ценности, питающие китайскую цивилизацию в течение 5000 лет, а это срок, который никакая другая цивилизация не сможет уже перекрыть. Предмет китайской культуры передаёт не только культурные знания, но и с помощью исторических факторов возбуждает гордость у учащихся по отношению к своему народу, вызывает любовь к Родине, воспитывает патриотизм, создаёт чувство достоинства и ответственности перед нацией.

1.4 Содействие совместному развитию китайской и западной культуры в ходе сравнительного изучения

В процессе изучения иностранных языков или межкультурной коммуникации, студенты изучают два типа культурной психологии, две ментальности. Создание системы знаний по культуре целевого языка может содействовать пониманию на глубоком уровне происхождения мыслей западных наций, нравов и обычаев, языка и отражаемых им способов мышления и обусловленности этих способов мышления употреблением языка. Опираясь же на крепкие основы культуры родного языка, они с другой точки зрения знакомятся с собой и другими людьми для расширения запасов культурных знаний, содействия балансированию знаний и совершенства структуры знаний.

В определённом смысле, систематические знания по культурам Китая и Запада помогают учащимся понять их различия и сходства, чтобы в процессе изучения и практики они могли сознательно сравнивать и различать нюансы, воспитывать в себе культурную чувствительность, тем самым уменьшая вероятность культурных ошибок и столкновений, успешно участвуя в процессе двухстороннего культурного обмена.

II. Предмет «Проникновение в китайскую культуру» практически используется в организации занятий, для передачи различного содержания мы используем различные приёмы обучения, принимая русский язык как язык обучения, сочетая передачу культурных и языковых знаний, мы возбуждаем активность и творческие начала учащихся, для того, чтобы обучение прошло в весёлой и оживлённой атмосфере. Для этого мы используем следующие приёмы обучения.

2.1 Контраст

Философия и религия являются способами объяснения мировоззрения, морали и взглядов на жизнь, они тесно связаны друг с другом. Изучение философии, понимание религии, это два аспекта исследования корней человеческой мысли, сложившейся на основе культуры, а также предоставленных ею мировоззрения, взгляда на жизнь и концепции о достоинствах. Все это очень важно для учащихся, и в то же время у них возникают трудности в процессе усвоения концепций подобной сложности.

Различные религии на Западе и Востоке, сложившиеся в их рамках ценностные представления, эстетические воззрения, способы мышления и нормы поведения ясны и понятны с первого взгляда, с помощью сравнительного анализа. Китайская культура в течение 2000 лет влияния конфуцианской идеи, воспитывает такие поведенческие паттерны и понятия, как «вежливо уступать», «приветливость», «быть скромным и не позволять себе лишнего»; китайцы заботятся о людях, о коллективе, важную роль играет концепция «первым думать о горе народном, и по-

следним о радостях для себя», все это является отражением ценностных представлений коллективизма.

Западная культура, наоборот, принимая в качестве ориентира религию, поощряет людей к избавлению от «первородного греха» и приложению усилия к оформлению независимого и самостоятельного субъекта. Запад стремится к свободе личного поведения, высказываний и идей, и ориентирован на ценностные представления индивидуализма. Сравнение помогает учащимся осознать то, что различные исторические и культурные фоны образуют различные культурные контексты речи, мышления и поведения, и то, что в процессе изучения необходимо провести анализ, получить представление о культурных стереотипах, чтобы избежать культурного конфликта.

Поперечное сравнение используется также для сравнения китайского и западного искусства, такого как поэзия, рисование, садовое искусство. Сравняются и анализируются различные эстетические представления и их влияние на речевые выражения и модель мышления.

2.2 Переводный метод

Язык содержит определённую культуру. Однако переводный метод позволяет передать культуру одного языка средствами другого. Выразить культуру Хань на русском языке — это вызов для учащихся, это позволяет не только испытать их уровень русского языка и переводческие способности, но и проверить их понимание китайского языка. Произведения на старом литературном языке Китая могут вызвать у учащихся трудности в понимании, и перевод статей с русского языка на китайский — это ещё один путь к пониманию произведений на старом литературном языке Китая. Таким образом, мы иногда используем переводный метод, поощряем активное участие учащихся, наставляя их, на основе понимания, точно переводить статьи с китайского на русский язык, или с русского языка на китайский.

При переводе названий древних классических произведений, крылатых выражений, поучений древних и устойчивых словосочетаний, таких как, «Четверокнижие и пять классик», «три начала и пять постоянных принципов феодального общества», «добрый интересуется свободой, мудрый радуется воде», «повторяя старое, достигнешь новое», «пусть соперничают сто школ», «предание огню конфуцианских книг и закапывание живьём конфуцианцев», «соответствие человека с вселенной» и т.д., у учащихся бывают различные варианты перевода, могущие отразить смысл китайского языка, при этом мы даём положительную оценку, не ограничиваясь единственно верным ответом.

Для древних терминов, таких как «Тайцзи», «Кэцзю», «Шуюань», «Геу», «Линжэнь» и др., учащиеся, наверное, имеют только нечёткие представления, им трудно выполнить требование точного перевода этих терминов с китайского на русский язык. Поэтому, мы прежде всего пишем соответствующие выражения на русском языке: великий,

изначальный предел / высшее начало, государственные экзамены / поступление на государственную службу, академия, постигнуть существо вещей, актрисы, требуя от учащихся перевести их на китайский язык и, сравнивая древние стандартные методы использования, учащиеся обнаруживают, что выражение на русском языке легче для понимания, по сравнению с древним китайским языком. Тот факт, что с помощью русского языка можно понять древний китайский язык, производит глубокое впечатление, вместе с тем совершенствуется знание русского и китайского языков.

Переводный метод имеет особое значение для изучения стихотворений периода династии Тан и сунских «Цы» (жанр ритмической прозы сунской эпохи). Поэзия сама по себе является лаконичным культурным явлением, любование древними стихотворениями может воспитывать в учащихся образованный культурный темперамент. В результате языковых особенностей древней поэзии, учащиеся не глубоко понимают изучаемого, мы готовимся к занятиям, как можно больше ищем соответствующие переводные материалы, выбираем лучший перевод, делаем сравнение по переводу. Этот метод, при объяснении представительного произведения «Небожитель сорочьего моста» тактичной школы сунских «Цы», получил хороший эффект. Большинство учащихся считает, понимание древнего языка лучше способствует перевод, нежели средства современного китайского языка. С этой точки зрения, перевод укрепляет их выразительные способности и в русском языке, способствует их пониманию китайского языка, помогает лучше воспринимать очарование поэзии, воспринимать чувства и впечатления поэтов.

2.3 Метод анализа

Изучение культурных знаний, это не полное приятие без какого-либо анализа, оно подразумевает восприятие положительных сторон, заимствование ценных идей, с отбрасыванием негодных концепций. Во время изучения идей конфуцианства, в частности, таких понятий, как «гуманность», «мораль» и «гармония», заданные нами вопросы связаны с современными социальными явлениями, при этом учащиеся должны думать о натуральном значении конфуцианской идеи. На практике учащиеся должны как можно полнее показать свою оригинальную точку зрения. Некоторые связывают представления о «гуманности» и «морали» с современными социальными явлениями, например, современная война, хакерство, сочетая теорию с практикой для тщательного анализа и исследования; некоторые связывают представление о «гармонии» с охраной окружающей среды, анализируя его значение. Отсюда видно, что учащиеся изучают на занятиях не только и не столько культурные факты, но и получают навыки мышления.

Изучение китайской культуры, также требует знакомства с гражданскими нравами и народными обы-

чаями. Изучая такие явления, как культура чая, культура китайской водки, брачный быт, погребальные обряды различных наций нашей страны, мы не можем просто знакомиться с этими явлениями, необходимо, чтобы учащиеся думали о глубоком смысле данных феноменов,

правильно восприняли факт плюрализации культуры, слияния различных культур в одну большую семью, чтобы различные нации соединились вместе, учились друг у друга, уважали друг друга, совместно устроили нашу родину.

Литература:

1. Дин Вандао. Обзоры китайской культуры [М]. Пекин: Издательство обучения русскому языку и его исследованию, 2001 г.
2. Го Шансин, Шэн Синцин. История китайской культуры. [М]. Кайфэн: Издательство Хэнаньского университета, 1994 г.
3. Хуан Сончжэнь. Культура национального меньшинства Китая [М]. Издательство Ухань, 2003 г.
4. Лю Дунхун. Тактика родного языка и перенос родного языка в процессе сочинения для первокурсников [J]. Обучение иностранным языкам, 2002 г. (7)
5. Вэн Цзюфан. Исследование и практика системы подготовки инновационных персоналов по специальности русского языка [J]. Обучение иностранным языкам за рубежом, 2002 г. (4)

Abu Ali ibn Sino is a Founder of the East Cardiologic Terminology

Фатыхова Фируза Инваровна, преподаватель;
 Маматова Нилуфар Абдухошимовна, старший преподаватель;
 Муратова Эльвира Раисовна, преподаватель;
 Мажидова Зулайхо Абдумоминовна, преподаватель
 Андижанский государственный медицинский институт (Узбекистан)

В данной статье изучена книга «Канон врачебной науки», в частности, разделы, относящиеся к сердечно-сосудистой системе, и проанализирована терминологическая система этих разделов. Определены термины арабского происхождения, использованные в «Каноне врачебной науки», а также выявлены термины, введенные в медицину — в сферу сердечно-сосудистой системы ибн Сино.

Ключевые слова: Ибн Сина, сердечно-сосудистая система, термин, медицинская терминология, Герард Кремонский, латинизмы, грецизмы, арабизмы.

Fatihova Firuza Invarovna, lecturer in Andijan State medical institute

The book “The Canon of Medicine”, particularly, chapters on cardiovascular system have been studied and terminological system of these chapters have been analyzed. Terms of Arabic origin, used in “The Canon of Medicine” have been found, and terms introduced to the medicine, specifically to the sphere of cardiovascular system by ibn Sino have been determined as well.

Key words: Ibn Sino, cardiovascular system, term, medical terminology, Herard Kremonskiy, Latin terms, Greek terms, Arabic terms.

A lot of researches and scientific works are dedicated to our great ancestor and compatriot who became famous all over the world by the name Avicenna, Abu Ali ibn Sino. One may find many descriptions, eulogizing his talent and abilities. Even legends about his life and work have been composed. He was named “Shayh Ur Rais” — i.e. the head of wise men, elders, and one of the great geniuses of the Renaissance epoch Michelangelo said about this outstanding scientist and thinker: “It is better to make mistake eulogizing Galen and Avicenna than to be right, eulogizing others”. (Petrov, 1962, p.12).

The work of Abu Ali ibn Sino “The Canon of Medicine” is acknowledged as one of the most significant works in medicine and used as desk book for doctors of all the world and the main manual in the medical faculties of universities till the XVIIIth century, and in the sphere of ophthalmology till the XVIIIth century.

The present article covers the determination of the content of medical cardiologic terms, used by Abu Ali ibn Sino, with more detailed study of Arabic origin terms.

In spite of great attention to the unique work, according to its practical value for medicine, of the scientist-encyclo-

paedist, nevertheless, from the linguistic point of view, this book has not been studied and analyzed so profoundly and thoroughly. Especially, it is clearly marked while in the last decades more and more modern branches such as cognitive linguistics, lingua culturology, gender linguistics and others have been developing in linguistics.

Having studied "The Canon of Medicine", particularly, the parts of cardiovascular system and having analyzed the terminological system, used in this work, terms of Arabic origin have been determined.

On the other hand it should be noted that terms of Greek and Latin origin were also used by the prominent thinker during his practice. This stratum of lexicon needs to be investigated as well.

In the IX–X centuries almost all works of antique physicians had been translated into the Arabic language from Greek. Formation of the Arabic medical literature began on this basis.

The first Latin translations from the Arabic language were performed in the II century by Konstantin Afrikanskiy — a teacher of Solern medical school, where teaching was in Latin. Gerard Cremonskiy (1114–1187) made more than 70 translations from Arabic into the Latin language in the XII century. Particularly, the first translation of "The Canon of Medicine" supplied with detailed vocabulary of special phrases was performed by him. But it did not bring to the creating of single classic terminology either in the Latin or in the Arabic languages which was impeded by poor quality of Latin translations. Especially the terminology suffered from repeated and multistage translations from one language into another one. Most of translators knew the Arabic language and medical terminology badly, and use Arabic transcription of Greek words incorrectly. Besides, there were many mistakes through copyists' fault.

Since then many republications of "The Canon of Medicine" translations have been made into many languages. On the basis of this article there has been adopted the medical terminology which was obtained as a result of comparative analysis of two translations of "The Canon of Medicine", particularly, U. I. Karimov's and M. A. Salye's translation from Arabic into Russian in 1979 and A. Rasulov's and A. P. Kayumov's translation from Arabic into Uzbek in 1979.

The work "The Canon of Medicine" is written as a manual for doctors. Much attention was devoted to drugs made from plants, and a chapter is devoted to the cardiac medicines.

The following chapters as "Arteries", "Vein" and "Pulse" in the first volume and "Different conditions of the heart" in the third volume deal with cardiovascular system, i.e. cardiology.

So, the following terms have been marked out and analyzed more detailed: in the chapter "Vein"

1. «بوابة فيينا» (**kopka**) — Latin origin "porta" — entrance, vena portae — portal vein.

2. «الوريد فيينا» — Latin origin "vena cava" — is a vein delivering nutrients from liver to the organs.

3. «إبطى فيينا» — Latin origin "vena axillaris" — vein passing on humerus to the hand.

«سيفاس» (**kifal**) — Arabic origin, in Latin "vena cephalica" — lateral subcutaneous vein.

5. «توسا» (**tusa**) — Arabic origin, meat which is support and prop for artery and barrier between artery and vertebra.

6. «الاءاء» (**akhal**) — Arabic origin, black vein, this is a branch of «سيفاس» ("vena cephalica") deltoid dividing in the wrist.

7. «Blind gut» Latin origin "caecus, cecum" — Avicenna called it «الأعور» (**one-eyed**).

8. Confluence of venous sinuses of dura mater he called «المعصرة» (**Pressing**).

There have not been determined the terms of Arabic origin in the chapters "Artery" and "Pulse", but ibn Sina gave own definitions to the notions as pulse, kinds of pulse, arteries and others.

Besides the terms, phrases and word combinations are used in "The Canon of medicine" for defining processes or systems. For example: "Blacksmith's water" medieval European doctors called «aqua ferrariorum», "Network of celiac membrane" — membrane, interlaced from vein and ascending artery, and others.

In the chapter "Different conditions of the heart" of the third volume two terms of Arabic origin have been found.

9. «كولا» (**kulandj**) — Arab origin, disease of intestine, in the result of which difficulty is appearing in going out of that naturally leaves. «كولا» (**kulandj**) in origin meaning of the word is a name of the pain, the cause of which is in large intestine, in colon and in those that adjoined to it, i.e. in the pain which exists rapidly in these intestines because of their coldness and density.

10. «حَيْضُ» (**hayda**) — Arabic origin «flow, menstruation». The meaning in shariah: blood, getting out of woman, reached of puberty, in the certain days from uterus beyond the sexual organs.

It is interesting that in spite of centuries-old predominance of the Arabic language as well as "contamination" of medieval Latin with hundreds of Arabic words, which passed in the process of translations from Greek into Arabic and from Arabic into Latin, Arabic medicine almost did not remain a trace in the medical terminology. Only single Arabic words, introduced by Abu Ali ibn Sino and used by him in "The Canon of Medicine" have been kept.

11. In translation of "The Canon of Medicine" into Latin by Gerard Kremonskiy numbers of mistakes were made that brought to the misrepresentation of Arabic terms and to the formation of neologisms among medical terms. For example, as regards terms determined by us in the chapters concerning cardiovascular system, there may be marked unusual appellations from the anatomic point of view: the name of lateral subcutaneous vein of a hand «vena cephalica» (head vein), probably as well is the result of etymologic mistake of translator. In the Arabic original the word al-kifal (external) but translator identified it with Greek kephalē (head). (Medical reference book, 2005)

The following terms

12. «بوابة فيينا» (kopka) — vena portae — portal vein;
 13. «الوريد فيينا» — “vena cava”;
 14. «إبطى فيينا» — “vena axillaris” got their equivalents in the Arabic language according to the principles: a) on the direct translation, i.e. on semantic loan translation (calque) b) on identification c) on definite sign: function, colour, outward appearance, for example: the word «بوابة فيينا» from the Arabic is translated as gate, so the term «vena portae» is translated as «بوابة فيينا» (kopka) and others.
 15. The next group of Arabic original terms have not been fixed in the medical terminology and there are used their equivalents loaned from the Latin or Greek languages, for example: «توسا» (tusa) — friable meat, «الاءاء» (akhal) — black vein, «Blind gut» — «الأعور» (one-eyed), «المعصرة» — (pressing).
 16. As regards the term «كولا» (kulanj) — disease of intestines, Avicenna gave the name to this disease on the basis of Latin name of large intestines “colon”.

References:

1. Abu Ali ibn Sino «Тиб конунлари», “Фан” publishing house, Т., 1979.
2. Abu Ali ibn Sino «Канон врачебной науки», “Фан” publishing house, Т., 1979.
3. Abu Ali ibn Sino «Канон врачебной науки», Publishing house of medical literature named after Abu Ali ibn Sino, Т., 1996.
4. Petrov B. D. “Ibn Sino — creator of «The Canon». Book «Sketches of the history of medicine of our country». М., 1962.
5. Medicine reference book. History of developing of medicine, М., 2005.

О хронологии деепричастий в русском языке

Хеммат-заде Шахрам, аспирант
 Тегеранский университет (Иран)

Статья посвящена изучению происхождения деепричастий в русском языке. Деепричастия русского языка изучались со стороны их происхождения, места в системе частей речи, временных значений, синтаксической функции, возможности их замены синонимичными конструкциями. А в этой статье выражая разные мнения лингвистов, мы стараемся рассмотреть этот вопрос с точки зрения хронологии.

Ключевые слова: хронология, деепричастие, причастие, предикативность.

Деепричастие в восточнославянских языках (русский, украинский и белорусский язык) развивалось из нечленных активных причастий [18, с.43]. Как известно, деепричастие сформировалось на основе именных (кратких, нечленных) действительных причастий праславянского языка. Отдельные разряды деепричастий при этом возводятся к формам именительного падежа разных родов — мужского или женского. Образованиями, связанными с мужским родом, безоговорочно признаются формы с суффиксами *-а* и *-в*, тогда как по поводу форм с суффиксами *-ши*, *-вши* и *-учи* (*-ачи*) высказываются различные мнения. Традиционно они рассматриваются как восходящие к причастным формам им.п.ед.ч. женского рода. В настоящее

Thus, on the basis of own researches, we have come to the following conclusion, that as it was to be expected, most of terms, used in the work of ibn Sino, have Greek or Latin origin. It seemed to us, that great scientist in his work “The Canon of Medicine” analyzed works and systematized the medical terminology, had been creating by prominent physicians of Europe for many centuries, that in its turn helped not to lose and keep obtained knowledge on medicine. In addition to that, Avicenna analyzed and remade the works of ancient doctors as Hippocrates, Galen, Dioskorid and others and competently wrote them in his book in compliance with own observations and practice. About 13 new terms were introduced by him to the sphere of cardiology.

This more or less gave possibility to systematize the terminological system of all medicine, which suffered from “suffocation”, profusion of Greek, Latin and intensively developing at that time Arabic origin terms.

время кажется более убедительным мнение о связи деепричастных форм на *-и* с бывшей формой им.мн.муж. рода [7, с.77].

В Псковских летописях несогласованные причастия немногочисленны и неунифицированы в отношении форм, и нечленное действительное причастие еще полностью не утратило способности изменяться по падежам [4, с.128]. Д. Н. Овсяннико-Куликовский относит время выделения деепричастий из причастий к XII и XIII вв., так как же в памятниках XII-ого и XIII-ого вв. нередко встречается выпадение причастий из парадигмы нечленных активных причастий [14, с.68].

По вопросу о времени возникновения деепричастия у исследователей нет расхождений: всеми признается тот

факт, что долгий и сложный процесс становления деепричастия завершается к концу XVII — началу XVIII вв. Хронология этого процесса определяется учеными неоднозначно. При этом разные мнения существуют как по поводу времени начала перехода причастий в деепричастия, так и по поводу завершения этих преобразований. Первыми приметями, свидетельствующими о начале процесса формирования деепричастия, большинство ученых довольно единодушно считает случаи нарушения согласования форм древнего причастия с именем существительным. Обособление отдельных форм парадигмы началось со случаев нарушения согласования причастия и существительного в роде и числе. Подобные случаи фиксируются уже в древнейших русских памятниках XI—XIII вв.

Ранние случаи нарушения согласования причастий в разных по жанру древнерусских памятниках отмечали А. Х. Востоков, П. А. Лавровский, И. В. Ягич, А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, С. П. Обнорский, Н. Н. Дурново и др.

Наиболее определенно пишет о времени появления деепричастия А. А. Потебня: «Еще довольно трудно в точности определить, как продолжителен период образования деепричастий. Кажется несомненным, что в конце XIV в. причастия действительные аппозитивные были уже только в книжном языке, и деепричастие, как вполне определившаяся часть речи, уже существовало, хотя и отличалось кое-чем от нынешнего» [16, с.186].

Созвучно этому мнению и высказывание С. П. Обнорского: «Трудно установить эпоху окончательного сложения в языке категории деепричастия. Но можно думать, что явление это очень древнее: «Русская правда», оригинальный русский памятник, не знает вовсе употребления причастий как таковых (в склоняемой их форме), но дает многие примеры употребления причастий лишь в форме им.пад.ед. и мн.ч., притом в функции уже не причастной» [13, с.213].

Обобщая разные позиции по вопросу о времени становления деепричастия, В. В. Колесов отмечает: «Формирование деепричастий, по согласному мнению историков, происходило в XIII—XIV вв., к концу XIV в. уже завершилось как образование категории, но еще долго вырабатывало универсальные формы своего выражения» [6, с.603]. Однако мнение исследователей относительно завершения этого процесса сложно назвать единодушным. Так, Б. В. Кунавин считает временем активного формирования деепричастия период XIV—XV вв. [8, с.24]. Л. Е. Лопатина указывает, что в XV в. процесс выбора одной из причастных форм, закрепления ее в качестве новой морфологической категории — деепричастия — еще только начинается [11, с.107]. Деепричастие как отдельную глагольную категорию в русской письменности второй половины XVI в. рассматривает С. Д. Никифоров, даже формы типа *погубль* называя «старославянскими формами деепри-

частия» [12, с.273]. О деепричастном употреблении кратких причастий действительного залога в языке деловых памятников XVI в. пишет и М. А. Соколова [19, с.170]. Вместе с тем большинство исследователей связывает завершение процесса формирования деепричастия с XVII в. Высказываются мнения о том, что и в XVII в. этот процесс еще не был окончательно завершен. Лекант об этом отмечает: «Современные деепричастия восходят к древнерусским кратким формам именительного падежа единственного числа действительных причастий в формах настоящего и прошедшего времени, согласовывавшимся с подлежащим. Незменяемые деепричастия современного русского языка согласовываться с подлежащим не могут, но семантическую связь с ним сохраняют, поскольку всегда обозначают действие лица, названного подлежащим» [10, с.292].

З. Д. Попова вообще считает временем формирования деепричастия XVIII в. [15, с.166]. К числу примет, безусловно свидетельствующих о начавшихся изменениях кратких причастных форм, все авторы относят нарушения в согласовании между причастием и существительным. При этом речь, как правило, идет о форме именительного падежа, а нарушения касаются рода и числа. Поскольку подобные примеры встречаются уже в памятниках русской письменности старшего периода, это служит основанием для достаточно ранней датировки времени появления деепричастия как неизменяемой, а следовательно, и не согласуемой с именем формы. Однако подобные случаи в количественном отношении далеко уступают случаям с сохраняющимся согласованием имени существительного и причастной формы.

Вместе с тем есть основания считать такое согласование «кажущимся», не истинным для большого числа примеров, поскольку в качестве субъекта действия в предложении в древнерусских текстах значительно преобладают имена существительные мужского рода ед. и мн. числа [5, с.92].

Еще одним, более существенным и основательным, критерием выделения деепричастия в качестве самостоятельной грамматической категории является грамматическое значение и синтаксические функции рассматриваемых форм.

Указание на изменение синтаксических функций именного действительного причастия как причину возникновения деепричастий находим в работах многих ученых. Однако при этом выявление и определение этих функций, а, главное, их оценка могут существенно различаться. Дискуссии в основном связаны с выяснением того, какую роль в становлении деепричастия играли предикативная функция, а также выражение обстоятельственных значений.

Не подвергается сомнению то, что в современном русском языке деепричастие означает такое действие или состояние названного в подлежащем субъекта, которое

сопутствует действию или состоянию, названному в сказуемом, либо в том или ином отношении характеризует это действие [3, с.181]. Об употреблении современного деепричастия в качестве второстепенного сказуемого, а также о его способности одновременно указывать на те или иные обстоятельства совершения основного действия пишут многие исследователи.

Несколько шире оценивал предикативные возможности деепричастия А. А. Шахматов, привлекающий к его характеристике и диалектные данные: «Настоящим деепричастием называем только такое деепричастие, которое употребляется в форме второстепенного или (диалектно) также и главного сказуемого» [21, с.84].

Однако роль предикативности оценивается по-разному, когда речь заходит об истории этих форм. Если для А. А. Шахматова переход причастия в деепричастие «возник на почве усиления предикативности причастия насчет его атрибутивности, он повел за собой переход деепричастия во второстепенное сказуемое», то Б. В. Кунавин, напротив, считает, что «краткие действительные причастия, наоборот, на пути своего перехода в деепричастия ослабляли свои предикативные свойства» [8, с.24].

На ослабление предикативной роли причастия в процессе его перехода в деепричастие указывали М. Г. Шатух, Л. К. Дмитриева, Я. А. Спринчак, Т. И. Агафонова и др.

Еще более определенно высказывается В. Л. Георгиева: «Предикативная функция действительных причастий в ходе истории русского языка была совсем утрачена» [2, с.43].

Об использовании уже кратких действительных причастий в функции второстепенного сказуемого в русских памятниках разных исторических периодов писали А. А. Потебня, Е. С. Истрина, В. Л. Георгиева; Л. Е. Лопатина, И. Н. Лекарева и др. Многофункциональность именного действительного причастия отмечает В. В. Бенке, считая определяющим предикативное употребление в функции второстепенного сказуемого [1, с.171].

Развитие функции второстепенного сказуемого как свидетельство формирования деепричастия рассматривают С. Д. Никифоров, Л. А. Широкова, А. А. Припадчев и др.

Подобная пестрота мнений, как кажется, может быть связана с разным содержанием, которое вкладывается учеными в понятие «предикативность». В одних случаях предикативность понимается как способность той или иной формы выступать в предложении в качестве самостоятельного или однородного сказуемого.

В других работах предикативность рассматривается гораздо шире. Например, Т. П. Ломтев включает в это понятие, как А. А. Шахматов, и значение второстепенного сказуемого: «Факт видоизменения причастий в деепричастия не может быть понят как результат сосредоточения предикативности в глаголе, ибо деепричастия не потеряли способность выступать в функции сказуемого, а только специализировались на такой предикативной

функции, которая отличается от предикативной функции глагола» [10, с.176].

Еще одним важным компонентом в определении деепричастия выступает способность к выражению различных обстоятельственных значений. И в этом случае среди исследователей нет единого мнения. Одни ученые считают, что деепричастие сформировалось благодаря появлению и развитию этого значения: «... именные действительные причастия, в силу развития у них обстоятельственного значения, постепенно приобретают неизменяемую форму — деепричастия и выступают в предложении в роли предикативного обстоятельства» [20, с.6]. С этим мнением не согласен Б. В. Кунавин, который считает, что деепричастия унаследовали функцию выражения обстоятельственных значений от причастий [8, с.25]. Аналогичная точка зрения была высказана и Л. К. Дмитриевой.

Подводя некоторые итоги рассмотрения различных, часто противоположных, точек зрения на проблему происхождения деепричастия как самостоятельной грамматической категории, обладающей специфическими морфологическими и синтаксическими свойствами, можно отметить следующее.

Анализируя конкретные причастные образования, представленные в памятниках, относящихся к разным периодам истории русского языка, порой оказывается сложно установить, с чем именно мы сталкиваемся в том или ином случае. Критерии разграничения собственно «причастия» и «непричастия», предлагаемые учеными, оказываются несовершенными, а иногда и очень субъективными. Возможность двоякого толкования одних и тех же форм авторы иногда вынуждены признавать и сами.

Продуктивной представляется в этом смысле позиция А. Г. Руднева, по мнению которого, нельзя опираться только на форму и считать, что одна и та же форма всегда заключает в себе одно и то же содержание [17, с.107].

А. А. Потебня отмечал: «Между причастием, вполне согласуемым со своим определяемым, с одной стороны, и деепричастием, вовсе не согласуемым и не имеющим непосредственной связи с именем, которое им определялось, когда оно было причастием, — с другой, можно заметить среднюю ступень. На ней отпричастное слово не может быть названо причастием, потому что уже лишено рода, числа и падежа, но не есть деепричастие в вышеупомянутом смысле, потому что стоит не при глаголе, а при своем подлежащем» [16, с.200]. В. В. Бенке, исследуя состояние именных действительных причастий в древнерусском языке старшего периода, признает, что в рассматриваемую эпоху «краткое действительное причастие уже не существовало как грамматическая категория, определяющаяся целостностью формы и значения» [1, с.171].

Таким образом, по-видимому, уже для древнерусского периода представляется возможным говорить о разграничении двух разных грамматических категорий — причастия и деепричастия, иногда представленных омонимичными формами. В этом случае речь идет, прежде всего, об именных (кратких, нечленных) формах древнего при-

частия. Одинаковые по оформлению образования в зависимости от контекстуальных условий и синтаксических особенностей употребления могут быть либо причастием, либо деепричастием.

Литература:

1. Бенке, В. В. Именные причастия действительного залога в древнерусском языке старшего периода: автореф. дис... филол. наук. М., 1987.
2. Георгиева, В. Л. История синтаксических явлений русского языка. М., 1968.
3. Грамматика-80, Т. II, с. 181.
4. Дмитриева, Л. К. Действительные причастия, деепричастия и отпричастные формы (по материалам Псковских летописей и современных псковских говоров): автореф. дис... филол. наук. Л., 1963.
5. Истрина, Е. С. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи. Пг., 1923. с. 92.
6. Колесов, В. В. История русского языка. М., 2005. с. 603.
7. Кудрявский, Д. Н. К истории русских деепричастий. М., 1916. с. 74–79.
8. Кунавин, Б. В. Функциональное развитие системы причастий в древнерусском языке: автореф. дис... филол. наук. Ленинград, 1993. С.24–26.
9. Лекант, П. А. Современный русский язык. М., 2004. с. 292.
10. Ломтев, Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956. С.176.
11. Лопатина, Л. Е. Историческая грамматика русского языка. М., 1978. С.107.
12. Никифоров, С. Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952. С.273.
13. Обнорский, С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953. С.213.
14. Овсяннико-Куликовский, Д. Н. Синтаксис русского языка. С. — Петербург, 1912. С.68.
15. Попова, З. Д. Именные действительные причастия в русском литературном синтаксисе XVII века. М., 1974. С.160–168.
16. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I. М., 1958. с. 180–200.
17. Руднев, А. Г. О происхождении деепричастия (по памятникам старославянского и древнерусского языков). М., 1955. с. 107.
18. Сасинович, Э. С. Деепричастие и его функции в украинском языке. автореф. дис... канд. наук. диерат кандидатской диссертации. Киев, 1961.
19. Соколова, М. А. Очерки по языку деловых памятников XVI века. Л., 1957. С.170–175.
20. Стеценко, А. Н. История именных действительных причастий и образование деепричастий в русском языке. М., 1978. С.3–11.
21. Шахматов, А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. с. 84–85.
22. Шахматов, А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. с. 45.

Классификация основного контента телеканалов по периодичности выхода в эфир

Цибанова Наталья Николаевна, доцент
Национальный исследовательский Иркутский государственный технический университет

В статье рассматривается вопрос о разновидностях потокового телевизионного продукта. Автор определяет основной и второстепенный контенты телеканалов, дифференцирует регулярные и нерегулярные эфирные продукты, которые нуждаются в системном и систематическом исследовании своей природы, формы и содержания. Итогом статьи является определение понятий «программа» и «передача» как формы организации материалов на современном телевидении.

Ключевые слова: жанры; форматы; телевидение; телевизионный продукт; контент; передача; программа.

Обычному телезрителю все равно, что он видит, — ему хочется смотреть, слушать, получать информацию, генерировать эмоции, он никак не пытается идентифицировать телевизионные эфирные продукты. Исследователю необходимо разобраться во всем, что происходит, уловить, найти закономерности, выделить признаки,

найти новое, придать ему черты исследованного процесса и получить результат.

Что мы смотрим по телевизору и что мы видим? Всего две разновидности основного потокового телевизионного продукта — одноразовые и серийные проекты. Может показаться, что это очень условное разделение на виды, однако, именно эта классификация позволяет прояснить спор о формате и жанрах телевизионной продукции, который ведут современные медиологи.

Давайте разберемся.

Контент — (от английского content — содержание) — это наполнение любого информационного ресурса [11]. Телевизионные каналы являются информационными ресурсами, их наполняют различные эфирные продукты.

Весь контент телеканалов можно условно разделить на основной и второстепенный. Контент основной занимает до 75–80% эфирного времени. Это программы, передачи, фильмы, сериалы, т.е. продукты стороннего и собственного производства телеканалов, а также видео и кинофильмы. Основной контент — это то, ради чего смотрят телевизор.

Контент второстепенный занимает до 20–25% эфирного времени, — это межпроектные материалы: реклама, анонсы. Второстепенный контент — это части эфира, которые сопровождают просмотр.

Нас интересует часть основного эфирного контента, а именно журналистские эфирные продукты. Именно с этой категорией телевизионной продукции мы попробуем разобраться и провести классификацию по признаку периодичности демонстрации в эфире.

Типологизация — это научный метод, а классификация — процесс. Некоторые классификации могут быть истолкованы как предварительная типологизация или как переходная процедура упорядочивания элементов на пути к построению типологии. Классификация, в отличие от типологизации, предполагает нахождение четкого места каждому элементу в группе. Яркий пример научной классификации — периодическая система Д.И. Менделеева. Критерий классификации может быть случайным, а критерий типологизации всегда касается сущности исследуемого объекта. Чтобы обосновать нашу классификацию, обратимся к терминам.

Продукт — это товар или услуга, которую можно предложить для рынка, и которая будет удовлетворять потребности потребителей. Продукты делятся на материальные и нематериальные [12]. Продуктом телевизионного канала являются нематериальные аудиовизуальные материалы.

Эфир — это процесс непосредственной передачи телевизионного или радио- сигнала [13].

Таким образом, эфирный продукт — это аудиовизуальный материал, передающийся с помощью телевизионного сигнала. Добавим, что это единица эфирного контента, самостоятельный продукт, обладающий признаками целостности и завершенности.

Телевизионный канал — это полоса радиочастот в диапазоне метровых или дециметровых волн, предназна-

ченная для передачи радиосигналов изображения и звукового сопровождения телевизионного средства массовой информации [14]. Телевизионный канал как электронное средство массовой информации представляет собой совокупность аудиовизуальных сообщений и материалов, сформированных в соответствии с сеткой вещания для последующего распространения [1].

Телевизионный сигнал доставляется «конечному пользователю» либо через эфир (индивидуальная, спутниковая, или коллективная антенны), либо при посредстве кабельных операторов. Эти операторы принимают телевизионные каналы из эфира и передают их по своим кабельным сетям.

Телевидение и телевизионная продукция являются достаточно самостоятельными процессами в системе СМИ, которые нуждаются в системном и систематическом исследовании своей природы, формы и содержания. Дефицит научной классификации эфирной продукции сегодня можно объяснить следующими объективными причинами:

1. Телевидение — это отрасль сбора, обработки и передачи информации, которая развивается очень быстро, — экранные произведения эволюционируют с большой скоростью, подстраиваясь под потребности и желания зрителей-потребителей.

2. До сих пор не существует четких определений и характеристик видов и типов телевизионной продукции. Основное противоречие разворачивается между понятиями жанр и формат при попытках классификации телевизионного контента. «До сих пор дискуссионным остается вопрос о том, как соотносятся между собой жанровые и форматные категории телевизионной морфологии», — считает медиапедагог, М.А. Мясникова, доцент факультета журналистики Уральского государственного университета им. А.М. Горького [5]. Как отмечает А.А. Новикова, преподаватель кафедры телевидения и радиовещания МГУ, «... телевизионные форматы постоянно находятся в состоянии реформатирования и взаимодействия признаков, приемов и методов воздействия из других зрелищных искусств, жанр же более статичен» [6]. Р. Уильямс в книге «Телевидение. Технологии и структурная форма» утверждает, что значимость жанровых различий понижается: теперь гораздо важнее принадлежность к «формату» [9].

Любое СМИ, печатное, электронное, интернет, имеет свои специфические жанры, формы и форматы, располагает своей понятийной базой. Для продукции телевидения это жанр и формат. Обратимся к определениям. Жанр — это исторически определившийся тип отображения реальной действительности, обладающий набором относительно устойчивых признаков. Это же относится и к жанровым формам, основанным на общности функций каждой из них, независимо от конкретного наполнения. Телевидение восприняло в основном функции, методы и формы своих предшественников по массовой коммуникации — печати и радио. И точно так же, как печать

и радио, телевидение во всем богатстве и разнообразии его продукции, можно классифицировать по ряду устоявшихся формальных признаков, разделить по принадлежности к тому или иному жанру [3].

Формат (от нем. *format*, фр. *format* от лат. *forma* — вид, наружность) — 1) размер листа печатного издания; 2) структура информационного объекта, форма и способ представления данных [15]. Формат — это технологическое понятие. Понятие «телевизионный формат», или «формат телепередачи или телешоу», не имеет в российском законодательстве нормативного определения и применяется в области телевидения в понимании, сформированном обычаями делового оборота и международной практикой. На практике под телеформатом понимается совокупность сведений и материалов, определяющих творческую концепцию произведения (телепрограммы, шоу, игры и т.д.) и существенные элементы ее практической реализации, включая описание сюжетных линий (идей), правил проведения программы, типов ведущего (ведущих) и иных персонажей, манеры их поведения, хронологической последовательности действий и событий, деталей декораций и сценографии, музыкальное сопровождение, хронометраж и иные творческие и технические элементы телевизионной программы.

Формат представляет собой художественную концепцию программы, включающую сценарий или сценарный план исходного произведения (программы), описание существенных элементов (в том числе декорационных и сценографических), способов и приемов ее создания.

Применительно к телевидению понятие «формат» изначально затрагивало только технические параметры: хронометраж передачи, способ передачи сигнала (HDTV, DVB-T, HD DVD), но постепенно формат обретает и качественные характеристики.

Жанр связан, прежде всего, со смысловыми характеристиками программы, «формат» же определяют индустриальные характеристики: «упаковка» содержания, адаптация, способ распространения, стоимость и пр. [2].

«Формат — это своего рода рыночный договор между продюсером и зрителем... жанр — негласный договор между автором и зрительскими ожиданиями» [8].

М.А. Мясникова полагает, что «формат телеканала» можно определить как концепцию вещания и согласно дифференциации форматов, исходя из способов контакта с аудиторией и соответствующих технологий, выделяет трансляционный, серийный и клиповый форматы эфирного контента. «Первым, основанным на трансляционной технологии телевизионным форматом, соответствующим монологическому (трансляционному) способу контакта с аудиторией, является разовая единица вещания, передача/трансляция. Само слово «передача» указывает на трансляционность, то есть на пересылку, передачу, доставку продукта адресату через преодоление пространствен-

но-временной дистанции. Другой формат, соответствующий диалоговому (программному) способу контакта с аудиторией, — это сериал/программа. Серийные форматы, называемые у нас сериалами, существуют в виде периодически повторяющегося, подчиняющегося синтагматическим связям набора текстов. В основе данного телеформата лежит старый, как мир, принцип серийности, который абсолютно ограничен для повседневности. Особенность серийно-программного формата — а это одно из свойств «мозаичной» культуры — равенство и сходство компонентов, их диалогический характер, взаимное влияние друг на друга, в результате чего происходит выявление новых смыслов каждой единицы программы за счет общего ее контекста. Эти форматы несут на себе такие отличительные черты, как длительность и протяженность; прерывистость и дискретность повествования с неизменными интервалами между частями; а также повторяемость сюжетных блоков и лиц. Третий телевизионный формат, связанный с интерактивно-информальным, гипертекстуальным способом контакта с аудиторией, это — клип/гипертекст, построенный на основе иных, нежели сериалы, парадигматических связей». Таким образом, М.А. Мясникова определяет периодичность выхода в эфир как отличительную черту формата [5].

На взгляд А.В. Тютюниной, автора магистерской диссертации «Типология форматов российских телеканалов», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, ближе всего к пониманию формата подошли эксперты англо-немецкой компании «TV Formats» [16]. Признавая, что нет жестких, строго зафиксированных правил определения данного понятия, они предлагают сначала дать подробную характеристику той или иной программе, для того чтобы приблизиться к пониманию ее формата. Этот список может включать следующие пункты: название программы, целевая аудитория, предполагаемое место в сетке вещания, хронометраж, краткое описание, порядок работы, синопсис, бюджет, дизайн, коммерческие возможности [10].

В рамках рассматриваемой темы уместно продифференцировать отдельные передачи, причем, передача здесь употребляется как передача материала в эфир, а не как определение вида эфирного продукта. Выделяют:

— ежедневные телевизионные передачи — выходят каждый день (новости, сериалы и т.д.);

— еженедельные передачи — выходят раз в неделю (например, итоговые новости, развлекательные передачи по выходным дням и т.д.);

— ежемесячные передачи — выходят ежемесячно и представляют собой полноценные и глубокие исследования затронутой темы. Обычно это телевизионные исследования, какие-либо тематические программы и т.д.;

— нерегулярные передачи — выходящие по мере накопления материалов (альманахи) и

— ситуационные_передачи (выходят в случае появления информационного повода — премьеры фильма, годовщина события, передачи о каком-либо человеке). Таким образом, выделяют регулярные, нерегулярные и ситуационные передачи.

Далее обратимся к значению слов ПЕРЕДАЧА и ПРОГРАММА. Одним из значений слова ПЕРЕДАВАТЬ является способ распространения. Распространить, довести до кого-нибудь каким-нибудь способом. (Передать концерт по радио, по телевидению) [18]. Согласно Викисловаря ПЕРЕДАЧА — это «Процесс вещания на радио или телевидении, а также то, что говорится или показывается в этом процессе (Телевизионная передача. Образовательная передача)» [17]. Таким образом, это процесс доставки аудиовизуального произведения посредством передачи телевизионного сигнала от авторов до потребителей.

Одно из значений слова «передать» согласно Словаря Ожегова: Передать — Отдать, вручить, сообщить кому-нибудь [19]. Это характеристика одноактовости действия. Программа — это так же содержание концертных, цирковых представлений, радио- и телепередач; сами такие представления, зрелища, передачи. К примеру, Новая цирковая программа; Радиостанция начинает свои программы.

Телевизионная программа, телепрограмма, телепередача — это видеоряд, обладающий единым назначением и некоторой целостностью (сюжетом), показываемый по телевидению. Также телепрограмма (телевизионная программа) — список (перечень) телепередач и прочего (фильмы, музыка), запланированных на ближайшее время (обычно — неделя) и публикуемый в различных СМИ, для информирования телезрителя.

Получается, что по форме любая эфирная продукция — это передача (от значения передавать что-то кому-то, передача картинки и звука на расстоянии, к примеру, передача потока), но по своим составляющим: структуре, назначению, характеру появления в эфире есть такие материалы, которые создаются для потребностей аудитории в цикличности и предсказуемости содержания, характере информации, повторяемости.

Программа передач — это еще и расписание трансляций эфирных продуктов.

Программы — это регулярные передачи, обладающие признаками одного формата. Они имеют одно название, схожую структуру, общую тему, идею, наполнение, оформление, ведущих, аудиторию, постоянный хронометраж и место в расписании передач (эфирной сетке) в одно и то же время, в один и тот же день недели. Это серийный проект, обладающий всеми признаками системного произведения, реализуемого частями. Для программ характерна предсказуемость темы, развития сюжета, постоянная творческая группа. Программа — это всегда часть проекта, а передача — самостоятельный автономный материал. Программа имеет композиционную

завершенность как звено цепи. Все звенья одинаковые, они связаны и образуют единый проект.

Передача — это разовые эфирные материалы, нерегулярные, ситуационные проекты, передал — и все. К ним относятся прямые эфиры, трансляции, специальные проекты.

Соотношение в эфире программ и передач является одной из характеристик программной политики канала. К примеру, телеканалы «Россия 1» и «Россия Культура» до 60% наполняют эфир передачами, все другие крупные федеральные российские телеканалы выстраивают сетку вещания на программах.

Таким образом, периодичность демонстрации основного контента в эфире является отличительной чертой телевизионного формата телеканала. Сколько раз, какими частями, с каким постоянством будет показан материал, имеет важное значение. Объем неограниченный — тему взаимоотношений людей, сплетни, слухи, — невозможно в одном продукте, — обязательно требуется много частей, много историй, много времени, — иначе как реализовать в эфире «Пусть говорят» или «Прямой эфир», — имиджевые программы телеканалов «Первый» и «Россия 2»?

Для передач характерна явная жанровая принадлежность. Для трансляций — это комментарий либо репортаж, для прямых эфиров — интервью, беседа или дискуссия, для специальных проектов — репортаж или очерк. Получается, что к форматности ближе программы, а вот передачи — это жанровое поле. Программы ушли в форматы, передачи остались в жанрах.

Невозможно сделать передачу без определенной стилистики подачи информации, поскольку это завершенный материал, композиционно выстроенный и очень четко направленный на конкретную идею. Зритель должен понять задумку, принять информацию и разобраться в увиденном за один раз, поэтому способ обработки информации и ее оболочка очень важны. Программы рассчитаны на много-разовый показ, можно пропустить одну, и ничего не потеряется из общего смысла.

Это вовсе не означает, что передачи вообще не обладают признаками формата. Просто для передач они более формальны, нежели для программ. Эту точку зрения подтверждает О.Р. Лашук, заведующая кафедрой редакционно-издательского дела и информатики факультета журналистики МГУ, которая заключает, что в аудиовизуальных СМИ элементы, составляющие контент, могут быть созданы в соответствии с каким-либо жанром. А уже продолжительность, последовательность, количество, стиль подачи этих элементов будут определять формат [4].

Мультижанровость многих программ положена в основу их формата. Наполнение программы материалами разных жанров позволяет всесторонне осветить и раскрыть тему, используя по максимуму все возможности телевидения. Это одномоментность действия в студии и его передачи к зрителю, это как дополнение: репортажные съемки, портретные очерки, — одним словом, все, что

может удерживать зрителя у экрана и возвращать его к выпускам программы вновь и вновь. Передачи не дают такого посыла, поскольку они закончены и не предполагают развития. Поэтому для передач так важно быть целостными, завершёнными, «дорассказанными» и «доказанными».

Таким образом, контент телевизионных каналов может быть разделен на основной и второстепенный. Наполнение эфира можно классифицировать по периодичности демонстрации в эфире на передачи и программы. Для передач характерны жанровая принадлежность, для программ — форматная.

Литература:

1. Концепция развития телерадиовещания в Российской Федерации на 2008–2015 годы. URL// www.telesputnik.ru/docs/concept.doc
2. Качкаева, А. Г. Жанры и форматы современного телевидения. Последствия трансформации // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2010. — № 10. — с. 44.
3. Князев, А. Основы тележурналистики и телерепортажа. Учебное пособие Бишкек, КРСУ — 2001, 160 с.
4. Лашук, О. Р. Термин «формат» в массовой коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2010. — № 10. — с. 34–37.
5. Мясникова, М. А. Понятия «жанр» и «формат» в арсенале медиапедагога, Журнал «Образование. Медиа. Общество: Пространство сотрудничества», 2011, № 4, URL// <http://www.ruskenpo.ru/text/101?m=7>
6. Новикова, А. А. Гибридность как определяющий признак телевизионного формата. Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2010. — № 10. — С.58.
7. Тютюнина, А. В. Магистерская диссертация «Типология форматов российских телеканалов». URL// www.hse.ru/data/2013/06/06/1283872237/диссертация.doc
8. Цвик, В. Л. Классическая теория жанров и современные телевизионные форматы. Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2010. — № 10. — с. 55.
9. Williams, R. Television: technology and cultural form. — Routledge, 2003. — P. 34.
10. Format creation // TV formats. URL: <http://www.tvformats.com/formats.html>.
11. <http://glossary.ccteam.ru/k/kontent.html>
12. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82_%D0%B1%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B5%D1%81
13. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D1%84%D0%B8%D1%80>
14. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB_%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%B0_%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BE%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%82
15. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%82>
16. www.hse.ru/data/2013/06/06/1283872237/диссертация.doc <http://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D1%87%D0%B0>
17. <http://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C>
18. <http://www.ozhegov.com/words/22688.shtml>

Сравнительная характеристика выражения негативных эмоций персонажей романов Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Идиот»

Шахназарян Наринэ Ониковна, аспирантка

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (Саратов)

Автор статьи исследует негативное эмоциональное состояние СТРАДАНИЕ в прозе Ф. М. Достоевского. Выбор романов «Преступление и наказание» и «Идиот» в качестве материала исследования обусловлен рядом общих тем и мотивов, связанных со страданием персонажей: болезнь, преступление, наказание, страдание, любовь, истина.

Ключевые слова: эмоциональное состояние, страдание, мука, источник страдания, пресечение страдания, страх, тоска, ужас, злоба, очищение.

Практически все герои двух романов Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Идиот» попарно сравниваются друг с другом, обнаруживая внутреннее родство или различие.

Абсолютными противоположностями являются главные персонажи двух романов — Родион Раскольников и князь Лев Мышкин.

Раскольников сам обрекает себя на страдания, желая проверить на практике выдуманную им теорию. Страдание Раскольникова — «продукт многих сложных нравственных и материальных тревог, опасений, некоторых идей» [2, с. 203]. Жизненный путь Раскольникова — проверка теории.

Князь Мышкин никаких теорий не выдумывает, для этого он слишком неприспособлен к жизни, Мышкин — естественный (природный) человек: «Есть такие высокие идеи, о которых я не должен начинать говорить, потому что я непременно всех намешу» [3, с. 211]. В Мышкине наивность, простодушие, слабое личное самосознание, недостаток практического опыта сочетаются со способностью наблюдать и понимать тончайшие движения души.

Различно и отношение героев к другим людям. Раскольников часто потребительски относится к окружающим, ставит на них психологические опыты, вгоняя их в предложенные им ситуации (вспомним беседы со следователем Порфирием Петровичем, Свидригайловым, проверка на старухе-процентщице своей теории). Весь мир как будто вертится вокруг Раскольникова, все пытаются ему помочь, идут на жертвы (Соня, Пульхерия Александровна, Дунечка).

Мышкин же сам помогает другим, выслушивает их истории, постепенно зарабатывает доверие каждого, кто его знает. Мышкин абсолютно искренен во всех своих проявлениях, Раскольников — игрок, им в какой-то момент овладевает азарт: «Тварь я дрожащая или право имею?» [2, с. 37]. Этот вопрос вызов себе.

Страдания Мышкина — следствие болезни. Ф. М. Достоевскому удается очень точно и оправданно с точки зрения повествования вписывать приступы болезни в ткань текста: «В такое время он (Мышкин) часто смешивает предметы и лица. Ему очень захотелось

проверить, стоял ли он сейчас перед лавкой: была одна вещь, на которую он смотрел и даже оценивал в шестьдесят копеек серебром» [3, с. 179]. Художественная деталь тонко вписывается в логику передачи состояния Мышкина перед эпилептическим припадком.

Раскольников — сознательный преступник, никто его не заставляет брать на душу грех убийства. Раскольников — бунтарь, не желающий мириться с несправедливыми законами общества: «Люди не поменяются. У них, кто на сильный поступок решился, тот и прав» [2, с. 237]. Раскольникову свойственна мания превосходства и вседозволенности.

Читателю интересно следить за постепенным нравственным очищением Раскольникова, наблюдать, как его страдания в финале эпилога облегаются. Важно, что героя спасает вера, сострадание (совместное страдание с Сонечкой), ему помогает сила духа и характера. Раскольников приходит к осознанию ценности человеческой жизни после сна о моровой язве, в котором все человечество жило по его теории: «Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе» [2, с. 447]. Злоба — «резко негативная эмоция» [4, с. 455]. Раскольников теперь начинает осознавать, что никакая теория не стоит человеческой жизни. Он решается открыть Евангелик, подаренное ему Сонечкой Мармеладовой: «Разве могут её убеждения не быть теперь и моими убеждениями?» [2, с. 459]. Только вера и бесконечная любовь Сонечки позволяют ему искупить все грехи, за которые герой обречен на страдания.

Мышкину не нужно ни от чего очищаться, он абсолютно положительный персонаж, чистый: «Дитя совершенное, младенец» [3, с. 57] — так называют смущающегося, как «десятилетний мальчик» [3, с. 61] князя взрослые, занятые своими практическими интересами. В традиции Ф. М. Достоевского ребенок всегда представляется образцом невинности, безгрешности, правды и красоты. Такой положительно прекрасный Мышкин оказывается непонятным обществу.

Сопоставим центральных женских героинь двух романов — Соню Мармеладову и Настасью Филипповну Барашкову.

Соня гораздо более гармоничная личность, чем Настасья Филипповна. Настасья Филипповна воплощает двойственную сущность человека. Она сознательно идет на страдания, как бы бросая вызов мирозданию, доказывая свое своеволие и полную независимость от общепринятых человеческих законов. Приверженность к страданию доводит Настасью Филипповну до крайних пределов раздвоения. Путь Настасьи Филипповны — не в преодолении внешних препятствий к гармонии (как у Сони), а в разрешении конфликта между полярными сторонами собственной души. И здесь уже не она за спинами героев-мужчин, а Мышкин и Рогожин оттеняют две стороны ее натуры. Соня же всегда за Раскольниковым стоит, поддерживает его.

В образе князя Мышкина слышится голос истины, принимающей человеческую сущность героини, в образе Парфена Рогожина — голос лжи, осуждающий Настасью Филипповну как падшую женщину.

Внутренняя полярность характера Настасьи Филипповны прослеживается в монологах, имеющих форму скрытого диалога. Или часто Настасья Филипповна задает вопрос окружающим людям, но потом отвечает на него сама: «*А! а-а! Вот и развязка? Наконец-то! Половина двенадцатого! — вскричала Настасья Филипповна; — прошу вас садиться, господа, это развязка. Сказав это, она села сама. Станный смех трепетал на губах ее. Она сидела молча, в лихорадочном ожидании, и смотрела на дверь*» [3, с. 328]. Причиной раздвоения характера героини является гордыня (как она сама указывает в письме к Аглае Епанчиной). Это качество совершенно не характеризует Соню. Соня — покорная судьбе христианка, все выпавшие на ее долю земные страдания она покорно принимает, веруя в райскую жизнь после смерти. Прямого разрешения страданий Сони в рамках романного повествования мы не наблюдаем, эта линия остаётся открытой. Разве могут закончиться страдания и самопожертвования Сони после того, как вслед за отцом, дети Мармеладова лишились еще и Катерины Ивановны. Но в смысле философском, Соня приходит к счастью, к полной гармонии. Она проходит земной путь Христа: через страдания к истине. Совместное чтение Евангелия и исповедь Раскольникова, облегчающие в большей степени страдания Раскольникова, на самом деле помогают и Соне.

Ключевыми понятиями для характеристики Сони являются *истина — добро — красота*. В данном случае *истина* выступает и как правда, и как система нравственных ценностей, и как норма поведения — надо жить по правде.

Настасья Филипповна оказывается неспособной разрешить свой внутренний конфликт в пользу истины, поэтому она провоцирует собственное физическое разрушение. Ее земные страдания оказываются бессмысленными.

Познание истины, достигнутое Соней через земную жизнь, через страдание, остается для Настасьи Филипповны недостижимым.

Свидригайлов и Рогожин — два отрицательных, негативных и самодовольных персонажа, но чем-то симпатичных и читателю, и главным героям романов (Родиону Раскольникову и князю Мышкину).

Свидригайлов и Рогожин вышли из низов общества, их прошлое порочно.

На совести Свидригайлова ряд возможных убийств в прошлом, Рогожин в финале романа убивает свою возлюбленную Настасью Филипповну. Свидригайлов в конце романа под ложным предлогом заманивает в ловушку Дуню, но ей удается спастись.

И для Рогожина, и для Свидригайлова любовь могла стать методом пресечения страдания, но Дуня и Настасья Филипповна не ответили им взаимностью.

Свидригайлов — статичен, его исход — самоубийство. Трагическое движение характера Рогожина — в мучительных попытках перешагнуть пропасть между собой и предметом любви.

Петра Петровича Лужина и Гаврилу Иволгина Ф. М. Достоевский не наделяет никакими особенностями, они заурядны, поэтому несимпатичны читателю.

Причин для страдания ни у одного, ни у другого нет. Ф. М. Достоевский этих персонажей не проверяет страданием, не приводит их к духовному очищению. Основными негативными состояниями для них являются страх, испуг, стыд за родных.

Сам Ф. М. Достоевский дает Гане и его поступкам исчерпывающую характеристику, очень важную для понимания творческих принципов писателя: «*К разряду обыкновенных или ординарных людей принадлежат и некоторые лица нашего рассказа. Нет ничего досаднее как быть, например, богатым, порядочной фамилии, приличной наружности, недурно образованным, не глупым, даже добрым, и в то же время не иметь никакого таланта, никакой особенности, никакого даже чудачества, ни одной своей собственной идеи. Ум есть, но без своих идей; сердце есть, но без великодушия*». [3, с. 347]. Здесь многократное повторение слов *никакой, никакого*. Ганя — человек, в котором все *слишком* не перешли ни в одно *особенное*. Он не может найти свое место в этом мире, ему везде некомфортно, особенно дома. Для каждого нормального человека семья — это опора и оплот в жизни, а Гане стыдно за своих близких и родных: «*Про Ганю и говорить было нечего: он все время стоял, выдержав немую и нестерпимую муку. — Папенька, я вас прошу выйти на два слова, — дрожащим, измученным голосом проговорил Ганя, машинально схватив отца за плечо. Бесконечная ненависть кипела в его взгляде*» [3, с. 120]. Бесконечную ненависть Ганя испытывает не к кому-нибудь, а к собственному отцу. Существительное *бесконечность* и прилагательное *бесконечный* часто применяются Достоевским именно по отношению к Гавриле. Вся гамма негативных эмоций, свойственная Гане, отличается близостью к чему-то отворотительному, неприятному, постыдному. Герой ни с кем и никогда не становится до конца откровенным.

Сложность исследования эмоциональной сферы человека проявляется в динамическом развитии эмоций, в возможности перехода одной эмоции в другую, похожую или полярную. Разница между несколькими эмоциями, переход одной эмоции в другую, могут быть едва ощутимы, но важны в ткани текста художественного произведения.

Исследование эмоций в художественном тексте усложняется наличием нескольких интерпретаторов ситуации: герой, автор, читатель. Художественный текст полисемантический, допускает множественность интерпретаций,

как показало сценарное изучение негативных эмоций лингвистами [1].

Неоднозначность интерпретации событий — причина возможности возникновения противоположных эмоций у разных персонажей одной ситуации. Возможно и несоответствие переживаемых героем эмоций с существующими в нашем читательском сознании стандартами поведения. Желание героя избежать неприятных последствий вызывает стремление скрыть или подделать свои эмоции. Все это отражено в художественном тексте обоих романов.

Литература:

1. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 368 с.
2. Достоевский, Ф.М. Роман «Преступление и наказание». Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1982. Т. 5. 457 с.
3. Достоевский, Ф.М. Роман «Идиот». Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1982. Т. 6. 821.
4. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Институт русского языка, 2007. 1173 с.

ПРОЧЕЕ

Осенний интенсив «Биотехнологии будущего — 2014»

Анучкина Елена, исполнительный директор
Образовательная организация Future Biotech (г. Москва)

С 26 по 29 сентября 2014 г. в Москве проходил Осенний интенсив «Биотехнологии будущего» — конференция, посвященная карьерным перспективам молодых специалистов естественнонаучного профиля и медиков. Участники получили уникальную возможность познакомиться с ведущими специалистами в науке, медицине, бизнесе и научно-популярной журналистике. Интенсив организован образовательной компанией Future Biotech и прошел при поддержке Министерства здравоохранения РФ и «Российской венчурной компании».

Интенсив начался в здании Института биорганической химии на юго-западе Москвы и продолжился в самом центре города на площадке Digital October. В конференции приняли участие 70 человек в возрасте 18–33 лет из Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Ярославля, Ижевска, Владимира и других городов России и стран СНГ. Участники были отобраны на конкурсной основе с учетом не только текущих успехов, но и мотивации к бу-

дущим достижениям. Участие в интенсиве бесплатно, как и во всех программах Future Biotech, потому что одним из основных принципов компании является предоставление равных возможностей вне зависимости от материального положения или региона проживания человека, подающего заявку.

Основные задачи программы — расширить мировоззрение молодых биологов, химиков и врачей и показать им разнообразные карьерные пути в науке, медицине и бизнесе. Как и другие мероприятия серии «Биотехнологии будущего», интенсив также ориентирован на повышение престижа науки и увеличение конкурентоспособности российских специалистов на мировом рынке.

Научная программа

В этом году каждый день осеннего интенсива был посвящен отдельной теме:

Рис.1. Выступление Елены Колгановой, компания SPLAT

- 26 сентября — карьера в академической среде;
 - 27 сентября — карьера в фармацевтическом и биотехнологическом бизнесе;
 - 28 сентября — карьера в медицине;
 - 29 сентября — предпринимательство и карьера в научных изданиях и научно-популярных СМИ.

В качестве лекторов выступили:

- **Сергей Лукьянов**, заместитель директора и руководитель отдела геномики и постгеномных технологий Института биоорганической химии им. академиков М.М. Шемякина и Ю.А. Овчинникова РАН, академик РАН;
- **Михаил Островский**, руководитель отдела фотохимии и фотобиологии Института биохимической физики им. Н.М. Эмины РАН, академик РАН;
- **Сергей Недоспасов**, заведующий лабораторией молекулярной иммунологии в Институте молекулярной биологии им. В.А. Энгельгардта РАН и отделом молекулярной иммунологии в Институте физико-химической биологии им. А.Н. Белозерского МГУ, член-корреспондент РАН;
- **Сергей Готье**, главный трансплантолог Министерства здравоохранения РФ, заведующий кафедрой трансплантологии и искусственных органов Первого МГМУ им. И.М. Сеченова, директор ФГБУ «Федеральный научный центр трансплантологии и искусственных органов им. академика В.И. Шумакова», академик РАН;
- **Евгений Шляхто**, президент Российского кардиологического общества, директор ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр им. В.А. Алмазова», академик РАН;
- **Михаил Самсонов**, директор медицинского департамента «Р-Фарм»;
- **Александр Карабельский**, заведующий лабораторией молекулярной генетики компании BIOCAD, ставшей стратегическим партнером мероприятия;
- **Елена Колганова**, директор по разработке проектов и управлению поставками компании SPLAT, ставшей интеллектуальным партнером интенсива;
- **Сергей Мошковский**, руководитель лаборатории медицинской протеомики Научно-исследовательского института биомедицинской химии им. В.Н. Ореховича;
- **Сергей Сошников**, заведующий отделением математического моделирования в здравоохранении Центрального НИИ организации и информатизации здравоохранения;
- **Екатерина Померанцева**, руководитель генетической лаборатории Института стволовых клеток человека («Лаборатория Генетики»);
- **Надежда Орлова**, партнер исследовательской компании Abercade;
- **Алексей Сиднев**, генеральный директор Senior Group;
- **Александр Габибов**, заместитель директора и заведующий лабораторией биокатализа ИБХ РАН, главный редактор журнала Acta Naturae, член-корреспондент

РАН, иностранный член Французской академии фармацевтики и другие эксперты.

Участники интенсива не только слушали лекции, но и приняли участие в экскурсии в «Технопарк ИБХ» РАН, на практике изучили принципы ЯМР-спектроскопии, а также проработали планирование исследований и формирование концепции наукоемких продуктов в формате командных игр. Кроме этого, на интенсиве прошли два круглых стола с участием молодых заведующих научными лабораториями и редакторов известных научно-популярных изданий.

«По нашему опыту, российским университетам очень не хватает дней карьеры с насыщенной и разнообразной программой для ученых. Важно сформировать у молодых специалистов полную картину их возможностей, рассказать не только об академической карьере, но и о том, что из себя представляют крупные фармацевтические и биотехнологические компании, наукоемкие стартапы, медицинские центры и редакции научных изданий. В рамках осеннего интенсива «Биотехнологии будущего» мы организовали лекции лучших российских специалистов в различных областях науки и пригласили выступить опытных практиков из наукоемкого бизнеса. Мы надеемся, что наши участники будут лучше понимать, кем и где они хотят работать, и станут профессионалами в своей сфере. Это принесет пользу не только им самим, но и нашей стране в целом», — говорит **Анастасия Дёмина**, генеральный директор Future Biotech.

Партнеры мероприятия

Помимо Future Biotech в формировании программы мероприятия также принимали участие Институт биоорганической химии РАН, Первый МГМУ им. И.М. Сеченова и Министерство здравоохранения РФ. Партнерами мероприятия стали «Российская венчурная компания», Biocad и Splat.

О Future Biotech

Future Biotech — частная образовательно-аналитическая компания, созданная в 2012 году. Основные цели деятельности — актуализация знаний молодых ученых в области биологии, химии и медицины; повышение конкурентоспособности российских специалистов на международном рынке; поддержка наукоемкого предпринимательства. Future Biotech проводит образовательные конференции («школы») и циклы семинаров для студентов, аспирантов и научных сотрудников со всей России. Партнерство с крупными компаниями позволяет делать участие в мероприятиях Future Biotech бесплатным, с покрытием расходов на питание и проживание (если это необходимо). В настоящий момент на образовательных программах FB побывало более 1500 человек. В 2014 году в МГУ им. М.В. Ломоносова в партнерстве с Future Biotech стартовала магистратура «Менеджмент биотехно-

Рис.2. Выступление Сергея Готье

Рис.3. Выступление Евгения Шляхто

Рис.4

логий» — уникальная программа, направленная на кооперацию между биологами и экономистами и развитие практических навыков менеджмента в области биотехнологий.

Кроме того, Future Biotech выполняет проект по созданию программы Московского биотехнологического кластера по заказу Центра инновационного развития г. Москвы.

Причины коммуникативных неудач в межкультурном общении

Бахурова Евгения Петровна, магистр лингвистики
Российский университет дружбы народов (г. Москва)

Ключевые слова: коммуникация, межкультурная коммуникация, коммуниканты, коммуникативные неудачи в межкультурном общении.

В наш стремительный век время течет со скоростью света. Все изменяется ежеминутно. Человеческие контакты становятся шире, свободнее и понятие межкультурного общения уже не вызывает удивления, а, напротив, плотно входит в нашу жизнь. Каждому человеку предельно понятно, что не общаться попросту невозможно: нам не нужны для этого только слова. Люди общаются и невербально путем жестов, звуков, взглядов. Не только коммуникация как таковая, но и межкультурная коммуникация стала частью нашей повседневной жизни.

Объект межкультурной коммуникации интересен сам по себе, так как он размещается на стыке нескольких фундаментальных наук: лингвистики, культурологии, психологии, лингвострановедения, этнографии, социологии. Теория межкультурной коммуникации имеет огромное значение, поскольку в современный век сверхскоростной информации контакты между людьми, народами, культурами чрезвычайно интенсифицируются, типичным становится поликультурное и полиэтничное общество. [2, с.10–11]. Создание и повсеместное использование таких программ и приложений для ПК и мобильных устройств как ICQ, Skype, WhatsApp и т.д. существенно облегчает процесс обмена информацией. Существующие ныне системы мгновенного обмена сообщениями в режиме реального времени через сеть Интернет (Instant Messaging, IM — англ.) дают человечеству свободу общения и самовыражения. К самым распространенным мессенджерам относятся: уже названное и всем известное ICQ, MSN, Yahoo! Messenger, QIP, Miranda IM, Google Talk, Skype, Viber, Twitter, Facebook. Не стоит забывать и используемые нами каждый день SMS и e-mail, вытеснившие в крупных городах системы традиционного обмена сообщениями (классическая почта, телефонные звонки).

Однако, несмотря на огромное разнообразие мессенджеров, практический подход к проблемам МКК недостаточно изучен, поскольку, во-первых, теория межкультурной коммуникации — сравнительно новая дисциплина, в частности, для России. Во-вторых, существует ряд спорных вопросов, до сих пор не имеющих однозначного решения, так как мнения исследователей расходятся в силу неоднозначности этой учебной дисциплины.

В-третьих, российская учебно-методическая база достаточно скудна и не вполне оказывает помощь в рассмотрении того и или иного вопроса.

С одним из таких спорных моментов в теории и практике межкультурной коммуникации (так как без практического применения нет и теории) я и попыталась разобраться в моей научной статье, название которой звучит как «Причины коммуникативных неудач в межкультурном общении».

В основу этой статьи легла моя магистерская диссертация, успешно защищенная в 2007 г. в Российском Университете Дружбы Народов (Москва, Россия), а также современные работы исследователей, предлагающих свою точку зрения по этой проблеме. Итак, попробуем разобраться, откуда возникает понятие коммуникативной неудачи и рассмотрим причины, эти неудачи порождающие.

Каким бы интересным и познавательным ни был процесс общения между людьми, тем не менее, он подразумевает под собой неполноту и неоднозначность. Мы прилагаем максимум усилий, чтобы точно передать нужную нам информацию, четко сформулировать свою мысль и донести ее до собеседника. Но что мы видим в результате? А в результате, как говорил классик: «Мысль изреченная есть ложь» (Ф. Тютчев):

*«Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь».*
[9, с.40.]

Таким образом, процесс коммуникации предстает перед нами цепью непрерывных сбоев, ничего не значащих фраз и, как следствие, коммуникативных неудач. Если же речь идет об общении представителей разных культур, тогда возникает проблема коммуникативной неудачи (КН) в межкультурном общении (МКО).

Для начала вспомним, что говорил в своих работах величайший исследователь теории языка немецкий мыслитель-гуманист Вильгельм фон Гумбольдт, так как каждый специалист в области исследования МКК должен осознавать его великий вклад в лингвокультурологию и языкознание. Согласно его теории, «форма каждого языка

находится в неразрывной связи с духовными задатками народа и с той силой, которая порождает и преобразует эту форму... Весь путь, по которому движется язык... есть порождение духа... Язык есть орган, образующий мысль (Die Sprache ist das bildende Organ des Gedanken) ... Духовное своеобразие и строение языка народа пребывают в столь тесном слиянии друг с другом, что коль скоро существует одно, то из этого обязательно должно вытекать другое.»... [3, 74–75]. Таким образом мы видим, насколько тесно связан так называемый Гумбольдтом «дух народа» и язык. А что по сути своей представляет субъект народного духа? Им является человек говорящий. Как пишет в своих трудах современный специалист в исследовании теории и практики МКК Виктория Владимировна Красных (именно благодаря ее великолепному курсу и была выбрана тема моего магистерского исследования): «Человек говорящий — личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность (охватывающая как процесс порождения, так и процесс восприятия речевых произведений)». [6, с.50].

Таким образом, возникает понятие коммуникации. Моделей коммуникации было предложено великое множество. Предлагаю рассмотреть наиболее, на мой взгляд, интересные.

1. Теория коммуникации Аристотеля состоит из трех частей:

- а) этос — качества (природа) отправителя информации;
- б) логос — природа, структура и содержание послания или информации;
- в) пафос — природа, чувства и мысли получателя информации/аудитории.

2. Теория Гарольда Ласвелла, имеющая свое начало в более близкое к нашим дням время (XX век), состоит из следующих составляющих:

- а) кто говорит;
- б) что говорит;
- в) кому говорит;
- г) с каким результатом.

3. Модель Шеннона и Уивера [7, с.90], адаптированная Гаррисоном, на мой взгляд, представляет собой на сегодняшний день самую полную модель коммуникации, в которой вводится такое понятие как «шум». Под шумом понимается нарушение связи между элементами коммуникации. Подобные нарушения могут быть вызваны как особенностями канала передачи (например, техническими проблемами передачи звука при телефонном разговоре (помехи на линии, некачественная связь), так и задумчивостью или невнимательностью отправителя или получателя информации, физическим нездоровьем, эмоционально-волевым настроением (рассеянность, симпатия, антипатия), личной заинтересованностью/незаинтересованностью и т.д. Обозначим элементы коммуникации по Гаррисону:

- а) отправитель информации;
- б) шум;
- в) кодировка информации;

- г) шум;
- д) посредник/послание;
- е) шум;
- ж) декодирование информации;
- з) шум;
- и) получатель информации;
- к) шум. — Причем, все элементы неразрывно связаны между собой и представляют некую замкнутую цепь. [10, с.28–29].

Для лучшей наглядности рассмотрим коммуникационную модель на схеме (Рис. 1):

Таким образом, мы понимаем, что сообщение полученное далеко не всегда такое же, как сообщение отправленное — если, конечно, вообще может идти речь о таком соответствии. Как же тогда добиться успешной коммуникации в таких условиях?

Вспомним, что В.В. Красных рассматривает коммуникацию как «процесс взаимодействия двух и более языковых личностей с целью передачи или получения, обмена информацией, т.е. того или иного воздействия на собеседника, необходимого для осуществления совместной деятельности [4, с. 172]. Поскольку коммуникация при таком понимании предполагает процесс передачи / получения / обмена информацией, то число коммуникантов всегда больше или равно двум. А если коммуникантов как минимум двое, то для успешного процесса коммуникации их должно что-то объединять. Что же это? «Одним из важнейших факторов, обуславливающим адекватность коммуникации, ... является наличие общего фонда знаний коммуникантов». [6, с.99].

Если же общего фонда знаний нет или по разным причинам возникает «шум», мы сталкиваемся с понятием коммуникативной неудачи. Если же участники коммуникации принадлежат к разным культурам, возникает коммуникативная неудача в межкультурном общении (КН в МКО).

Согласно выводам, сделанным мною в моей магистерской диссертации, на возникновение КН оказывают влияние как лингвистические, так и экстралингвистические факторы, причем последние определяют выбор говорящим тех или иных языковых средств.

К лингвистическим факторам, вызывающим коммуникативные неудачи, относятся:

1. ошибки кодирования, неверный выбор коммуникантом кода передачи сообщения;
2. характер акта референции.

Экстралингвистические факторы, приводящие к коммуникативным неудачам — пресуппозиция, коммуникативная установка говорящего, искажение передаваемого сообщения, использование невербальных компонентов коммуникации, психический феномен «внимание». [1, с.88]

Кроме того, выделяются КН, порождаемые свойством языка, неоднозначностью языковых единиц, различиями в коде говорящего и слушающего, различиями в индивидуальных свойствах говорящего, неверным по-

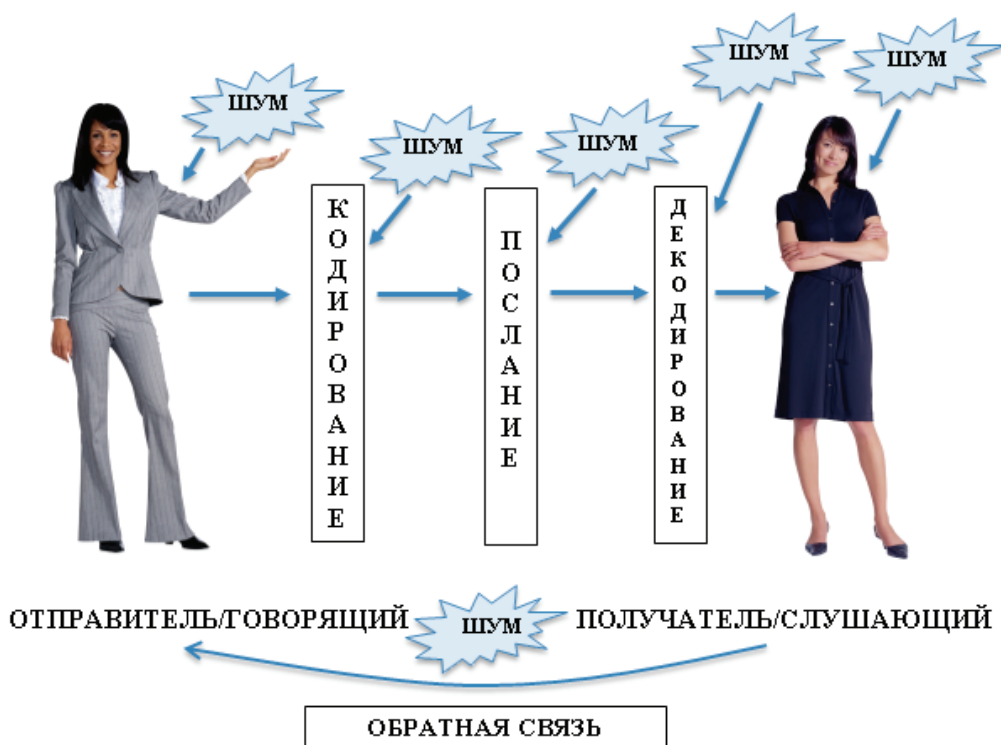

Рис. 1 Адаптация Гаррисона модели Шеннона и Уивера

ниманием коммуникативного намерения говорящего, неадекватной передачей чужой речи, этноцентризмом, прагматическими факторами, игнорированием одним из собеседников прагматического компонента в семантике слова, нарушением стереотипных связей между категориями смыслов, наличием стереотипов речевого поведения и мышления.

Для иллюстрации вышеозначенных выводов приведу пример, а именно, политический анекдот как источник коммуникативных неудач по причинам отсутствия фоновых знаний и неверного понимания слушающим коммуникативного намерения говорящего. Итак:

Американский президент звонит советскому (российскому) лидеру и говорит, что у Америки на 10 ракет с ядерными боеголовками больше и, таким образом, США вырвались вперед в гонке вооружений. Советский (российский) лидер в ужасе, но тут ему докладывают, что еще 20 ракет случайно нашли где-то в тайге. Очень довольный советский лидер восклицает: «Пока у нас такой бардак, мы непобедимы!»

Как мы видим, коммуникативная неудача может быть вызвана не только отсутствием общих фоновых знаний участников коммуникативного акта, но и разными политическими взглядами рассказчика и слушателя. Возможно, говорящий даже не задумывался о возможном непонимании со стороны слушающего, поскольку для него самого его послание предельно ясно и понятно, и даже смешно. Рассказывание анекдота «чуждой» слушателю идеологической направленности вместо смеха может не

только привести к КН, но даже вызвать конфликтную ситуацию. [1, с.67].

Итак, на основании проведенного анализа источников, посвященных теории и практике исследования межкультурной коммуникации и причин КН в МКО, я пришла к следующим выводам, которые я постаралась изложить в форме советов коммуникантам:

1. В процессе межкультурного общения необходимо сформировать положительный настрой к партнеру, поскольку негативный человеческий настрой влечет за собой дисбаланс в восприятии чужой культуры. Как результат, культура говорящего может быть отвергнута слушающим или понята превратно. На начальном этапе общения с представителями чужой культуры необходимо говорить четко и медленно, избегать использования идиом, анекдотов, культурно-специфических слов и выражений, сокращений. Все ваши усилия будут вознаграждены успешным актом коммуникации.

2. В процессе межкультурной коммуникации будьте готовы и открыты к познанию новой=чужой (ставим знак равенства) культуры, поскольку психологическая зажатость говорящего и/или слушающего нивелирует успешное восприятие межкультурных различий.

3. Научитесь видеть и слышать контекст коммуникации, который тоже несет большую смысловую нагрузку. Так как мы подаем и получаем информацию и на вербальном, и на невербальном уровне (жесты, взгляды, тактильные ощущения и тд), то игнорирование этой составляющей коммуникации непременно приведет, к со-

жалению, к КН. Безусловно, декодирование посланий представителями разных культур проходит по-разному, но преодоление основных сложностей сделаем коммуникацию плодотворной.

4. Совет с точки зрения психологии коммуникации: преодоление этноцентризма, являющегося одним из серьезных причин КН в МКО. Мы часто встречаем людей, которые чувствуют некое превосходство над другими, следовательно, их эгоцентризм может быть перенесен и на этноцентризм, в результате которого они могут быть не готовы и/или не способны понять и оценить не только своего партнера по МКК, но и культурные ценности представителей других наций. Эго- и этноцентризм тоже становится причиной КН в МКО.

5. Слушающему необходимо стремиться верно истолковывать коммуникативные намерения говорящего. На примере приведенного политического анекдота мы наглядно убедились в этом утверждении.

6. Стремитесь к созданию общих фоновых знаний в процессе коммуникации. Если же акт коммуникации первичный, убедитесь, что ваш собеседник обладает теми же знаниями, что и вы, будь то общекультурные, психологические, политические и проч., иначе коммуникативной неудачи не избежать.

Литература:

1. Бахурова, Е. П. Причины коммуникативных неудач в межкультурном общении: дис. магист. лингв.: 05.24.07/ Е. П. Бахурова. — Москва: ИИЯ РУДН, 2007, 95 с.
2. Белая, Е. Н. Теория и практика межкультурной коммуникации: учеб. пособие./ Е. Н. Белая. — Москва: Форум, 2011, 208 с.
3. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию./ Общ. ред. Г. В. Рамишвили. — Москва: ОАО ИГ Прогресс, 2000, 400 с.
4. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации./ В. В. Красных. — Москва: ИТДГК Гнозис, 2001, 270 с.
5. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология./ В. В. Красных. — Москва: ИТДГК Гнозис, 2002, 270 с.
6. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?/ В. В. Красных. — Москва: ИТДГК Гнозис, 2003, 375 с.
7. Николаева, Ж. В. Основы теории коммуникации: учебно-методич. пособие/ Ж. В. Николаева. — Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2004, 274 с.
8. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие/ С. Г. Тер-Минасова. — Москва: Слово/Slovo, 2000, 624 с.
9. Тютчев, Ф. И. Серия: Русский мир в лицах./ Г. В. Чагин — Москва: Русский мир, 2004, 400 с.
10. Theaker Alison, Public Relations/ пер. с англ. С. Бердышева, — Москва: Изд-во Проспект, 2006, 336 с.

7. Необходимо овладеть набором коммуникативных средств и уметь их правильно выбирать в зависимости от ситуации общения и от выбора собеседника (тон, стиль, тематика и т. д.). Помните тот факт, что в каждой культуре существует определенное количество запрещенных для обсуждения тем. В западной коммуникативной традиции темы о физическом состоянии человека, перенесенных заболеваниях, зарплате собеседника, источниках его заработка, как правило, закрыты. Помните об этом и старайтесь учитывать этот факт в процессе МКО.

8. Будьте открыты новым контактам и общению с новыми собеседниками, не стоит рассматривать понятие «новое» как синоним «чужое». Если участники коммуникации толерантно настроены друг к другу и к акту коммуникации, их безусловно ждет успех.

Список используемых сокращений

- МКК — межкультурная коммуникация
 МКО — межкультурное общение
 КН — коммуникативная/ые неудача/и
 КН в МКО — коммуникативные неудачи в межкультурном общении

Молодой ученый

Ежемесячный научный журнал

№ 18 (77) / 2014

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Игнатова М. А.
Каленский А. В.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенюшкин Н. С.
Ткаченко И. Г.
Яхина А. С.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Голубцов М. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

E-mail: info@moluch.ru

http://www.moluch.ru/

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4